PG 3104
.M34
1863

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class PGR231

Book .M21

YUDIN COLLECTION

120

О БЫЛИНАХЪ

ВЛАДИМІРОВА ЦИКЛА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Л. МАЙКОВА

на степень магистра русской словесности.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

2443.
Н. Торозов

О БЫЛИНАХЪ

ВЛАДИМІРОВА ЦИКЛА.

Maikov, Leonid Nikolaevich

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Л. МАЙКОВА

на степень магистра русской словесности.

5m
1873

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

PG3104
.M34
1863

Печатать дозволено по опредѣленію Историко—Филологическаго факультета. 18 Мая 1863 г.

Деканъ *И. Срезневскій.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

88-115943
9086-D2/29/88

СОДЕРЖАНІЕ.

Введеніе. *Раздѣленіе былинъ на циклы.* Стр 1.

I. *Общіе вопросы относительно былинъ Владимірова цикла:* Изданія ихъ. Мѣстности, гдѣ сохраняются былины; нынѣшніе пѣвцы былинъ; пересказы. Стр. 5.—Изложеніе основного содержанія былинъ. Стр. 10. — Время и мѣсто сложенія былинъ Владимірова цикла; кто могъ пѣть ихъ въ старину? среди какого общества онѣ возникли? Стр. 21. — Позднѣйшія наслоенія, которыя приняли на себя былины Владимірова цикла въ слѣдствіе храненія ихъ только въ памяти народа. Стр. 36.

II. *Разсмотрѣніе былинъ какъ памятниковъ народнаго быта и понятій:* Народъ Русскій и народы чужіе. Мѣстность, обитаемая Русскимъ народомъ. Пути сообщенія. Города и села; жилища. Пища; питія; домашняя утварь; одежда; способы сообщенія. Занятія и увеселенія. Стр. 42. — Бытъ семейный; отношенія родителей и дѣтей; отношенія супруговъ. Положеніе женщины. Стр. 56. — Бытъ общественный: князь; его отношенія къ дружинѣ. Дружина. Прочіе классы народа Стр 61. — Военный промыселъ: вооруженіе; военные обычаи. Стр. 72. — Торговля внутренняя и иностранная. Судоходство. Стр. 79. — Грамотность. Свѣдѣнія и понятія о чужихъ краяхъ и народахъ. Понятія нравственныя; война и миръ; побратимство; уваженіе къ старшимъ; гостепріимство. Вѣрованія; суевѣрія; набожность и ея проявленія. Стр. 83— Юридическій бытъ: договоры; наказанія. Стр. 92.

III. *Разсмотрѣніе былинъ въ отношеніи литературномъ:* Былины какъ выраженіе дружиннаго быта. Значеніе лица великаго князя въ кругу лицъ, дѣйствующихъ въ былинахъ. Герои отдѣльныхъ былинъ — богатыри дружинники; общія черты этого типа и идеализація дѣйствительныхъ лицъ богатырей въ поэзіи; гиперболическое представленіе ихъ свойствъ, элементъ чудеснаго. Характеристика нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, выведенныхъ въ былинахъ: Илья Муромецъ, Добрыня, Алеша и пр.; женскія лица. Историческое и нравственное значеніе былинъ Владимірова цикла для народа. Стр. 94.

Русскій народный эпосъ, сохранившійся въ тѣхъ стихотворныхъ поэтическихъ произведеніяхъ, которыя Великорусское племя называетъ *былинами*, *старинами* и *побывальщинами*, по своему содержанію соотвѣтствуетъ нѣсколькимъ, постепенно смѣнявшимся періодамъ исторической жизни Русскаго народа. Согласно этому дѣленію на періоды и самый эпосъ былинъ можетъ быть раздѣленъ на нѣсколько цикловъ, и въ каждомъ изъ нихъ можетъ быть отличена своя извѣстная совокупность поэтическихъ представленій, которыя опредѣляютъ содержаніе цикла, отражая въ себѣ болѣе или менѣе полно бытъ и понятія каждаго періода.

Былины вспоминаютъ кіевскій удѣльный періодъ древней Руси въ томъ циклѣ, который групируется около Владиміра Краснаго Солнышка и изображаетъ подвиги и приключенія Владиміровыхъ дружинниковъ-богатырей[1]), Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Михайла Потока Ивановича, Дуная Ивановича, Василія Игнатьевича, Данилы Денисьевича, Дюка Степановича, Чурилы Пленковича, Хотена Блудовича, Ивана Годиновича, Ивана Гостинаго сына, Соловья Будиміровича и пр. Эти лица, хотя и введены въ обстановку исторической дѣйствительности, не суть по

[1]) Напротивъ того герои другихъ цикловъ почти никогда не называются богатырями.

большей части лица дѣйствительно существовавшія, но вымышлены народнымъ творчествомъ.

Въ слѣдъ за Владиміровымъ цикломъ должно поставить циклъ новгородскій; онъ заключаетъ въ себѣ былины, которыя изображаютъ картины древней новгородской жизни и главнѣйшихъ типическихъ представителей новгородскаго быта,—гостя (Садко богатый, Терентьище) и удальца (Василій Буслаевъ).

Третье мѣсто занимаетъ циклъ царскій или московскій, который изображаетъ историческія личности Ивана Грознаго, Гришки Отрепьева, Михайла Скопина, Алексѣя Михайловича, Петра Великаго, и событія такія, какъ Казанское взятіе, Земскій соборъ, Соловецкая осада и пр.

Четвертый циклъ одновремененъ съ предъидущимъ и представляетъ жизнь и подвиги приволжскихъ, донскихъ и сибирскихъ казаковъ, Ермака, Стеньку Разина, взятіе Сибирскаго царства и пр.

Съ переворотомъ, который совершается въ жизни Русскаго народа въ началѣ XVIII столѣтія, народныя историческія воспоминанія перестаютъ облекаться въ поэтическую форму былины, и послѣднія замѣняются военными и солдатскими пѣснями.

Но кромѣ былинъ, точно пріурочиваемыхъ къ главнымъ періодамъ нашего прошедшаго, есть произведенія этого же рода, которыя не могутъ быть съ полной опредѣленностью отнесены къ той или другой исторической эпохѣ. Таковы былины: во-первыхъ—о Святогорѣ, Микулѣ Селяниновичѣ и Волхѣ Всеславичѣ, и во-вторыхъ—о двухъ Ливикахъ или Витникахъ, о князѣ Романѣ Митріевичѣ, о князѣ Михайлѣ и пр. Первыя изъ этихъ былинъ нѣкоторыми изслѣдователями ставятся раньше Владимірова цикла; не рѣшаемся послѣдовать такому мнѣнію, такъ какъ нынѣшній текстъ

этихъ произведеній представляетъ слишкомъ много слѣдовъ позднѣйшаго вліянія; былины же о Ливикахъ и князьяхъ Романѣ и Михайлѣ, не примыкая ни къ циклу Владимірову, ни къ циклу новгородскому, ни къ царской эпохѣ, вѣроятно должны быть приняты за созданія того переходнаго времени, которое предшествовало утвержденію московскаго единодержавія.

Настоящій трудъ посвященъ однимъ только былинамъ Владимірова цикла.

Цѣль этого изслѣдованія — разсмотрѣть достоинства былинъ, какъ произведеній народной поэзіи времени не нашего, а минувшаго. Эта цѣль сама собою обозначаетъ два главные вопроса, которые должны быть здѣсь рѣшены:

во-первыхъ, — къ какому именно времени относится сложеніе былинъ Владимірова цикла;

во-вторыхъ, — каково ихъ значеніе, какъ памятниковъ народной поэзіи.

Разсматривая первый вопросъ, должно, по моему мнѣнію, отличать разнообразные пересказы каждой отдѣльной былины отъ общаго имъ основнаго содержанія, и именно въ немъ искать указаній, въ какое время былины сложились въ томъ видѣ, какъ мы ихъ знаемъ.

Рѣшая второй вопросъ, должно обращать одинаковое вниманіе и на то, въ какой мѣрѣ былины выражаютъ нравы, обычаи и понятія своего времени, и на ихъ поэтическое достоинство. Первая изъ указанныхъ здѣсь сторонъ значенія былинъ дастъ новыя данныя для бытовой исторіи ихъ времени и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердитъ новыми доказательствами, что онѣ принадлежатъ именно этой эпохѣ. Что касается поэтическаго значенія былинъ, то и въ этомъ отношеніи онѣ должны быть разсматриваемы

не просто со стороны эстетической, но со стороны жизненной, какъ явленія духовной и нравственной образованности народа ихъ времени.

Не смѣю думать, что мой трудъ вполнѣ удовлетворительно рѣшаетъ задачу, мною предположенную. Главною моею заботой было собрать какъ можно болѣе положительныхъ данныхъ, избѣгая всякихъ гадательныхъ выводовъ.

I.

ОБЩІЕ ВОПРОСЫ ОТНОСИТЕЛЬНО БЫЛИНЪ ВЛАДИМІРОВА ЦИКЛА.

Былины Владимірова цикла впервые появились въ печати въ началѣ нынѣшняго столѣтія подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

Древнія Россійскія Стихотворенія. М. 1804 (8).

Это изданіе было сдѣлано на основаніи рукописнаго сборника былинъ, въ половинѣ прошлаго вѣка составленнаго на пермскихъ горныхъ заводахъ Прокофія Акинфіевича Демидова и извѣстнаго подъ названіемъ сборника Кирши Данилова. Редакція этого изданія принадлежала А. Ѳ. Якубовичу. Въ изданіе вошли только двадцать шесть стихотвореній изъ числа шестидесяти одного, содержавшагося въ рукописи.

Четырнадцать лѣтъ спустя послѣ этого изданія сборникъ Кирши Данилова былъ напечатанъ вполнѣ подъ заглавіемъ:

Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ и вторично изданныя, съ приложеніемъ гравированныхъ нотъ и присовокупленіемъ 35 піесъ, доселѣ неизвѣстныхъ. М. Въ типографіи Семена Селивановскаго. 1818. (4).

Изданіе появилось въ свѣтъ подъ редакціею и съ предисловіемъ извѣстнаго К. Ѳ. Калайдовича; онъ сдѣлалъ его по порученію графа Н. П. Румянцова, который въ 1816 году пріобрѣлъ въ собственность рукопись былинъ.

Съ тѣхъ поръ вниманіе науки и литературы было обращено на былины: ученыя общества и частныя лица занялись отыскиваніемъ и обнародованіемъ ихъ въ новыхъ варьянтахъ. Вновь отысканныя былины появились въ слѣдующихъ изданіяхъ:

Памятники и образцы народнаго языка и словесности Русскихъ и Западныхъ Славянъ. Изданіе Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. Редакторъ *И. И. Срезневскій.* Спб. 1852—1856. (4).

Въ этомъ изданіи помѣщены былины, записанныя разными лицами въ Архангельской, Олонецкой и Томской губерніяхъ.

Пѣсни собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы Обществомъ Любителей Россійской Словесности М. 1860—1862. (8). Четыре выпуска, заключающіе въ себѣ *пѣсни былевыя, время Владимірово.*

Въ это изданіе вошли пѣсни, записанныя П. В. Кирѣевскимъ или сообщенныя ему другими лицами (В. И. Далемъ, П. М. Языковымъ и пр.), также соотвѣтствующія пѣсни изъ сборника Кирши Данилова и академическаго. Редакція изданія принадлежитъ особой коммиссіи, выбранной отъ общества; къ изданію присоединены примѣчанія К. С. Аксакова и П. А. Безсонова.

Пѣсни собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Ч. I и II. Народныя былины, старины и побывальщины. М. 1861—1862.

Въ этомъ сборникѣ помѣщены былины, записанныя г. Рыбниковымъ и другими лицами въ Олонецкой губерніи;

только нѣсколько пересказовъ второй части сообщены собирателю изъ Екатеринбурга, Пермской губерніи. Редакція изданія и примѣчанія принадлежатъ П. А. Безсонову.

Кромѣ этихъ сборниковъ, составленныхъ изъ произведеній, прямо записанныхъ отъ народа въ новое время, найдено было нѣсколько былинъ въ старинныхъ рукописяхъ. Такъ г. Сахаровъ нашелъ рукописный сборникъ былинъ Бѣльскаго, составленный въ XVIII вѣкѣ, но кажется, не пользовался имъ для печати[1]); одна былина, подъ заглавіемъ «Сказаніе о седми рускихъ богатыряхъ», встрѣтилась въ сборникѣ разныхъ повѣстей и сказокъ, писанномъ въ XVII вѣкѣ и принадлежащемъ Ѳ. И. Буслаеву, и была напечатана въ Памятникахъ старинной русской литературы, изд. *гр. Гр. Кушелевымъ-Безбородко* подъ редакціею *Н. Костомарова*, вып. II. Спб. 1860; двѣ былины, изъ которыхъ одна называется «Сказаніе о трехъ богатыряхъ Ильѣ Муромцѣ, Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ», а другая «Гисторія объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ», найдены въ двухъ сборникахъ XVIII вѣка, принадлежащихъ г. Забѣлину [2]); послѣдняя изъ нихъ напечатана въ «Народныхъ русскихъ сказкахъ», *А. Н. Аѳанасьева*, в. I, безъ раздѣленія на стихи.

Въ настоящее время былины Владимірова цикла поются преимущественно въ Архангельской, Олонецкой и Перм-

---

[1]) По крайней мѣрѣ тексты былинъ, напечатанные г. *Сахаровымъ* въ Сказаніяхъ русскаго народа, т. II, кн. 4, вполнѣ сходны съ текстами Кирши Данилова, только у г. Сахарова соединены въ одно цѣлое былины о каждомъ богатырѣ, размѣщенныя у К. Данилова отдѣльно. О сборникѣ Бѣльскаго см. *Сахарова*. Рус. Нар. Сказки, кн. I, Спб. 1840, стр. 249.

[2]) См. Уч. Зап. II Отд. Ак. Н. кн. IV, стр. 295, ст. *Пыпина*.

ской губерніяхъ, въ Сибири, на Волжскомъ низовьи, на Дону, т. е. вообще на украйнахъ древней Руси, въ такихъ мѣстностяхъ, которыя были заняты русскимъ народомъ не въ первые вѣка его исторической жизни, а позже. Какъ памятники старины, былины удерживаются преимущественно на украйнахъ вмѣстѣ со старинными словами, оборотами рѣчи и обычаями потому, что эти мѣстности значительно удалены отъ тѣхъ центровъ, гдѣ главнымъ образомъ развивались и развиваются новыя потребности и формы жизни, и что украинское населеніе по крайней мѣрѣ на половину составилось изъ людей, бѣжавшихъ отъ этой новизны, и почти намѣренно заботливо сберегаетъ все, что касается старины.

Хранителями былиннаго эпоса служитъ не весь народъ: между тѣмъ какъ бытовая пѣсня извѣстна всѣмъ и каждому, былины сохраняются въ памяти только отдѣльныхъ лицъ; въ Олонецкой губерніи они извѣстны подъ названіемъ *сказителей* и очень немногочисленны. Въ краѣ, который изслѣдованъ г. Рыбниковымъ, въ настоящее время только человѣкъ десять знаютъ много былинъ, узнавши ихъ «отъ своихъ родителей» или «отъ людей досюльныихъ», какъ они выражаются, и при этомъ едва ли много найдется охотниковъ унаслѣдовать ихъ познанія. Эти сказители почти всѣ безъ исключенія изъ крестьянства, по большей части люди достаточные; многіе изъ нихъ старики или по крайней мѣрѣ въ лѣтахъ, но есть и молодые. Былины они напѣваютъ или тянутъ, всегда въ одиночку и никогда хоромъ. Въ былинахъ есть мѣста, гдѣ пѣніе прерывается и разсказъ идетъ говоркомъ. Сказители пользуются въ народѣ большимъ уваженіемъ. На домашнихъ собраніяхъ, по олонецки — бесёдахъ, сказителей не бываетъ. Ихъ обыкновенно можно встрѣтить на постоялыхъ дворахъ, во

время деревенскихъ ярмарокъ. Во время ихъ пѣнія скопляется толпа народа, которая охотно ихъ слушаетъ. Сказители считаютъ былины «мірскими вещами», и одинъ изъ нихъ не съ разу рѣшился пѣть былины для г. Рыбникова во время Петровскаго поста, когда этотъ сказитель ѣлъ только хлѣбъ да коренья. Вѣроятно въ слѣдствіе того же убѣжденія, въ одномъ селѣ Нижегородской губерніи, гдѣ еще помнятся былины, крестьянинъ не хотѣлъ пѣть ихъ священнику, считая ихъ вещью запретною [1]).

Записанныя отъ разныхъ пѣвцовъ и въ разныхъ мѣстностяхъ былины представляютъ въ нѣсколькихъ пересказахъ почти каждый эпизодъ изъ своего содержанія. Особенность этихъ пересказовъ заключается въ томъ, что они, имѣя въ своемъ основаніи общій сюжетъ, разработываютъ его въ различномъ объемѣ и съ различными подробностями и оттѣнками. И такъ стало быть, былины не существуютъ какъ нѣчто вполнѣ законченное по изложенію и повсюду передаваемое въ одномъ и томъ же видѣ, но постоянно вновь и вновь воспроизводятся, при чемъ иногда принимаютъ измѣненія и въ содержаніи [2]).

При изученіи былинъ прежде всего необходимо отдѣлять основные сюжеты ихъ отъ тѣхъ редакцій, въ которыхъ они пересказываются разными лицами. Пересказы былинъ стоятъ въ тѣсной связи съ ихъ стихотворнымъ складомъ

---

[1]) О сказителяхъ у Рыбн., т. II, стр. X и XVI; также Изв. Ак. Н. по Отд. Р. Яз. и Слов., т. X, ст. *Полѣнова* и *Модестова*, ст. 250—253.

[2]) Подобный обычай свободно воспроизводить одни и тѣже основные сюжеты въ разныхъ пересказахъ довольно часто встрѣчается въ народной поэзіи; такъ напр. у Сербовъ одинъ и тотъ же сюжетъ нерѣдко служитъ основой для нѣсколькихъ пѣсенъ, см. *В. С. Караджича*, Српске народне пјесме, кн. II, стр. 115 и слѣд. 198 и слѣд., 227 и слѣд., 340 и слѣд., и пр.

или размѣромъ и музыкальнымъ напѣвомъ [1]). Такъ какъ весь напѣвъ былины заключается въ одномъ стихѣ, то пересказывающій, соблюдая напѣвъ, соблюдаетъ и размѣръ, при чемъ, по требованіямъ напѣва, распространяетъ или сокращаетъ содержаніе стиха; такимъ образомъ происходятъ различія отдѣльныхъ пересказовъ.

Представимъ вкратцѣ то общее содержаніе былинъ, которое положено въ основу отдѣльныхъ пресказовъ. Такъ какъ иногда одна былина повѣствуетъ о нѣсколькихъ происшествіяхъ, и въ разныхъ ея пересказахъ число и порядокъ происшествій бываютъ различны, то намъ должно раздѣлить нашъ обзоръ не по отдѣльнымъ былинамъ, но по отдѣльнымъ происшествіямъ или эпизодамъ, а порядокъ принять тотъ, который находится въ пересказахъ съ наибольшимъ количествомъ эпизодовъ.

I. Илья Муромецъ.

1) *Пріобрѣтеніе силы* (К., I, 1, IV, 1, Р., I, 34, II, 2). Илья тридцать лѣтъ сидѣлъ сиднемъ; пришли къ нему странники и напоили его чуднымъ пойломъ; съ тѣхъ поръ получилъ онъ возможность двигаться. Первые опыты своей чрезвычайной силы Илья обнаружилъ еще дома (К., IV, 1, Р., II, 2).

2) *Подвиги на пути въ Кіевъ.* Принявши родительское благословеніе, Илья ѣдетъ въ Кіевъ на службу ко Владиміру. Дорогой онъ, во первыхъ, спасаетъ отъ осады невѣрныхъ Черниговъ, иначе Чернягинъ, Смолягинъ, Кидишъ,

---

[1]) О размѣрѣ былинъ см. статью *Срезневскаго* «Нѣсколько замѣчаній объ эпическомъ размѣрѣ славянскихъ народныхъ пѣсень», въ Изв. II Отд. Ак. Н., т. IX, ст. 345 и слѣд., а о музыкальномъ напѣвѣ былинъ статью *Тюрина*, тамъ же, т. IV, ст. 23 и слѣд.

Кряковъ, Бокетовецъ (П. и обр., 116, К., I, 26, 79, IV, 4. Р., I, 46, 54, II, 5, 326); во вторыхъ, силой своей наводитъ страхъ на разбойниковъ, которые на него напали (К. Д., 418, П. и обр., 354, К., I, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 27, 32, 40. Р., I, 62, II, 319); въ третьихъ, въ лѣсахъ Брынскихъ наѣзжаетъ на Соловья Разбойника, побѣждаетъ его и его дѣтей и пріѣзжаетъ въ Кіевъ (К. Д., 352, П. и обр , 117, К., I, 28, 31, 33, 78, IV, 3, Р., I, 47, 55, II, 6, 330).

3) *Илья и Прекрасная Королевишна.* Въ одну изъ своихъ богатырскихъ поѣздокъ Илья наѣхалъ на огромный теремъ Прекрасной Королевишны. Она предлагаетъ ему свою любовь, чтобы захватить его къ себѣ въ плѣнъ, но Илья узнаетъ ея хитрость, убиваетъ Королевишну и освобождаетъ ея многочисленныхъ плѣнниковъ (П. и обр.,355, Р.. I, 64, II, 320).

4. Битва съ неизвѣстнымъ богатыремъ. Стоя на сторожевой заставѣ, кіевскіе богатыри замѣчаютъ, что къ нимъ приближается какой то неизвѣстный богатырь; послѣ неудачныхъ попытокъ Алеши и Добрыни сразиться съ нимъ, выѣзжаетъ самъ Илья и одолѣваетъ его; побѣжденный, Збутъ Королевичь, Бориска, Жидовинъ, также Нахвальщикъ, Сокольникъ, Соловниковъ или, по нѣкоторымъ пересказамъ, поляница женщина, оказывается сыномъ (дочерью) Ильи, нѣкогда прижитымъ съ царицей Заоданской, иначе бабой Латыгоркой или Латыміркой (К. Д., 361, П. и обр., 161, 357, К., I, 2, 3, 4, 6, 46, IV, 12, Р. I, 65, 66, 75, 81, II, 345).

5. Илья и Идолище. Илья осмѣиваетъ и побѣждаетъ невѣрнаго великана Идолище, который обнасильничалъ Кіевъ (по другимъ пересказамъ, Царьградъ или Іерусалимъ) во время отсутствія Муромца. Извѣстіе о томъ Илья

получилъ отъ калики перехожаго, котораго встрѣтилъ въ полѣ (К., IV, 18, 22, Р., I, 85, 88, 89. Пам. Костомарова, вып. II, 311); пересказъ въ Пам. Костомарова представляетъ значительныя отличія отъ прочихъ.

Слѣдующія два событія изъ дѣятельности Ильи:

7. *Ссора съ Владиміромъ* (П. и обр., 381, К., I, 84, IV, 46, Р., I, 95, II, 334) и

8. *Отраженіе Татаръ отъ Кіева* (К. Д., 246, П. и обр., 145, 305, К., II, 38, Р., I, 97, 106, 114, 118) изложены въ пересказахъ съ такими различіями, что уловить общую нить ихъ содержанія нѣтъ возможности. Одинъ пересказъ соединяетъ оба событія. Во второмъ эпизодѣ одни пересказы вводятъ участіе Ермака, а другіе о немъ умалчиваютъ.

9. *Построеніе церквей* Ильею упоминается въ пересказахъ П. и обр., 356, и Р., II, 322).

10. *Смерть Ильи* (см. ниже).

II. Добрыня Никитичь.

1. *Добрыня и Марина.* Вопреки запрещенію матери, Добрыня идетъ гулять въ ту улицу, гдѣ живетъ развратная Марина, и выстрѣливши попадаетъ стрѣлою въ ея окошко. Марина обидившись привораживаетъ его къ себѣ. Потомъ Добрыня выгоняетъ изъ ея терема (по другимъ пересказамъ—убиваетъ) ея мила друга змѣя; за это Марина обращаетъ его туромъ (или лошадью), но его мать крестная (по инымъ пересказамъ — сестра) заставляетъ ее возвратить ему образъ человѣческій. Марина предлагаетъ ему на ней жениться, но Добрыня казнить ее смертью (К. Д., 61, К., II, 41, 43, 45, 48, Р., I. 172, II. 10).

2) *Борьба со змѣемъ на рѣкѣ.* Добрыня отпросился у матери погулять; мать отпустила его съ условіемъ не ку-

паться во Пучай рѣкѣ (также Сафатъ или Израй рѣкѣ), не Добрыня не послушался: едва выплылъ онъ на середину рѣки, какъ налетѣлъ на него огненный Змѣй Горынычь (или Невѣжа); они вступили въ борьбу, Добрыня поразилъ Змѣя, освободилъ отъ него сестру (или племянницу) Владиміра и возвратилъ ее въ Кіевъ. (К. Д., 345, К., II, 40, Р. I, 120, 122, II. 14, 13).

Пересказы Р., I, 122 и К., II. 40 присоединяютъ къ предъидущему разсказу слѣдующій эпизодъ о *женитьбѣ Добрыни*: поразивши Змѣя, Добрыня встрѣтилъ великаншу на конѣ, вступилъ было съ нею въ бой, но поляница побѣдила его и посадила къ себѣ въ карманъ, а потомъ, признавъ его красавцемъ, пошла за него замужъ.

3) *Добрыня и его жена.* Добрыня, уѣзжая въ поѣздку богатырскую, позволяетъ своей женѣ Настасьѣ, по прошествіи извѣстнаго срока, идти замужъ за кого она захочетъ, только не за Алешу Поповича. Когда срокъ минулъ, Алеша именно сватается за Настасью, и она принуждена идти за него по настоянію князя. Во время самого пира свадебнаго въ палатахъ Владиміра возвращается Добрыня и приходитъ на пиръ, переодѣтый скоморохомъ; посредствомъ особаго знака открывается онъ своей женѣ, объявляетъ свои права на нее и пристыжаетъ Алешу и Владиміра, хлопотавшаго объ этой свадьбѣ (К. Д., 61, II. и обр., 86, 317, 360, К., II, 1, 2, 4, 30, Р. I, 129, 139, 146, II, 16, 21).

4) *Побіеніе невѣрной силы* Добрынею въ одну изъ подъѣздокъ богатырскихъ составляетъ предметъ былины Р. II. 34.

Ш. Василій Игнатьевичь или Казиміровичь.

1) *Василій при осадѣ Кіева.* Царь Батый подсту-

паетъ къ Кіеву съ огромнымъ войскомъ; за отсутствіемъ другихъ богатырей Василій призванъ ко Владиміру, чтобы отразить врага; онъ убиваетъ одного изъ родственниковъ царя; послѣдній требуетъ выдачи виноватаго, князь выдаетъ Василія, и Василій, побиваетъ ихъ и обращаетъ Батыя въ бѣгство (К. Д., 245, П. и обр., 88, Р. I, 174, II, 34, 39, 352).

2) *Поѣздка Василія и Добрыни въ орду.* Владиміръ посылаетъ Василія въ орду, съ данями; Василій беретъ себѣ въ товарищи Добрыню; когда они пріѣзжаютъ въ орду, царь предлагаетъ посламъ разныя испытанія, какъ наприм. стрѣльбу изъ лука, игру въ шахматы, борьбу и проч. Добрыня торжествуетъ въ этихъ состязаніяхъ; потомъ русскіе богатыри побиваютъ Татаръ и уѣзжаютъ, незаплативши даней (П. и обр., 113, К., II, 83, Р. I, 146 и слѣд.)

IV. Алеша Поповичъ.

1) *Битва Алеши съ Тугариномъ.* Алеша, выѣхавши изъ Ростова съ товарищемъ Екимомъ Ивановичемъ, встрѣчаетъ калику, который разсказываетъ ему о Тугаринѣ. Алеша мѣняется съ каликой платьемъ, и въ этой одеждѣ борится съ Тугаринымъ, убиваетъ его и надѣваетъ его платье. По этому Екимъ и калика не узнаютъ его, и Екимъ чуть было не убиваетъ Поповича. Потомъ Алеша пріѣзжаетъ къ князю. Здѣсь онъ опять находитъ Тугарина [1]) въ гостяхъ у князя, опять вступаетъ съ нимъ борьбу и окончательно его побиваетъ (К. Д., 180).

2) *Алеша и Збродовичи.* На одномъ пиру князя братья Збродовичи похвастали добрыми нравами своей сестры, но

---

[1]) Такое противурѣчіе съ предъидущимъ вѣроятно произошло въ слѣдствіе неискуснаго соединенія двухъ былинъ въ одну.

Алеша объявилъ, что онъ коротко ее знаетъ и въ доказательство упомянулъ о часѣ, который назначила ему Збродовшина для свиданія; слова его оправдались, и братья уже хотѣли было казнать ее смертью, но Алеша на ней женился (по другимъ пересказамъ, братья убиваютъ ее) (К. II, 67, 64, 66).

1) *Алеша и его сестра.* (см. ниже, тотъ же сюжетъ въ былинѣ о Михайлѣ Казариновѣ).

V. Дунай Ивановичь.

1) *Женитьба князя Владиміра и Дуная.* Дунай нѣкогда живалъ у короля Политовскаго и сдружился съ его старшей дочерью Настасьей. Потомъ сталъ онъ служить Владиміру, и когда послѣдній задумалъ жениться, Дунай указалъ ему на младшую дочь короля Опраксу или Афросинью; Владиміръ послалъ его сватомъ, и Дунай сладилъ это дѣло; когда же онъ поѣхалъ въ обратный путь, то повстрѣчалъ женщину паленицу удалую и вступилъ съ ней въ бой; оказалось, что это Настасья (по нѣкоторымъ пересказамъ—Нѣпра королевшина); они помирились и тоже поѣхали въ Кіевъ жениться (К. Д., 85, П. и обр., 370, К., III, 52, Р. I., 172, 186, II. 45).

2) *Ссора Дуная съ женой.* На одномъ княжескомъ пиру жена Дуная похвастала, что она умѣетъ стрѣлять изъ лука лучше своего мужа; это показалось Дунаю обидно, и онъ лишилъ ее жизни, несмотря на всѣ просьбы о пощадѣ; но потомъ найдя, въ ея чревѣ зачатаго младенца, съ отчаянія убилъ и самъ себя. (К. Д.,94, П. и обр.,166, 376, К. III, 55, Р. I, 182, 192, 194, II, 48) пересказъ Р., I, 194, имя Дуная замѣняетъ Дономъ.

VI. Михайло Потокъ Ивановичъ.

1) *Его женитьба на Бѣлой Лебеди и ея обмираніе.* Въ

одну изъ своихъ богатырскихъ поѣздокъ Михайло Потокъ повстрѣчался съ дѣвой оборотнемъ, Бѣлой Лебедью, привезъ ее въ Кіевъ и женился на ней; при женитьбѣ они положили, что если одинъ изъ нихъ умретъ, то оставшійся въ живыхъ долженъ лечь въ гробъ вмѣстѣ съ покойнымъ. Вскорѣ Лебедь Бѣлая умираетъ, а Михайло хоронитъ ее и самъ помѣщается въ той же могилѣ; въ первую же ночь огромная подземная змѣя подползаетъ къ могилѣ, и при помощи ея Михайло оживляетъ свою жену. (К. Д., 215, Р. I, 205, 205, 212, II, 59).

2) *Измѣна жены.* Во время отсутствія Михаила невѣрный царевичь Ѳедоръ Ивановичь (иначе царь Вахрамей или король Политовскій) похитилъ его жену. Узнавши объ этомъ, Михайло идетъ ее разыскивать, но когда онъ приходитъ къ своему сопернику, Лебедь Бѣлая, измѣнившая Потоку, обращаетъ его въ камень. Его братья крестовые богатыри идутъ его разыскивать, и чародѣй калика, имъ повстрѣчавшійся, снова обращаетъ Михайла изъ камня въ человѣка. Тогда Михайло опять идетъ къ женѣ; она поитъ его питьемъ забыдущимъ и приковываетъ къ стѣнѣ, но дочь ея втораго мужа освобождаетъ Михайла, который убиваетъ Лебедь Бѣлую и жениться на своей освободительницѣ (Р. I, 210, 220, 229, II, 63, 71, 80).

VII. Иванъ Годиновичь.

Онъ ѣдетъ свататься за дочь Дмитрія гостя Настасью, но такъ какъ она уже просватана за невѣрнаго царя Афромея Афромеевича (иначе Кощея, Идолища, Ѳедора Иванова), то Иванъ беретъ ее насильно. Узнавъ о похищеніи, первый женихъ нагоняетъ похитителя, беретъ его въ плѣнъ и овладѣваетъ Настасьей съ ея согласія; но случай освобождаетъ Ивана, и онъ наказываетъ измѣнницу смертью

(К. Д., 135, К. III, 9, Р., I, 197, 202, II, 52, 57; послѣдній пересказъ называетъ по ошибкѣ Ивана Васильемъ).

VIII. Иванъ Гостиный сынъ.

Своимъ вѣщимъ конемъ онъ состязается съ лучшими конями Владиміра и выигрываетъ огромный закладъ (К. Д., 54, К. III, 1, 3).

IX. Ставръ Годиновичь и Василиса.

На княжескомъ пиру Ставръ похвалился своей женой; за это Владиміръ велѣлъ посадить его въ погребъ. Василиса, узнала о томъ и поѣхала въ Кіевъ, переодѣвшись въ мужское платье, подъ видомъ грознаго посла Василія, чтобъ выручить мужа. Племянница князя (по нѣкоторымъ пересказамъ, дочь или жена) предупреждаетъ его, что по примѣтамъ это не мужчина, а женщина, но Владиміръ не вѣритъ и предлагаетъ Василію разныя испытанія, которыя могли бы доказать, что онъ мужчина, какъ напр. борьбу, стрѣльбу изъ лука и пр. Василій торжествуетъ во всѣхъ этихъ испытаніяхъ и сватается за князеву племянницу (дочь; по другимъ пересказамъ, просто собирается въ обратный путь); на пиру князя Василій соскучился и проситъ, чтобы его развеселили игрою скомороховъ: онъ желалъ бы слышать Ставра, который поетъ и играетъ лучше всѣхъ скомороховъ; Владиміръ не рѣшается ему противиться: тогда Василій даетъ себя узнать Ставру, потомъ и Владиміръ узнаетъ все дѣло, и милостиво отпускаетъ супруговъ домой (К. Д., 123, Р. I, 241, 244, II, 93, 103, 113).

X. Данило.

Князю Владиміру приближенные сказали, что у Данила Ловчанина или Денисьевича красавица жена; князь заду-

малъ отнять ее у своего дружинника; для этого онъ отправилъ его въ дальнюю поѣздку и послалъ за нимъ убійцъ, а его жену потребовалъ къ себѣ; но узнавши о предстоящей ей участи, она лишила себя жизни (П. и обр., 81, К., III, 28).

XI. Данило Игнатьевичь и Сынъ его.

Старый богатырь Данило отпросился у Владиміра въ монастырь постричься. Между тѣмъ подъ Кіевъ подступила невѣрная сила; такъ какъ у Владиміра не оказывается богатырей защитниковъ, то побить невѣрныхъ вызывается двѣнадцати-лѣтній сынъ Данилы, Иванъ или Михайло; онъ побиваетъ враговъ и возвращается къ отцу въ монастырь, гдѣ старикъ чуть было не убилъ его неузнавши (П. и обр., 273, К., III, 39).

X. Хотенъ или Горденъ Блудовичъ.

На княжескомъ пиру вдова Блудова вздумала посватать своего сына за дочь вдовы Чесовой; послѣдней это показалось обидно, и она оскорбила вдову Блудову. Тогда Хотенъ Блудовичь затѣялъ ссору съ вдовьиными сыновьями Чесовичами, побѣдилъ ихъ и женился на ихъ сестрѣ (К. Д., 148. П., и обр., 377, Р., I, 251, 255, II, 120; Р. I, 315, о Дюкѣ).

XII. Чурило Пленковичь.

1) *Первое знакомство его съ Владиміромъ.* Однажды донесли Владиміру, что какіе то неизвѣстные люди производятъ опустошительную охоту на его заповѣдныхъ лугахъ; оказывается, что это дѣло богача Чурилы и его дружины; Владиміръ самъ отправляется въ жилище Чурилино, въ Кіевецъ. Чурило и его отецъ Пленко угощаютъ князя, и

Владиміръ беретъ Чурилу къ себѣ на службу. Въ Кіевѣ Чурила поражаетъ всѣхъ своею красотою (К. Д., 155, Р. I, 261, П. и обр., 120).

2) *Чурила и жена Бермяты.* Служа у князя въ должности позовщика, Чурила явился въ домъ Бермяты и соблазнилъ его жену Катерину; Бермята узналъ объ этомъ и убилъ жену (а по нѣкоторымъ пересказамъ—и Чурилу) (К. Д., 163, П. и обр. 259, Р. I, 267, 269, II, 123, 125).

XIV. Дюкъ Степановичь.

Напутствуемый материнскимъ благословеніемъ, Дюкъ пріѣзжаетъ къ князю Владиміру и здѣсь хвастаетъ своими богатствами, разсказываетъ о своемъ житьѣ-бытьѣ, состязается съ Чурилой блескомъ своихъ одеждъ и пр., такъ что Владиміръ посылаетъ въ его землю оцѣнщиковъ (а по нѣкоторымъ пересказамъ, и самъ ѣдетъ) оцѣнивать его богатства: здѣсь ихъ встрѣчаютъ великолѣпнымъ угощеніемъ, но богатства Дюка оказываются такъ огромны, что ихъ нельзя описать (К. Д., 22, Р. I, 271, 283, 295, 308, II, 135, 137, 152, 158).

XV. Михайло Казариновъ.

Михайло Казариновъ пріѣхалъ на службу ко Владиміру и князь велѣлъ ему поохотиться для его стола; во время охоты Михайло увидѣлъ вѣщаго ворона, который повѣдалъ ему о добычѣ богатырской, русской полоняночкѣ, которую Михайло могъ бы освободить отъ Татаръ. Михайло ѣдетъ по указанію ворона и наѣзжаетъ на шатеръ, въ которомъ находитъ Татаръ и русскую дѣвицу; онъ убиваетъ Татаръ, а дѣвица оказывается его родной сестрою (К. Д., 203, ср. П. и обр., 167, въ этомъ пересказѣ герой названъ Алешою Поповичемъ).

*

XVI. Соловей Будимировичь.

Богатый гость Соловей Будимировичь пріѣзжаетъ на Соколѣ кораблѣ въ Кіевъ, въ саду княжеской племянницы Запавы строитъ «снаряденъ дворъ» и сватается за Запаву. Владиміръ соглашается на бракъ и молодые уѣзжаютъ (К. Д., 1, Р., I, 318, 325, II, 184).

XVII. Сорокъ каликъ со каликою.

Калики собрались во Іерусалимъ и, проходя черезъ Кіевъ, были приняты княземъ и княгинею; молодой красивый атаманъ каликъ, Касьянъ Михайловичь, иначе Ѳома Ивановичь, Михайло Потокъ, такъ понравился княгинѣ, что она хочетъ его соблазнить, но онъ остается непреклоненъ согласно каличьей заповѣди о цѣломудріи. Тогда въ отмщеніе княгиня велитъ одному изъ своихъ приближенныхъ положить въ дорожную сумку атамана золотую чашу, и когда калики уходятъ, то за ними посылаютъ погоню, какъ за ворами; чаша найдена у атамана, и калики казнятъ его тѣмъ, что закапываютъ въ землю по поясъ и пр. Когда они возвращаются, то видятъ, что онъ чудомъ остался живъ, и это служитъ для каликъ его оправданіемъ (по пересказу К. Д., атаманъ, прійдя потомъ въ Кіевъ, исцѣляетъ княгиню, которая слегла съ тѣхъ поръ, какъ соблазнилась его красотою) (К. Д., 226, К., III, 81, Р., I, 236, 237, II, 87).

XVIII. Съ какихъ поръ перевелись витязи на Святой Руси. (Смерть Ильи Муромца).

Богатыри Годенко Блудовичь, Василій Игнатьевичь, Иванъ Гостиный сынъ, Василій Буслаевичь, Добрыня, Алеша Поповичь и Илья Муромецъ выѣхали на поѣздку

богатырскую, стали на распутіи и легли спать; едва проснулся Добрыня, какъ на него напалъ Татарченокъ и убилъ его; потомъ тотъ же Татарченокъ напалъ на Алешу, но не выдержалъ его отпора и былъ побѣжденъ; вѣщій воронъ упросилъ Алешу не убивать Татарина и за то принесъ ему живой воды, которой воскресили Добрыню. Всталъ наконецъ отъ сна и Муромецъ, видитъ онъ—огромная сила идетъ на богатырей, но они побиваютъ и прикалываютъ ее; возгордившись, они вызываютъ силу нездѣшнюю, и явилось двое воителей; богатыри принялись ихъ рубить, но чѣмъ болѣе они рубятъ, тѣмъ болѣе ростетъ нездѣшняя сила. Испугались богатыри, побѣжали въ каменныя горы и тутъ окаменѣли. (К., IV, 108, Р., I, 118, П. и обр., 356, К., IV, 51).

Содержаніе былинъ Владимірова цикла хотя и вымышленное, но представляется въ обстановкѣ, заимствованной изъ положительной исторіи, и поэтому хотя между сюжетами былинъ есть и такіе, которые можно возвести въ эпохѣ до историческаго сродства индо-европейскихъ преданій [1]), тѣмъ не менѣе все содержаніе былинъ, а въ томъ

---

[1]) Такъ напримѣръ эпизодъ о боевой встрѣчѣ отца съ сыномъ, неузнающихъ другъ друга, который извѣстенъ по былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ, по основному мотиву роднится съ нѣмецкою пѣснью VIII вѣка о Гильтибратѣ и Гадубратѣ и подобными же сказаніями Кельтовъ и Персовъ (см. *Ed. Duméril*, Histoire de la poésie Scandinave); преданіе о неожиданномъ возвращеніи Добрыни къ женѣ въ то время, когда она выходитъ за мужъ за Алешу Поповича, встрѣчается и въ нѣмецкомъ сказаніи о рыцарѣ Брауншвейгѣ и пр. (см. Bulletin de l'Académie de Sciences de St. P. b , t. IV, 279, 280, ст. *Шифнера*); борьба витязя съ огненнымъ змѣемъ изъ за похищенной змѣемъ женщины, воспѣвается въ поэзіи многихъ народовъ (см. *Буслаева* Истор. Очерки, т. I, стр. 284 и слѣд.); преданію объ освобожденіи Михайла Потока изъ плѣна дочерью или сестрою невѣрнаго

числѣ и эти древнѣйшія преданія, представляются въ такой редакціи, которая можетъ быть пріурочена только къ положительно-историческому періоду. Поэтому необходимо всмотрѣться въ главныя историческія данныя, встрѣчаемыя въ былинахъ Владимірова цикла; изъ отношенія ихъ къ положительнымъ историческимъ показаніямъ можно съ нѣкоторою точностью опредѣлить эпоху самаго сложенія былинъ, такъ какъ вообще народный эпосъ по своему первоначальному образованію всегда современенъ или воспѣваемому событію, или по крайней мѣрѣ живому впечатлѣнію этого событія на народъ [1]).

Былины Владимірова цикла представляютъ Русь христіанскою, сосредоточенною подъ властью великаго князя кіевскаго Владиміра, въ постоянныхъ сношеніяхъ преимущественно враждебыхъ съ Татарами. Дѣйствіе былинъ происходитъ главнымъ образомъ въ Кіевѣ или около него, а изъ другихъ городовъ упоминаются преимущественно Черниговъ, Галичь Волынскій, Муромъ, Суздаль, Ростовъ, Рязань, Смоленскъ. Между дѣйствующими лицами былинъ встрѣчаются лица, относимыя по лѣтописямъ къ X, XI, XII

царя, который взялъ его въ плѣнъ, соотвѣтствуетъ подобное же преданіе о Ричардѣ Львиномъ Сердцѣ, разсказанное въ одномъ средневѣковомъ англійскомъ романѣ, и пр.

[1]) Эту мысль высказываетъ относительно бретонскаго эпоса *Вилльмарке* (см. его Chants populaires de la Brétagne, t. I, стр. XXV), а относительно пѣсень новогреческихъ *Форіель* (см. стр. LXVIII и слѣд. нѣмецкаго перевода его введенія къ новогреческимъ пѣснямъ). Если же мы отдѣлимъ дѣйствительное событіе отъ его поэтическаго воспроизведенія значительнымъ пространствомъ времени, то должны будемъ предположить въ народныхъ пѣвцахъ намѣренное, ученое воспроизведеніе прошедшаго, а это едва ли возможно по степени и характеру ихъ образованности.

и XIII вѣкамъ [1]). Напротивъ того, въ былинахъ Владимірова цикла—не видно преобладанія Москвы ни какъ великаго княжества, ни тѣмъ болѣе какъ царства; Москва даже

---

[1]) Считаемъ умѣстнымъ здѣсь сблизить эти лѣтописныя указанія съ упоминаніями въ былинахъ:

а) *Великій князь Владиміръ*. Два знаменитыхъ историческихъ лица этого имени, Владиміръ Святославичь и Владиміръ Всеволодовичь Мономахъ, могутъ быть сближаемы съ былиннымъ Владиміромъ стольно-кіевскимъ.

Уже въ древней Повѣсти временныхъ лѣтъ, подъ 996 годомъ, находится слѣдующее замѣчательное по поэтическому характеру мѣсто о пирахъ Владиміра Святославича:

«.... Се же пакы творяше людемъ своимъ по вся недѣля, устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боляромъ, и гридемъ, и съцьскымъ, и десяцьскимъ, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя: бываше множьство отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилью отъ всего. Егда же подъпьяхуться, начьняхуть роптати на князь, глаголюще: «зло есть нашимъ головамъ! да намъ ясти деревяными лъжицами, а не сребряными». Се слышавъ Володимеръ, повелѣ исковати лжицѣ сребряны ясти дружинѣ, рекъ сице: «яко сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отець мой доискася дружиною злата и серебра. Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и уставѣ земленѣмъ» (П. С. Р. Л., т. I, 54).

По былинамъ, отношенія Владиміра къ дружинѣ являются въ такомъ же видѣ: князь съ ласковою рѣчью обращается къ своей дружинѣ хороброей, а богатыри въ полсыта наѣдаются, въ полпьяна напиваются и хвалятся своими подвигами и богатствами; Владиміръ имъ имъ отвѣчаетъ:

У меня ли нѣтъ злата, серебра?
У меня ли нѣтъ красна золота?
У меня ли нѣтъ скатна жемчуга?
(К., III, 53).

Другое упоминаніе о пирахъ Владиміра Святославича, именно по поводу подвига богатыря его Александра Поповича, встрѣчается подъ 1001 годомъ въ Никоновской лѣтописи (см. ниже, стр. 27 примѣч.).

никогда въ нихъ не упоминается, есть столько московскія сторожевыя заставы (напр. Р. I, стр. 66). Соображая эти данныя, имѣемъ право думать, что содержаніе былинъ Вла-

---

Подъ тѣмъ же годомъ, въ Никоновской лѣтописи, въ слѣдъ за разсказомъ о богатыряхъ, встрѣчаются слѣдующія слова:

«... посла Володомеръ гостей своихъ, аки въ послѣхъ, въ Римъ, а другыхъ во Іерусалимъ, и въ Египетъ и въ Вавилонъ съглядати земель ихъ, и обычаевъ ихъ» [1]).

Это извѣстіе, равно какъ и извѣстное упоминаніе лѣтописей о послахъ Владиміровыхъ для испытанія разныхъ религій, нельзя не сопоставить съ часто упоминаемою въ былинахъ посольскою службою, которую Владиміръ даетъ своимъ богатырямъ.

Сходство съ былинами этихъ подробностей лѣтописныхъ, и въ особенности словъ древней Повѣсти временныхъ лѣтъ, позволяетъ предполагать, что уже въ эпоху составленія Повѣсти (т. е. въ началѣ XII вѣка) историческая личность Владиміра Святославича вошла въ народный эпосъ и даже отчасти на основаніи его была изображена лѣтописцемъ. Съ другой стороны, въ былинномъ Владимірѣ нельзя не узнать и нѣкоторыхъ историческихъ чертъ, относящихся къ Владиміру Всеволодовичу Мономаху. Такъ и о его гостепріимствѣ есть свидѣтельство въ словахъ митрополита Никифора (въ посланіи послѣдняго къ Мономаху о постѣ): «И вѣмы, яко еже инѣмъ на Ѡбѣдѣ свѣтлѣ готовиши, и бываеши всѣмъ всяческая, да всѣхъ приѡбрящеши, и законныя и безаконныя, величества ради княжьскаго; и самъ оубо слоужиши и стражеши роукама своима» [2]). Какъ по былинѣ XVII вѣка [3]) богатыри Владиміра стольно-кіевскаго ходятъ войною въ Царьградъ, такъ и Мономахъ посылалъ свое войско противъ византійскаго императора. Объ этомъ событіи есть древнее извѣстіе въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1116 годомъ [4]), которое повѣствуетъ о малоуспѣшномъ содѣйствіи Владимірова войска и воеводъ зятю Владиміра Леону, сыну императора Діогена, противъ Алексѣя Комнина.

---

[1]) П. С. Р. Л., т. IX, стр. 68.

[2]) Русск. Достоп., т. I, стр 69.

[3]) Пам. стар. р. лит., изд. подъ редакціею Костомарова, вып. II, стр. 312 и слѣд.

[4]) П. С. Р. Л., т. II, стр. 8.

димірова цикла выработывалось въ продолженіе X, XI и XII вѣковъ, т. е. въ первой половинѣ удѣльно-вѣчеваго періода, а установилось не позже времени татарскаго влады-

б) *Добрыня.* Двое лѣтописныхъ Добрынь могутъ быть сближаемы съ Добрынею былинъ: одинъ, упоминаемый въ концѣ X вѣка, дядя Владиміра Святославича, братъ его матери Малуши, родомъ изъ Любеча; соотвѣтственно этому обстоятельству въ былинахъ Добрыня тоже родственникъ Владиміра, только не дядя, а племянникъ его, но дѣятельность дяди Владимірова, какъ историческаго лица, не находитъ себѣ отзыва въ былинахъ. Другой Добрыня, въ началѣ XIII вѣка, является въ лѣтописяхъ прямо какъ богатырь, участвующій и убитый въ Калкскомъ побоищѣ 1224 года, и называется *Рязаничемъ Златымъ поясомъ* (цитату и разборъ ея см. ниже, при разборѣ лѣтописныхъ упоминаній объ Алешѣ Поповичѣ). Этотъ Добрыня соотвѣтствуетъ Добрынѣ по былинѣ Кирши Данилова (Др. Росс. Ст., стр. 345), гдѣ онъ является сыномъ богатаго гостя Рязанскаго Никиты.

в) *Алеша Поповичъ* упоминается въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, подъ именемъ Александра Поповича [1]). Одно упоминаніе находится въ Никоновской лѣтописи, подъ 1216 годомъ, въ разсказѣ о Липецкой битвѣ и обстоятельствахъ, ей предшествовавшихъ и ее сопровождавшихъ, разсказѣ, который по своему складу напоминаетъ занесенныя въ лѣтопись сказанія, каковы напр. о Калкскомъ побоищѣ, о Димитріи Донскомъ и т. п. Вотъ слова лѣтописи:

«... князь Костянтинъ Всеволодичь Ростовскіи ста на рецѣ на Липице со всѣю силою своею, снимже и два храбра, Добрыня Златый поясъ, да Александръ Поповичъ ссвоимъ слугою с Торопомъ, славныя богатыри... И приде на него (на князя Новгородскаго Мстислава Мстиславича Удалого, союзника Константинова) Александръ Поповичъ имѣя меч нагъ, хотя разсещи его; бѣ бо силенъ и славенъ богатырь. Онже возопи глаголя, яко азъ есмъ князь Мстиславъ Мстиславичъ Новгородцкіи; онже уставися, и тако спасе его Богъ, отъ смерти. І рече ему Александръ Поповичъ. «Княже, то ты не дер-

[1]) Имена Александръ и Алеша смѣшиваются и сливаются въ одно имя черезъ посредство Олексы т. е. Алексѣя; случай такого смѣшенія находимъ въ Софійскомъ временникѣ (П. С. Р. Л., т. V., стр. 87, см. также Изв. II Отд. Ак. Н., X, 167) гдѣ именно Олекса=Алексѣй принятъ за Александра.

чества, и даже именно той его эпохи, когда Москва еще не сосредоточивала въ себѣ всю государственную силу Руси, и въ народѣ свѣжа была память о первенствующемъ

зай, но стой и смотри; егда убо ты глава убиенъ будеши, и что суть иныя, и камо ся имъ дѣти» [1]).

Другое упоминаніе встрѣчается въ сказаніи «о Калском Побоищи», внесенномъ въ Никоновскую лѣтопись подъ 1224 годомъ:

«...воинственныхъ людей толико бысть побиено, яко ни десятый отъ нихъ возможе избежати, и Александра Поповича и слугу его Торопа, и Добрыню Рязанича Златаго пояса, и седмьдесять великихъ и храбрыхъ богатырей, всѣ побьени быша гнѣвомъ божиимъ за грехи наша отъ Татаръ [2]).

Въ этихъ мѣстахъ лѣтописи общими съ былиной мотивами оказывается: 1) то, что при Алешѣ есть слуга,—Торопъ по лѣтописи, Екимъ Ивановичь по былинѣ [3]); 2) то, что Алеша побитъ гнѣвомъ Божіимъ отъ Татаръ, какъ въ былинѣ «Съ какихъ поръ перевелись витязи на Святой Руси» (Кир., IV, 108—115), гдѣ разсказывается, что богатыри въ сраженіи съ Татарами на Сафатъ рѣкѣ, побивши этихъ земныхъ враговъ, сами были побиты воителями нездѣшними въ наказаніе за свою гордость.

Кромѣ этихъ упоминаній, относящихъ Алешу Попозича къ XIII вѣку, есть въ Никоновской лѣтописи упоминанія о немъ изъ начала XI вѣка:

подъ 6508 годомъ:

«Пріиде Володарь съ Половцы къ Кіеву, забывъ благодѣяніа господина своего князя Владимера, дѣмономъ наученъ. Володимеру же тогда въ Переславцѣ на Дунаи, и бысть смятеніе веліе въ Кіевѣ, и изыде нощію во стрѣтеніе имъ Александръ Поповичь, и уби Володаря, и брата его и иныхъ множество Половецъ изби, а иныхъ въ поле прогна. И се слышавъ Володимеръ, возрадовася зѣло, и възложи на нь гривну злату, и сотвори и вельможа въ полатѣ своей» [4]).

[1]) Русская Лѣтопись по Никонову списку, т. II, стр. 323, 330, 331.

[2]) Р. Л. по Н. сп., т. II, 353, 354 ср. Воскр. л., въ П. С. Р. Л., т. VII, стр. 132.

[3]) По варьянту одной былины объ Добрынѣ, который былъ извѣстенъ Чулкову и изъ котораго сохранилось только нѣсколько стиховъ, спутникъ Добрыни назывался Торопомъ (Русскія сказки, Чулкова, 3 изд. 1820 г., т. I, стр. 122 и 123).

[4]) П. С. Р. Л., т. IX, стр. 68.

значеніи Кіева. Такой эпохой можно считать вторую половину удѣльно-вѣчеваго періода, вѣка XIII и XIV.

Скудость историческихъ показаній лишаетъ насъ возмож-

Это упоминаніе помѣщено подъ 1000 годомъ ошибочно: во время Владиміра Святославича Половцевъ еще не было, да и какой Володаръ (русское имя, слѣд. русскій князь) могъ быть ему современникомъ? Собственно вышеприведенныя слова лѣтописи должны быть поставлены ровно сто годами позже, именно подъ 1100 годъ. Тогда подъ Владиміромъ лѣтописнаго свидѣтельства должно будетъ разумѣть Мономаха, который въ 1100 году дѣйствительно былъ въ Переяславцѣ на Дунаѣ, между тѣмъ какъ въ его отсутствіе Володарь Перемышльскій могъ поднять противъ Кіева Половцевъ.

подъ 6509 годомъ:

«Александръ Поповичь, и Янъ Усмошвець, убивый Печенѣжьскаго багатыря, избиша множество Печенѣгъ, и князя ихъ Родмана, и съ трема сыны его въ Кіевъ къ Володимеру приведоша. Володимеръ же сътвори празднованіе свѣтло, и милостыню многу раздаде по церквамъ и по манастыремъ, и убогимъ и нищимъ, и по улицамъ болнымъ и клоснымъ великіа кади и бочка меду, и квасу, и перевары и вина поставляше, и мяса, и рыбы, и всякое овощіе, что кто требоваше, и ядяше» [1]).

подъ 6512 годомъ:

«Идоша Печенѣзи на Бѣлъградъ; Володимеръ же посла на нихъ Александра Поповича и Яна Усмошвеца съ многими силами. Печенѣзи же слышавше, побѣгоша въ поле» [2]).

Эти три показанія лѣтописей объ Александрѣ Поповичѣ замѣчательны во первыхъ тѣмъ, что помѣщаютъ его въ двѣ разныя эпохи, удаленныя одна отъ другой пространствомъ въ сто лѣтъ; во вторыхъ, второе и третье свидѣтельство замѣчательны тѣмъ, что сближаютъ Александра=Алешу съ другимъ богатыремъ Владимірова времени, о которомъ есть подробное преданіе въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ и кромѣ того доселѣ существуетъ память въ народѣ [3]); на-

---

[1]) П. С. Р. Л., т. IX, стр. 68.

[2]) П. С. Р. Л., т. IX, стр 68.

[3]) См. великорусскую сказку о Никитѣ Кожемякѣ въ Р. Сказкахъ Аѳан., вып. III, и малорусскую о Кирилѣ Кожемякѣ, въ Зап. о Южн. Руси, Кулиша, т. I.

ности подкрѣпить этотъ выводъ, извлеченный изъ самыхъ былинъ, свидѣтельствомъ другихъ памятниковъ. Тѣмъ не менѣе нельзя пропустить одно любопытное указаніе, встрѣ-

конецъ въ третьихъ замѣчательны эти показанія тѣмъ, что выставляютъ Александра=Алешу какъ постояннаго противника юго-восточныхъ иноплеменныхъ враговъ Руси, Печенѣговъ и Половцевъ, къ борьбѣ съ которыми относятся поэтическія преданія о подвигахъ Мстислава Тьмутараканскаго и Владиміра Мономаха и Слово о Плъку Игоревѣ.

Одного того обстоятельства, что лѣтописныя показанія объ Александрѣ=Алешѣ Поповичѣ, помѣщаютъ его въ разныя эпохи, отдѣленныя одна отъ другой почти цѣлымъ столѣтіемъ, одного этого обстоятельства довольно чтобы сказать, что эти упоминанія взяты лѣтописцемъ изъ народнаго преданія. Но когда совершился этотъ переходъ? Полагаемъ, что въ значительное древнее время и именно въ такое, когда въ народной памяти Поповичь слылъ врагомъ не только Татаръ (какимъ исключительно мы видимъ его въ имѣющихся у насъ былинахъ, записанныхъ въ XVII, XVIII и XIX вѣкахъ), но также и Половцевъ, и даже Печенѣговъ. Благодаря ужасамъ татарскаго нашествія замѣна Татарами всѣхъ прежнихъ враговъ должна была скоро совершиться въ народной памяти.

г) *Ставръ* упоминается въ первой Новгородской лѣтописи подъ 1118 годомъ:

«...приведе Володимиръ съ Мьстиславомъ вся бояры Новгородьскыя Кыеву, и заводи я къ честному хресту и пусти я домовь, а иныя у себе остави; разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчю и на сочьскаго на Ставра, и заточи я вся» [1]).

Упоминаемый здѣсь князь есть Мономахъ, ко времени котораго относится событіе, но былина отодвигаетъ Ставра ко времени Владиміра Святославича. Ставръ по былинѣ бояринъ, по лѣтописи только сотскій, но ни та, ни другая не считаютъ его богатыремъ. Впрочемъ заключеніе Ставра составляетъ мотивъ общій и лѣтописи, и былинѣ. Всѣ эти упоминанія лѣтописи о лицахъ, дѣйствующихъ въ былинахъ, идутъ не позже XIII вѣка. При этомъ должно замѣтить, что лѣтописи знаютъ и о такихъ богатыряхъ, которые не воспѣты въ былинахъ; такъ во времена Владиміра упоминаются Янъ Усмошвецъ, о которомъ говорено было выше, и «Рагдай Удалой, яко наѣзжаше сей на триста

[1]) П. С. Р. Л., т. III, стр. 4.

чаемое въ одномъ изъ важнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ XII вѣка. Таковы слѣдующія слова «Слова о плъку Игоревѣ»: «не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню» [1]).

Основываясь на этихъ словахъ, можно предположить, что былины, какъ особый родъ эпоса, существовали въ нашей народной поэзіи уже въ XII вѣкѣ, и что содержаніе ихъ заимствовалось изъ событій современности,—показаніе вполнѣ согласное съ тѣмъ соображеніемъ объ отношеніи эпоса къ историческимъ явленіямъ, которое мы представили выше. Подобнымъ образомъ по живымъ слѣдамъ событій, могли сложиться и былины о великомъ князѣ Владимірѣ, Добрынѣ Рязаничѣ, Алешѣ Поповичѣ и проч. Но татарское нашествіе замѣнило именемъ Татаръ имена прежнихъ степныхъ враговъ Кіева, безъ сомнѣнія упоминавшія-

---

воинъ» (Ник. л. подъ 1000 годомъ) [1]), при Мстиславѣ Изяславичѣ— Демьянъ Куденевичь съ слугою своимъ Тарасомъ (Ник. л. подъ 1148 годомъ), слывшій за «человѣка божьяго» [2]), въ Липецкой битвѣ, кромѣ Добрыни и Александра Поповича — Нефедій Дикунъ при Константинѣ Ростовскомъ (Ник. л. подъ 1216 годомъ), да при Мстиславѣ Удаломъ «мужи храбри зело и велицы богатыри, яко львы и яко медвѣди, не слыша на себѣ ранъ» (Р. л. по Н. сп., т. II, стр. 325). Подобныя упоминанія о богатыряхъ тоже не идутъ въ лѣтописяхъ дальше XIII вѣка. Изъ всего этого можно заключить, что въ сознаніи лѣтописцевъ XIII вѣкъ представлялся предѣломъ богатырской эпохи.

[1]) Р. Д. т. III, стр. 1, 2, 3. Въ Словѣ о Задонщинѣ встрѣчаемъ подобное мѣсто: «Лудчи бо намъ, братіе, начати повѣдати иными словесы... начати повѣдати по дѣломъ и по былинамъ» (см. Изв. II Отд. А. Н. т. VI, ст. 345).

---

[1]) П. С. Р. Л., т. IX, стр. 68.

[2]) П. С. Р. Л., т. IX, стр. 177 и 178.

ся въ этихъ былинахъ, и къ содержанію послѣднихъ присоединило цѣлый рядъ новыхъ эпизодовъ, изображающихъ такія явленія жизни, которыя раньше татарскаго нашествія не были возможны (таковы осада Кіева Татарами въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ и Василіѣ Игнатьевичѣ [1]), отвозъ даней выходовъ въ орду, плѣненіе Татарами русской дѣвицы) и только въ соединеніи съ этой примѣсью, дошло до насъ содержаніе былинъ Владимірова цикла. Потому мы и обозначили XIV вѣкомъ предѣлъ, когда оно могло установиться [2]).

Вышеприведенныя слова изъ «Слова по плъку

[1]) Конечно, нельзя въ этихъ былинныхъ картинахъ кіевской осады искать исторической точности, но тѣмъ не менѣе нельзя и не замѣтить въ нихъ многихъ чертъ общихъ съ тѣмъ разсказомъ объ осадѣ Кіева Батыемъ, который находится въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1240 годомъ (П. С. Р. Л., т. II, стр. 177 и 178), и вообще со «Сказаніемъ о нашествіи Батыя на Русскую землю», которое къ сожалѣнію сохранилась только въ подправленномъ видѣ (см. *Сахарова* Сказанія Р. нар. т. I, кн. 4). Всѣ эти повѣствованія безъ сомнѣнія сложились подъ однимъ и тѣмъ же впечатлѣніемъ ужаса, произведеннаго татарскимъ нашествіемъ.

[2]) Къ этимъ указаніямъ о времени, когда сложилось содержаніе былинъ Владимірова цикла, можно присоединить еще одно соображеніе. Въ германскій эпосъ еще въ XII вѣкѣ, а можетъ быть и раньше того, введены были русскія дѣйствующія лица, извѣстныя намъ по былинамъ Владимірова цикла: въ исландской Thidrekssaga, въ половинѣ XIII вѣка составленной изъ древнихъ саксонскихъ пѣсень и преданій (см. *Raszmann*, Die deutsche Heldensage und ihre Heimat, B. II, стр. V и VI) упоминается король русскій Вольдемаръ —Владиміръ и его братъ ярлъ Илья Греческій или Русскій—нашъ Илья Муромецъ. Thidrekssaga называетъ его греческимъ по его греческой вѣрѣ (см. *Müllenhof*, въ Zeitschrift für das Deutsches Alterthum, B III, 349). О Владимірѣ еще можно сомнѣваться, — перешелъ ли онъ въ нѣмецкій эпосъ изъ русскаго преданія, т. е. былины, или изъ исторической дѣйствительности, но относительно Ильи сомнѣнія быть

Игоревѣ» вмѣстѣ съ временемъ указываютъ и на мѣстность, въ которой могли быть пѣты былины въ XII вѣкѣ. Это была южная Русь (откуда родомъ пѣвецъ Слова), вѣроятно область Кіевская, въ предѣлахъ, которой помѣщается большая часть происшествій, описываемыхъ въ былинахъ Владимірова цикла. Въ противуположность этому факту древности въ настоящее время былинъ въ южной Руси не существуетъ: есть только въ нѣкоторыхъ малорусскихъ преданіяхъ упоминанія о лицахъ, воспѣваемыхъ въ былинахъ Владимірова цикла. Какъ объяснить это явленіе? Уже со времени основанія Владиміра Залѣсскаго, Ярославля и проч., въ X и XI вѣкахъ, мы видимъ постоянное движеніе южно-русскаго населенія на сѣверъ и сѣверо-востокъ; мы видимъ, что это движеніе особенно усиливается въ XII вѣкѣ, когда великокняжескій столъ былъ перенесенъ во Владиміръ; если мы признали возможнымъ существованіе былинъ въ это время, то легко можемъ предположить, что онѣ были перенесены этими переселенцами съ юга въ тѣ мѣста, которыя въ послѣдствіи составили центръ великой Руси, и здѣсь уже подверглись дальнѣйшей разработ-

---

не можетъ: Илья существуетъ не въ исторіи, а въ одномъ эпосѣ, и именно подлѣ Владиміра, какъ и въ Thidrekssaga; кромѣ того имя его передано по исландски не Elias, какъ бы слѣдовало по обще-германскому употребленію этого ветхозавѣтнаго имени, но Jlias von Riuzen, очевидно со славянскаго Илья. Должно однако замѣтить, что происшествія, въ которыхъ учавствуетъ ярлъ Илья, не имѣютъ ничего общаго съ извѣстными изъ былинъ подвигами Ильи Муромца. Путь, по которому могли перейти эти русскія имена въ эпосъ германскій,—безъ сомнѣнія, разсказы нижне-нѣмецкихъ торговыхъ людей, посѣщавшихъ Русь. Съ другой стороны, должно замѣтить, что еще въ XVII вѣкѣ церковное преданіе показывало, что Илья Муромецъ прежде Антонія Печерскаго, т. е. прежде начала XI вѣка, вселился въ эти пещеры (см. статью *Стасова* въ Изв. Археол. общ., т. III, вып. 3).

кѣ въ постоянномъ устномъ храненіи. Какъ уже сказано выше, въ болѣе позднее время развитіе новыхъ потребностей и формъ жизни въ великой или московской Руси отодвинуло храненіе былинъ Владимірова цикла изъ центра на украйны, вмѣстѣ съ другими остатками старины.

Опустошеніе южной Руси Татарами въ XIII вѣкѣ и паденіе ея образованности подъ литовскимъ владычествомъ въ XIV и XV были причиною, что здѣсь былины Владимірова цикла не были удержаны народною памятью, а когда въ XVI вѣкѣ южнорусское населеніе сложилось въ новыя формы казачества, то оно создало свой особый кругъ эпическихъ сказаній, окончательно заслонившій собою Владиміровъ циклъ въ народномъ воображеніи. Эта смѣна цикловъ доказывается и тѣмъ, что тѣ открывки, которые въ нынѣшней народной поэзіи южно-русской напоминаютъ кіевскій періодъ или по крайней мѣрѣ дѣйствующихъ лицъ изъ Владимірова цикла, представляютъ свое содержаніе и своихъ героевъ въ исторической обстановкѣ казацкой эпохи. Такъ Алеша Поповичъ великорусскихъ былинъ, родомъ изъ Ростова, называется Олексіемъ Поповичемъ Пирятинскимъ, писаремъ войсковымъ, казакомъ лестровымъ, и дѣйствуетъ на морѣ [1]), а былинный богатырь Василій Пьяница и богатырь Михайлушко, сынъ Данилы Игнатьевича (П. и обр., 273), вѣроятно соединяются въ лицѣ лицаря Михайлика [2]).

Указавъ на существованіе былинъ на Руси въ XII вѣкѣ, можемъ остановиться и на вопросѣ: кто пѣлъ ихъ въ старину? Упоминанія о лицахъ, пѣвшихъ пѣсни, встрѣчаются какъ въ письменныхъ памятникахъ, этого времени, такъ и

---

[1]) Кир., IV., стр, XXIII, также см. Основу 1862 г., № 8, стр. 20.

[2]) *Кулиша*, Зап. о Южной Руси, I, 3.

въ былинахъ Владимірова цикла. Въ житіи преп. Өеодосія есть такое указаніе: «Въ іединъ же отъ дьнии шьдъшу къ тому благому богоносьному отьцю нашему Феодосью, ꙗко вниде въ храмъ, иде же бѣ князь, сѣде, и се видѣ *многыя играющя прѣдъ нимъ — овы гусльныя гласы испущающи другыя же органьныя гласы поющи, инѣмъ мусикийскыя (=замърныя) писькы гласящимъ, и тако всѣмъ играющимъ и веселящимъся, ꙗко же обычаи гесть прѣдъ княземъ,* блаженыи же бѣ въскраи іего сѣдяи и долу ничя. И ꙗко мало въсклонивъся и рече къ тому: То будеть ли сице на ономь свѣтѣ! Тъ же ту абиіе съ словомь блаженаго умилися и малы просльзи си, и повелѣ тѣмъ прѣстати. И отътолѣ аще коли приставꙗше тыя играти, ти слышаше блаженаго приньдъша, то повелѣваше тѣмъ прѣстати отъ таковы игры» [1]). Отсюда видно, что на пирахъ князя Святослава Ярославича (во второй половинѣ XI вѣка) былъ обычай предъ княземъ играть на гусляхъ, органахъ и замбрахъ и пѣть пѣсни. Въ памятникахъ поучительной литературы, относящихся къ періоду до-татарскому, находимъ и обличенія противъ скомороховъ, гудцевъ и игрецевъ и пѣнія пѣсенъ бѣсовскихъ или мірскихъ [2]).

Соотвѣтственно этимъ показаніямъ и въ былинахъ Владимірова цикла находимъ веселыхъ молодцевъ—гудошниковъ и скомороховъ (или лицъ, переодѣтыхъ скоморохами) на княжескомъ пиру. Они поютъ и играютъ на звончатыхъ яровчатыхъ гусляхъ или гудкѣ. Отчасти изображено въ бы-

---

[1]) Учен. зап. по II Отд. Ак. Н., т. II, в. 2, 192.

[2]) См. слѣдующія слова въ поученіи Өеодосія Печерскаго: «діаволъ лстить и другими нравы.... скоморохи, гусльми, сопѣлми и всякими играми...» См. Уч. Зап. по II отд. Ак. Н., т. II, в. 2, стр. 195), также слово христолюбца по двумъ варьянтамъ въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности, *Тихонравова* т. IV.

линахъ и самое пѣніе скомороховъ: Ставръ, по пересказу Кирши Д., 132 и 133,

Сыгрышь игралъ Царя-града,
Танцы навелъ Іерусалима,
Величалъ князя со княгинею,
Сверхъ того игралъ еврейскій стихъ....

а по пересказу Рыбн., II, 101:

Сталъ тутъ Ставръ гуселокъ налаживать,
Гуселокъ налаживать, струнокъ натягивать:
Струночку натягивалъ отъ Кіева,
Другу отъ Царя-града,
Третью отъ Іерусалима;
Повелъ онъ танцы великіе,
Принѣвки-то принѣвалъ изъ за синя моря.

Въ томъ же родѣ и пѣніе Соловья Будиміровича (Р., I., 324), Садка богатаго гостя (изъ былинъ новгородскаго цикла). Добрыня, (по пересказу Рыбн., I, 136, ср. 144, 167 и II, 31),

Натягивалъ тетивочки шелковыя
На тыя струночки золоченыя,
Учалъ по струночкамъ похаживать,
Учалъ онъ голосомъ поваживать,
Играетъ онъ въ Цари-гради,
А на выигрышь беретъ въ Кіевѣ [1]).

Кромѣ того Добрыня бралъ содержаніе для пѣсень изъ обстоятельствъ, лично до него касающихся. Подобно тому въ былинѣ о гостѣ Терентьищѣ, (изъ новгородскаго цикла, см. К. Д., 13) скоморохи веселые, люди вѣжливые и очестливые (стр. 15), играютъ въ гусельцы и поютъ Терентьищу пѣсню про него самого (стр. 19).

---

[1]) Слѣдуетъ понимать наигрышь, слова пѣсни.

Соображая всѣ эти показанія, нельзя не признать гусельниковъ и пѣвцевъ, пѣвшихъ передъ Святославомъ, а также скомороховъ, гудцевъ и игрецевъ, упоминаемыхъ въ поученіяхъ, за одни и тѣ же лица съ гудошниками и скоморохами нашихъ былинъ; и, хотя нѣтъ возможности точно опредѣлить содержаніе ихъ пѣсень,—нельзя не предположить, что были между этими пѣснями и эпическія, нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ былинъ [1]). Въ такомъ случаѣ можно сблизить древнихъ скомороховъ и гудошниковъ съ нынѣшними олонецкими сказителями, и при томъ вспомнить, что какъ скоморохи въ свое время подвергались осужденію духовенства [2]), такъ и нынѣшніе сказители считаютъ свои пѣсни вещами мірскими, запретными [3]).

Допустивши возможность существованія былинъ между тѣми пѣснями, которыя древніе скоморохи и гудцы пѣли

---

[1]) Одинъ пересказъ у Рыбн., I, 249, даже прямо указываетъ на эпическій характеръ пѣсенъ Ставра:

Онъ мастеръ Ставеръ въ гусли играть,
Игръ играть, напѣвокъ напѣвать,
Про стары времена и про нынѣшни
И про всѣ времена досюлешны.

[2]) Въ этомъ отношеніи важны постановленія Стоглавника, обличающія гудцевъ, гусельниковъ, органниковъ, прегудниковъ и скомороховъ, которые играютъ на свадьбахъ или «ходятъ по дальнимъ страламъ... ватагами многими по шестидесятъ и по семидесятъ человѣкъ» (см. Стоглавъ, Спб. 1863, стр. 135, 136 и 137).

[3]) Мысль о грѣховномъ характерѣ скоморошескихъ пѣсенъ и игръ не чужда и былинамъ: въ одномъ изъ пересказовъ былины о Садкѣ новгородскомъ (Р., I, 369), его игры, совершенно одинакія съ вышеописанными играми и пѣснями Добрыни, Ставра и Соловья, называются бѣсовскими; при этомъ должно замѣтить, что такое обличеніе влагается въ уста старчищу (сравнительно съ другими варьянтами—старчищу пилигримищу или св. Миколѣ).

*

на пирахъ княжескихъ, мы уже указали и на ихъ слушателей, т. е. на тотъ классъ древнерусскаго общества, для котораго создавались эти произведенія народной поэзіи. Это былъ—впрочемъ не исключительно—классъ высшій, т. е. княжеская дружина. Тоже подтверждаетъ и одна заключительная припѣвка къ былинѣ, сохранившаяся въ сборникѣ Кирши Данилова (пѣвецъ говоритъ отъ имени своего и другихъ пѣвцевъ):

Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

(К. Д., 283).

Какого бы поздняго происхожденія ни была эта припѣвка, она свидѣтельствуетъ, что въ старину былины не были исключительнымъ достояніемъ простаго народа, какъ въ настоящее время. Самое содержаніе былинъ, по большей части воспѣвающее приключенія богатырей дружинниковъ и, въ противурѣчіе лѣтописямъ, совершенно умалчивающее о военныхъ подвигахъ самихъ князей, только подтверждаетъ то соображеніе, что военный, богатырскій эпосъ былинъ возникъ и первоначально существовалъ въ кругу княжеской дружины; въ такомъ случаѣ поэзія княжескихъ пѣвцевъ, каковы были Боянъ и авторы Словъ о Плъку Игоревѣ и о Задонщинѣ, должна быть противупоставлена былинамъ, какъ преимущественно прославлявшая самихъ князей.

Принимая удѣльно-вѣчевой періодъ за время, когда сложились былины Владимірова цикла, мы легко поймемъ сопоставленіе великаго князя Владиміра съ Литвою, Поль-

шею, Швеціею и Татарами, при чемъ упоминаются цари Батый, Сартакъ, Мамай и поле Куликово. Такое сближеніе однородныхъ явленій изъ разныхъ эпохъ совершенно въ обычаяхъ народнаго эпоса; но долговременное храненіе нашихъ былинъ единственно въ народной памяти и свободный пересказъ ихъ были причиною, что и періоды народной жизни, послѣдовавшіе за XIV вѣкамъ, наложили свой слѣдъ на эти произведенія. Такъ въ былинахъ встрѣчаются иногда упоминанія о Турціи, царствѣ Астраханскомъ, Казани, степяхъ Саратовскихъ и Цицарскихъ и т. п. Эти черты уже отзываются XV, XVI и XVII вѣками. Точно также отзывается позднѣйшее время въ именахъ дѣйствующихъ лицъ, каковы Малюта Скуратовъ, Ермакъ, Никита Романовичь, и въ измѣненіи нѣкоторыхъ характеровъ (какъ это будетъ показано ниже), и наконецъ въ подробностяхъ внутреннаго быта. Приведемъ нѣсколько примѣровъ бытовыхъ измѣненій въ духѣ временъ позднѣйшихъ: по одной былинѣ (К. I, 77), Илья Муромецъ собирается съѣздить да посмотрѣть

Земли святорусскія
И *кружела государевы*.

По другой былинѣ (Р., II, 61), Михайло Потокъ говоритъ князю Владиміру:

Лучше дай мнѣ указъ за печатью за красною
Ходить Михайлу *по царевымъ кабакамъ*.

По третьей былинѣ, Владиміръ разрѣшаетъ Дюку Степановичу торговать въ Кіевѣ безданно безпошлинно (Р., I, 308). Примѣры этого обычая восходятъ не ранѣе XVI вѣка.

Счетъ въ былинахъ постоянно ведется на рубли и копѣйки, вѣсъ тоже современный; въ нихъ упоминается употребленіе стеколъ въ окнахъ, каретъ, бумаги гербовой, подзорныхъ трубокъ нѣмецкихъ и т. п. Все это черты новыя.

Кромѣ времени, и мѣстность, въ которой хранились и были записаны былины, оказала свое вліяніе на ихъ содержаніе, внеся въ него мѣстные образы и черты. Такъ напр. былина, записанная въ тундристомъ онежскомъ приморьѣ, слѣдующими словами изображаетъ природу края, въ которомъ ѣздитъ Илья Муромецъ:

Ине гладкіе онъ мхи да промежь ногъ спущалъ,
А и синее то море онъ въ околъ скакалъ.
(П. и обр., 353)

Или въ былинѣ, записанной на сѣверовостокѣ Россіи или въ Сибири, въ числѣ разныхъ враговъ Руси упоминаются и мелкіе сибирскіе народцы, Чюкши и Алюторы. (К. Д., стр. 196 и слѣд.).

Иногда мѣстнымъ образамъ соотвѣтствуютъ и мѣстныя слова, иногда же мѣстные слова и обороты являются для понятій общихъ. Былины нерѣдко сами объясняютъ мѣстное слово, ими употребленное, напр.

Наѣхали на стараго станишники,
По нашему русскому разбойники.
(К. Д., 419)

Замѣчательно, что нѣкоторыя мѣстности разработываютъ извѣстный эпизодъ изъ содержанія былинъ, исторически имъ соотвѣтствующій: на волжскомъ низовьи, гдѣ долго процвѣтало казачество и разбойничество, много разъ и въ разныхъ пересказахъ была записана былина о встрѣчѣ стараго казака Ильи Муромца со камышниками, т. е. разбойниками, скрывающимися въ камышахъ.

О вліяніи мѣстныхъ условій на сохраненіе былинъ въ народной памяти говорено было выше. При богатствѣ эпическихъ припоминаній и свѣжести эпическаго творчества въ глухихъ, отдаленныхъ отъ метрополіи мѣстностяхъ понятно, что пересказы былинъ, здѣсь записанные, отличаются отъ пересказовъ изъ другихъ мѣстностей съ одной стороны богатствомъ чертъ древнихъ, а съ другой — подробностью и разнообразіемъ въ разработкѣ сюжетовъ.

Какъ совершался процессъ постояннаго возсозданія и переработки былинныхъ пересказовъ согласно съ измѣненіемъ историческихъ условій, можно видѣть изъ разсмотрѣнія нѣсколькихъ нынѣшнихъ пересказовъ одного и того же сюжета: одинъ пересказъ излагаетъ сюжетъ въ большей подробности, другой въ меньшей; одинъ сообщаетъ сюжету древнею въ отношеніи быта обстановку, другой подновляетъ эту обстановку и вводитъ подробности новыя. Примѣрами растяжимости былинныхъ сюжетовъ могутъ служить многочисленные пересказы былины о борьбѣ Ильи Муромца съ Соловьемъ разбойникомъ: въ нѣкоторыхъ пересказахъ въ двухъ словахъ разсказывается то, что въ другихъ занимаетъ цѣлые десятки стиховъ, подобно тому, по пересказу Кирши Данилова (стр. 27), въ нѣсколькихъ стихахъ описана ссора Дюка Степановича съ Чурилою Пленковичемъ, между тѣмъ какъ въ олонецкихъ пересказахъ она составляетъ содержаніе цѣлыхъ большихъ былинъ [1]). Иногда распространеніе состоитъ въ томъ, что къ былинѣ, по содержанію

[1]) Подобнаго рода распространенія одного и того же содержанія совершенно въ обычаяхъ народной поэзіи; такъ напр. извѣстная сѣверно-французская пѣсня о Роландѣ по редакціи XII вѣка имѣетъ около 1800 стиховъ, а по другой редакціи, позднѣйшей, состоитъ изъ 10000 стиховъ (см. Récueil des chants historiques français, par *Leroux de Lincy*, I, MDCCCXLI).

примыкающей ко Владимірову циклу, присоединяется эпизодъ посторонній, изъ другаго цикла; такъ напр., по одному онежскому пересказу (П. и обр., 370), въ началѣ былины о Дунаѣ поставленъ эпизодъ, относящійся къ былинамъ о Ванькѣ Клюшникѣ, Настасьѣ Королевнѣ Политовской и пр. Примѣрами того, какъ въ былинахъ уничтожается древняя бытовая обстановка, можетъ служить слѣдующее: вообще въ былинахъ Владиміръ называется великимъ княземъ, но въ нѣкоторыхъ пересказахъ ему дается названіе царя (напр. К., I, 41) [1]). Точно такъ въ часто упоминаемомъ Черниговѣ правитъ то князь, то воевода царскій, то наконецъ какой-то невѣрный царь Черниговецъ. По нѣсколькимъ пересказамъ былины о Хотенѣ, въ которой разсказывается исторія его женитьбы, Хотенъ родомъ бояринъ или дворянинъ изъ Владиміровой дружины, а невѣста его — тоже боярышня или дворянка; по его пересказу Рыбн., I, стр. 315 и слѣд., отцы ихъ — садовникъ и огородникъ (а самъ Хотенъ смѣшанъ съ Дюкомъ Степановичемъ); это показываетъ, что пѣвецъ крестьянинъ перевелъ содержаніе пѣсни изъ древней обстановки въ современную, болѣе соотвѣтствующую его личному положенію и болѣе ему знакомую. То же отношеніе видимъ мы между былиною объ Алешѣ Поповичѣ и братьяхъ Збродовичахъ (К., II, 67) и двумя ея пересказами (К., II, 64 и 66): по первой — дѣйствіе происходитъ на пиру у Владиміра, между тѣмъ какъ по послѣднимъ — происшествіе помѣщено въ поповскомъ домѣ. Такое перенесеніе сюжета изъ обстановки исторической въ современно-бытовую указываетъ на одинъ изъ фа-

---

[1]) Впрочемъ, названіе царя уже издревле усвоивалось нѣкоторымъ князьямъ, см. напр. въ словѣ Данила Заточеника по изд. Пам. словесности XII в., стр. 231; ср. *Соловьева* Ист. Росс., т. III, стр. 3.

зисовъ, въ который можетъ вступить былина при исключительно устномъ храненіи.

Есть однако такія измѣненія въ основномъ содержаніи былинъ, которыя произошли не подъ вліяніемъ времени, но зависятъ отъ личнаго творчества отдѣльныхъ пѣвцовъ. Такъ напр. исходъ былины о женитьбѣ Алеши Поповича по разнымъ пересказамъ различенъ: большею частью Алеша и Добрыня разстаются мирно, но пересказъ въ П. и обр., 319, говоритъ, что они съѣзжались на смертный бой. Такое же различіе развязки видно въ разныхъ пересказахъ былины о похожденіяхъ Чурилы Пленковича въ домѣ Бермяты.

II.

РАЗСМОТРѢНІЕ БЫЛИНЪ, КАКЪ ПАМЯТНИКОВЪ НАРОДНАГО БЫТА И ПОНЯТІЙ.

Разсматривая содержаніе былинъ Владимірова цикла въ отношеніи историческомъ, видимъ, что онѣ, несмотря на значительныя позднѣйшія наслоенія, представляютъ довольно полное изображеніе народнаго быта и народныхъ понятій Руси въ тотъ періодъ, когда онѣ сложились. Постараемся собрать эти историческія данныя и сблизить ихъ со свидѣтельствами другихъ памятниковъ того же времени. Такимъ образомъ мы увидимъ—на сколько представленія былинъ близки къ эпохѣ ихъ сложенія, и окончательно утвердимъ право древности за этими произведеніями русскаго народнаго эпоса.

Какъ произведеніе народа Русскаго, былины противуполагаютъ Русь, Русскій народъ другимъ, иноплеменнымъ, и Русскую землю представляютъ главнымъ своимъ центромъ въ географическомъ отношеніи, главнымъ мѣстомъ своего дѣйствія.

Земля, обитаемая Русскимъ народомъ, носитъ названіе свѣторусской, свѣтлорусской, святорусской, святой Руси; народъ Русскій иначе называется крещенымъ, христіанскимъ, православнымъ, языкъ—человѣческимъ.

Прочіе народы и страны суть Литав хоробрая, некрещеная, поганая, царство Литвинское, королевство Политовское; земля Польская, королевство Ляховинское или Ляховецкое, Карела поганая или богатая; Чудь бѣлоглазая; земля или царство Латинское; земля Веденецкая, съ городомъ Леденцомъ, земля Греческая съ Царьградомъ; городъ Іерусалимъ; земля или царство Сарацинское или Сорочинское, гдѣ живетъ Сорочина долгополая; орды невѣрныя, немирныя, дальныя, темныя, великія — Большая, Золотая, населенныя Татарами, улановьями, злыми, басурманами; Индѣя богатая; Агаряне. Всѣ эти названія съ разу понятны или по крайней мѣрѣ могутъ быть объяснены историческою географіею. Королевство Ляховинское или Ляховецкое есть очевидно Польша, земля Ляшская, Лядьская древнихъ памятниковъ; подъ землею Латинскою, безъ сомнѣнія, разумѣется европейскій западъ вообще, какъ страна, въ которой господствуетъ латинская вѣра; въ такомъ смыслѣ «Латины» употребляется вообще въ древней русской литературѣ. Земля Веденецкая, при которой названіе Леденца (К. Д., 1.) можно считать за позднѣйшее осмысленіе, напоминаетъ Венедицевъ, Венеціянъ въ Словѣ о Плъку Игоревѣ. Должно замѣтить, что изъ Веденецкой земли пріѣзжаетъ по морю Соловей Будиміровичь, знаменитый строитель, напоминающій тѣхъ западныхъ мастеровъ, которые съ XII вѣка приходили на Русь [1]). Сорочина долгополая — конечно Сарацины; какъ народъ, — Арабы, Сарацины могли быть извѣстны на Руси съ древнѣйшаго времени по своимъ торговымъ сношеніямъ; названіе же Сорочинина встрѣчается подъ 1116 годомъ въ Кіевской лѣтописи [2]). Приданное Индіи прозвище

[1]) См. Исторію Русской церкви, еп. *Макарія*, т. III, стр. 67.
[2]) П. С. Р. Л., т. I, 128.

богатой соотвѣтствуетъ тѣмъ извѣстіямъ о богатствѣ Индіи, которыя издревле были распространены въ Европѣ; для Руси это названіе то же объясняется древними торговыми сношеніями и соединеннымъ съ ними обмѣномъ извѣстій: положительно извѣстно, что въ XIV вѣкѣ товары русскіе были въ ходу въ сѣверной Индіи [1]), но они могли заходить туда и гораздо ранѣе, такъ какъ уже отъ IX вѣка мы имѣемъ извѣстіе о пребываніи славянскихъ купцевъ по дорогѣ въ Индію, въ Багдадѣ [2]). Съ другой стороны слухи о богатствѣ Индіи находили себѣ издревле подтвержденіе и въ книжныхъ показаніяхъ: въ русской литературѣ въ XIV вѣкѣ, а вѣроятно и ранѣе того, существовалъ переводъ фантастическаго византійскаго «сказанія объ Индіи богатой» [3]). Названіе Агарянъ можетъ имѣть только книжное происхожденіе, но оно встрѣчается довольно часто въ древнихъ памятникахъ [4]).

Кромѣ этихъ понятныхъ географическихъ названій есть въ былинахъ и другія неясныя; таковы земля Гленская, улусы Загорскіе, Могозея, земля или орда Заоданская, земля Жидовская, царство Алыберское. По словамъ «орда, улусы» можно однако предполагать, что не рѣдко подъ этими названіями разумѣются предѣлы восточные, погра-

---

[1]) Зап. Ак. Н. по Отд. Рус. яз. и Слов., т. II, вып. 2, стр. 226.

[2]) См. ст. *Срезневскаго* «Слѣды древняго знакомства Русскихъ съ южною Азіею», стр. 5.

[3]) Древнѣйшій извѣстный списокъ его находился въ томъ же сборникѣ XIV—XV вѣка, въ которомъ было помѣщено и Слово о Плѣку Игоревѣ; см. Уч. Зап. Ак. Наукъ по Отд. Рус. яз. и Слов., т. IV, 90, 91.

[4]) Напр. въ Пов. вр. л., П. С. Р. Л., т. I, 9.

ничные съ Азіею или азіятскіе. Названія орды и Литвы употребляются въ смыслѣ общемъ, нарицательномъ:

Ты коей орды, ты коей земли?
(Р., I, 229),

или

Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы.

Собственно русскую мѣстность былины изображаютъ ровною [1]): это или лугъ, или степь, или далекое раздолье поле чистое, или наконецъ страна, покрытая темными, зелеными, дремучими лѣсами. Особенно знамениты лѣса Брынскіе. Русскую землю орошаютъ много рѣкъ—Днѣпръ или Нѣпра, знаменитый своими глубокими омутами (К. Д., 1), тихій Дунай, Донъ, Волга, Кама, Черега или Сорога, Пучай или Почай рѣка свирѣпая, Смородина быстрая, широкая и глубокая. На Руси же предполагаются Израй-рѣка и Сафатъ-рѣка [2]). Рѣки суть и главные пути сообщенія, но кромѣ того упоминаются и сухопутныя дороги, окольныя и прямоѣзжія, какова напр. дорога изъ Мурома въ Кіевъ черезъ Брынскіе лѣса и Черниговъ.

Бытъ населенія представляется осѣдлымъ; оно живетъ въ селахъ, каковы Карачарово, Рязань (пока не стала городомъ, К. Д., 345), и городахъ. Города имѣютъ свои прозвища: Кіевъ называется стольнымъ и славнымъ; иногда послѣднее названіе придается еще Чернигову и Мурому; Ростову и Волынцу Галичью усвоивается названіе красныхъ городовъ. Ростовъ считается богомольной стороной (Р., I., 177); это объясняется важнымъ церковнымъ значе-

---

[1]) По видимому не въ предѣлахъ Руси предполагаются упоминаемы въ былинахъ горы Сорочинскія, Сіонскія, Палачь гора Аѳанасьева Скатъ-гора.

[2]) О названіи Сафатъ см. Учен. Зап. Акад. Наукъ по Отд. Рус. яз. и Слов, т. II, вып. 2, стр. 231 и 232.

ніемъ Ростова въ древности. Еще въ 992 году основанъ былъ въ Ростовѣ епископскій престолъ, возвышенный въ послѣдствіи до сана архіепископскаго и митрополичьяго. Въ X же вѣкѣ положено было основаніе соборному храму ростовскому Успенія Пресвятой Богородицы, за который сражались Ростовцы, какъ Новгородцы за святую Софію, и который въ началѣ XIII вѣка былъ великолѣпно перестроенъ княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ и потомъ постоянно украшаемъ святителями ростовскими. Въ X и XI вѣкахъ въ Ростовѣ подвизались просвѣтители края преподобный Авраамій и св. епископы Леонтій и Исаія. Уже въ XII вѣкѣ были открыты ихъ чудотворныя мощи, а въ XIV вѣкѣ преподобный Сергій Радонежскій, потомокъ ростовскаго боярскаго рода, приходилъ на поклоненіе ростовскимъ чудотворцамъ [1]).

Кромѣ городовъ и селъ упоминаются еще пригороды и приселки, а также и отдѣльныя загородныя жилища, какъ напр. у Чурилы, который живетъ пониже малаго Кіевца, на Сорогѣ или Черегѣ рѣкѣ (К. Д., 159). Подобныя тому загородныя жилища упоминаются и въ Повѣсти временныхъ лѣтъ: теремъ каменный у Ольги [2]), также дворъ Владиміровъ въ Берестовѣ [3]).

Въ Кіевѣ широкія улицы и мелкіе переулочки (К. Д., 61). Онъ обнесенъ необходимою на случай осады каменною стѣною, съ воротами, приворотенками и башнями наугольными; главныя ворота золотыя (Р., II, 354). По Повѣсти временныхъ лѣтъ знаемъ, что построеніе каменнаго города въ Кіевѣ, съ золотыми воротами, принадлежитъ

---

[1]) См. Древнія Святыни Ростова Великаго, соч. гр. *М. Толстаго*. М. 1860.

[2]) П. С. Р. Л., т. I, 23.

[3]) П. С. Р. Л., т. I, 34.

Ярославу Владиміровичу [1]). Есть городовая стѣна и въ Черниговѣ.

Общее названіе жилища, какъ и въ другихъ памятникахъ древности,—дворъ, дворъ княжій, княженецкій, дворы боярскій, дворъ Ставра (К. Д., 5, 124). Эти жилища состоятъ изъ двора собственно, называемаго широкимъ, и деревянныхъ или каменныхъ палатъ или хоромъ [2]). У палатъ крыльца красныя (К. Д., 65), сѣни переныя (Р., I, 97), частоберчатыя, рѣшетчатыя (Р., I, 263); окна косящатыя, терема высокіе [3]). Дворъ обнесенъ желѣзнымъ тыномъ, съ воротами. На княженецкомъ дворѣ столбъ точеный съ золотымъ кольцомъ, чтобы привязывать коней (Р., I, 50). При домахъ сады зеленые, вишенье, орѣшенье. Названія покоевъ—горницы, свѣтлицы, спальни, ложни спальныя, повалуши [4]); въ княжескихъ палатахъ свѣтлая гридня, гридница столовая, мѣсто собранія княжеской дружины для думы и пировъ. И по Повѣсти временныхъ лѣтъ, пиры Владиміра происходятъ у него «на дворѣ въ гридьницѣ» [5]). Общій видъ жилища извнѣ и внутри можно видѣть изъ слѣдующаго описанія жилища Чурилина:

Дворъ у него на семи верстахъ,
Около двора желѣзный тынъ,
На всякой тынинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ,

---

[1]) П. С. Р. Л., т. I, 65.

[2]) Ср. *хоромы* въ Повѣсти врем. лѣтъ, напр. П. С. Р. Л., т. I, 61.

[3]) Слова *сѣни*, *теремъ* въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, напр. П. С. Р. Л., т I, 23, 35.

[4]) Въ Пов. вр. л. соотвѣтственно спальнямъ упоминаются *одрины*, П. С. Р. Л., т. I, 25; *повалуша* упоминается въ одномъ поученіи, найденномъ въ сборникѣ XII вѣка, см. Изв. II Отд. Акад. Наукъ, т. X, стр. 550.

[5]) См. выше, стр. 23.

Середи двора свѣтлицы стоятъ,
Гридни бѣлодубовыя,
Покрыты сѣдымъ бобромъ,
Потолокъ черныхъ соболей,
Матица то валженая,
Полъ середа одного серебра,
Крюки да пробои по булату злачены,
Первые у него ворота вальящатые,
Другіе ворота хрустальные,
Третьи ворота оловянные.
(К. Д., 159 и 160, сравн. 124, К , II, 24 и проч.)

или еще изъ описанія «снаряднаго двора», построеннаго Соловьемъ Будиміровичемъ:

Три терема златоверховаты,
Да трои сѣни косящатыя,
Да трои сѣни рѣшетчатыя.
Хорошо въ теремахъ изукрашено:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря, и въ теремѣ заря —
И вся красота поднебесная.
(К. Д., ср. 6, Р., I, 263, 306).

Участіе поэтической фантазіи въ этихъ описаніяхъ очевидно, но и при томъ изъ нихъ можно составить нѣкоторое понятіе о характерѣ древнихъ построекъ. Въ Словѣ о Плъку Игоревѣ тоже упоминаются златоверхіе терема у великаго князя Святослава [1]).

Въ хоромахъ—печи глиняныя и муравленыя (К. Д., 27), столы бѣлодубовы, стулья ременчаты, скамьи, лавки брусовыя (Р., I, 50) или бесѣды, полки, вѣшалки, кованы сундуки, кровати тѣсовыя, или изъ слоновой кости (К. Д., 9),

[1]) Рус. Достоп., т. III, стр. 120.

съ пуховыми перинами и одѣялами соболиными. Эти предметы извѣстны и изъ древнихъ памятниковъ [1]). Въ углу палаты образъ Спаса съ Богородицей. При княжескомъ дворѣ дворъ конюшенный (Р., I, 116), бани (какъ и въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, въ разсказѣ объ Ольгиной мести Древлянамъ) [2]), подвалы (К. Д., 162) или погреба глубокіе, холодные, служащіе темницами и кладовыми. Что таково было двоякое назначеніе погребовъ и въ древности — видно изъ разныхъ памятниковъ, напр. изъ сказаній о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ и лѣтописей [3]). Дюкъ Степановичь о своихъ медовыхъ и винныхъ погребахъ разсказываетъ слѣдующими словами:

А меды сладкіе, водочки стоялыя
Повѣшены въ бочки сороковки
Въ погреба глубокіе на цѣпи на серебряны,
Туда подведены вѣтры буйные:
Какъ повѣютъ вѣтры буйные,
Пойдутъ воздухи по погребамъ,
Такъ загогочутъ бочки будто лебеди,
Будто лебеди на тихіихъ на заводяхъ;
Такъ вѣкъ не затхнутся напиточки сладкіе,
Чару пьешь, другую пить душа горитъ,
Другу пьешь, туетья съ ума нейдетъ.

(Р., I, 282).

---

[1]) Напр. *Пасынча Бесѣда* въ Пов. вр. л., П. С. Р. Л., т. I, 23, *кровати тисовыя* въ Словѣ о Плъку Игоревѣ, Р. Дост., т. III, 120, *перины* въ поученіи XII вѣка, Изв. II Отд., т. X, ст. 548, *соболиныя одѣяла* въ Словѣ Данила Заточеника, Изв. II Отд., т. X, 267. Стулу соотвѣтствуетъ *столецъ*, упоминаемый въ Ипат. л., П. С. Р. Л., т. II, 72.

[2]) П. С. Р. Л., т. I, 24.

[3]) См. Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, изд. Археологич. общ., ст. 30, 31; также П. С. Р. Л., т. I, 150.

Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ [1]) тоже упоминается медовый погребъ, «медуша», на княжескомъ дворѣ въ Бѣлгородѣ; въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1146 годомъ, говорится слѣдующее о дворѣ, который князь Игорь Ольговичь устроилъ въ своемъ «сельцѣ»: «бѣ же ту готовизни много въ бретьяницахъ и въ погребѣхъ вина и медове, и что тяжкого товара всякого до желѣза и до мѣди, (его побѣдители) не тягли бяхуть отъ множества всего того вывозити» [2]).

Общее названіе *пищи*—яства сахарныя; изъ числа ихъ упоминаются щи, каша (Р., I, 258), лебедь бѣлая, утка сѣрая, гусь, пироги, хлѣбъ, иногда въ видѣ ковригъ монастырскихъ (напр. К. Д., 190).

Въ числѣ питій, вообще называемыхъ хмѣльными, упомянуты меды сладкіе, стоялые, брага прѣсная (К. Д., 190), пиво пьяное, квасъ, зелено вино; употребляется вино, разведенное медомъ (Р., I, 148) для изготовленія и храненія яствъ и питій употребляются слѣдующіе *сосуды* серебряные, золотые, деревянные: блюда, мисы, чары, стопы, кубки, рюмы (Р., II, 42), чаши, ковши, братины, турьи рога, котлы, горшки, ведра, бочки, чаны.

Почти всѣ эти роды пищи, питій и столовой утвари извѣстны намъ изъ нашей древней литературы; такъ напр. упоминаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ находимъ въ одномъ русскомъ поученіи XII вѣка, заключающемъ въ себѣ слѣдующее описаніе роскошной обстановки богатыхъ пировъ: «на обѣдѣ же слоужьба бѣ многа. *сѫсоуди златѣмь сѫковани. и сребрѣмь*, брашно много и различно. тетеря. *гоуси*. жеравие. рыбї. голоуби. коури. заяци. ѥлени. вепреве. ди-

*) П. С. Р. Л. т. I, стр. 55.

**) П. С Р Л., т. II, 26. Ср. тамъ же, стр. 27 о кладовыхъ на Путивльскомъ дворѣ Святослава Ольговича.

чина. чамъри. търтове. печени. кръпаниıа. шемьлизи. пирове. пътъкы. множество сакачии. работаюче и дѣлающе съ потъмь. и мнози текоуще. и на пьрстѣхъ *блюда* носѧще. ини же махающе съ боѧзнию. *чашѣ срѣбрьнѣı великѣıѧ позлащенѣı. коубьци и котьли.* питиıе же многоıе. *медъ* и *квасъ. вино.* медъ чистыи. пъпьрѧнъıи» [1]). Бочки и ведра упоминаются въ Повѣсти временныхъ лѣтъ [2]), братины напоминаютъ медовыя бретьяницы князя Игоря (см. выше), а образецъ серебряныхъ позолоченыхъ чаръ XII вѣка даже сохранился до нашего времени [3]).

Одежда извѣстна въ былинахъ какъ подъ этимъ названіемъ, такъ и подъ древнимъ названіемъ портовъ. Кромѣ общей одежды упоминается особое платье богатырское, подъ которымъ повидимому должно разумѣть одежду воинскую, и дорожное платье каликъ перехожихъ. Изъ числа разнаго рода одежды упоминаются рубахи или сорочки, штаны, однорядки (Р.,I, 268), кафтаны, шубы различныхъ мѣховъ, епанчи, сарафаны, сояны, манатьи. Употребленіе этихъ частей одежды восходитъ къ древнѣйшему времени; о кафтанахъ и исподнемъ платьи упоминаетъ уже Ибнъ-Фоцланъ въ первой половинѣ X вѣка [4]), сорочки извѣстны по описанію одежды Святослава Игоревича у Льва Діакона [5]) и изъ рисунковъ въ Святослововомъ сборникѣ 1073 года, гдѣ изображены также и кафтаны, и древнія корзна, соотвѣтствующія епанчамъ въ былинахъ [6]).

[1]) Изв. II Отд. Акад. Наукъ, т. X, ст. 548.

[2]) П. С. Р. Л., т. I, 54, 55.

[3]) Зап. Археол. Общ. по Слав. Отд., т. III, 151 и слѣд.

[4]) *Frähn*, Ibn Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, стр. 15.

[5]) Исторія Льва Діакона, стр. 97.

[6]) См. *Висковатова*, Историческое описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ, стр. 7 и 8. Объ одеждѣ каликъ см. статью *Срезневскаго*: Русскіе калики древняго времени, въ Уч. Зап. Акад. Наукъ, 1862, т. I, кн. 2.

*

Отдѣлка одежды въ былинахъ не рѣдко великолѣпная такъ напр. у Чурилы и Дюка одежда драгоцѣнная:

Строчечка одна строчена чистымъ серебромъ,
Другая строчена краснымъ золотомъ.
(Р., I, 290).

Употребленіе золотого и серебрянаго шитья въ древности тоже засвидѣтельствовано вышеупомянутыми изображеніями Святославова сборника и подтверждается Лаврентьевскою и Ипатьевскою лѣтописью [1]).

Головные уборы, упоминаемые въ былинахъ, суть шляпы земли Греческой, употребляемыя преимущественно каликами, и шапки, какъ напр. шапка пушистая и завѣсистая у паленицы удалой, бьющейся съ Муромцемъ (Р., I, 66). Такого рода шапки тоже изображены на картинѣ Святославова сборника, а равно и на картинѣ Сильвестровскаго сборника XIV вѣка, представляющей Владиміра и Бориса [2]).

Способъ носить верхнюю одежду указанъ слѣдующими словами: Владиміръ

Кунью шубоньку накинулъ на одно плечо,
Шапочку соболью на одно ушко.
(Р., I, 60).

Эту привычку народную подмѣтилъ еще Ибнъ-Фоцланъ въ X вѣкѣ [3]).

Изъ обуви былины указываютъ на чулки, башмаки, лапотки, чеботы и сапоги, обыкновенно изъ зеленаго сафьяна. Лапти и сапоги извѣстны также по Повѣсти времен-

---

[1]) П. С. Р. Л., т. I, 118, II, 127.

[2]) См. копію съ этой картины въ вышеупомянутомъ изданіи Сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ, заимствованныхъ изъ этого сборника.

[3]) *Frähn* Ibn-Foszlan и т. д., стр. 5.

ныхъ лѣтъ [1]). Кромѣ того сапоги, и именно зеленаго цвѣта, видимъ на картинѣ Святославова сборника. Наконецъ въ былинахъ упоминаются пояса, сумки, подсумки (у каликъ); на рукахъ у женщинъ злачены перстни.

Для ѣзды служатъ сани и телѣги ордынскія. Сани, извѣстныя вообще по памятникамъ древности, употребляются по тогдашнему обычаю и для того, чтобы возить мертвыхъ (К. Д., 222) [2]). Телѣги ордынскія служатъ и для того, чтобы возить дани князя въ орду. Разсказъ Ипатьевской лѣтописи о нашествіи Татаръ на Кіевъ упоминаетъ уже о телѣгахъ въ обозахъ татарскихъ [3]).

Естественно, что при осѣдлости быта былины выставляютъ земледѣліе главнымъ занятіемъ массы народной; но такъ какъ простой классъ, составляющій эту массу, рѣдко упоминается въ былинахъ, то и о земледѣліи очень мало рѣчи. Торговля и военный промыселъ занимаютъ прочіе классы народа. Ниже мы скажемъ объ этомъ подробно.

Рядомъ съ занятіями изображаются и увеселенія народныя. Изъ числа ихъ былины упоминаютъ о пирахъ, состязаніяхъ, пѣніи и музыкѣ, охотѣ и игрѣ въ шахматы.

Пиры описываются преимущественно княжескіе:

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова, осударь, князя Владиміра
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ
На многи князи и бояра
И на русскіе могучіе богатыри
И гости богатые.

---

[1]) П. С. Р. Л., т. I, 36.

[2]) См. текстъ и древніе рисунки къ сказаніямъ о Борисѣ и Глѣбѣ.

[3]) П. С. Р. Л., т. II, 177.

Будетъ день въ половинѣ дня,
Будетъ пиръ во полу пирѣ, —
Князь и бояра пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются,
И великимъ княземъ похваляются.
(К. Д., 123).

Выше были уже приведены слова лѣтописей о пирахъ Владиміра Святославича и слова митрополита Никифора о пирахъ Мономаха. Въ лѣтописяхъ же есть упоминанія и о пирахъ многихъ другихъ князей съ дружиной, а иногда и всѣми горожанами [1]). На пирахъ князя присутствуютъ и женщины; упоминаются даже особые пиры у женщинъ и для женщинъ: у Марины (К. Д., 64), у Василисы Микуляшны (Р., II, 94). Упоминается о складчинѣ всѣхъ гостей для пира княжескаго (К. Д., 163). Тоже, кажется, должно разумѣть и въ слѣдующихъ словахъ Повѣсти временныхъ лѣтъ: когда, въ 1072 году Ярославичи собрались въ Кіевъ для перенесенія мощей Бориса и Глѣба, то въ день этого торжества, по совершеніи его, «обѣдаша братья на скупь, кождо съ бояры своими, съ любовью великою» [2]).

Былины указываютъ на различные поводы къ княжескимъ пирамъ: то новый подвигъ, совершенный кѣмъ нибудь изъ богатырей дружинниковъ (К. Д., 351), то чья нибудь свадьба (К. Д., 12), то пріѣздъ новаго дружинника (К. Д., 12).

На пирахъ княжескихъ нерѣдко происходятъ состязанія между дружинниками въ борьбѣ, въ стрѣльбѣ въ цѣль, въ конскомъ ристаніи; такъ состязались своими конями Дюкъ Степановичь и Чурила Пленковичь (Р., I и II). О подобныхъ же забавахъ упоминаетъ и Ипатьевская лѣтопись подъ 1150 годомъ: утвердившись въ Кіевѣ послѣ побѣды

---

[1]) См. *Погодина*, Изслѣдованія, т. VII, 458 и слѣд.
[2]) П. С. Р. Л., т. I, 78.

надъ Георгіемъ Долгорукимъ, «Изяславъ же отъ святоѣ Софьи поѣха, и съ братьею, на Ярославль дворъ, и Угры (его союзники) позва съ собою на обѣдъ, и Кіяны, и ту обѣдавъ съ ними на велицѣмъ дворѣ на Ярославли, и пребыша у велицѣ весельи; тогда же Угре на фарехъ и на скокахъ играхуть, на Ярославли дворѣ, многое множество» [1]).

О пѣніи и музыкѣ на пирахъ было уже отчасти говорено выше, и при томъ слова былинъ были сближены съ показаніями другихъ памятниковъ (стр. 32 и слѣд.); обычное мѣсто скомороховъ во время пира на печкѣ, на запечкѣ (Р., I, 156). За искусную игру князь награждаетъ скомороха тѣмъ, что пересаживаетъ его на болѣе почетное мѣсто, кормитъ и поитъ и даетъ золоту казну. Въ числѣ скоморошескихъ пѣсень былины упоминаютъ величанія князю и княгинѣ: это напоминаетъ «пѣснь славнѹ», пѣтую князьямъ галицкимъ Даніилу и Василію за ихъ побѣду надъ Ятвягами въ 1251 году [2]) и «похвалу велику», которую дали Андрею Боголюбскому дружинники его отца послѣ войны 1149 года [3]).

Кромѣ пировъ, немаловажною потѣхою какъ князей, такъ и другихъ лицъ служитъ охота: такъ на охотѣ повстрѣчали Владиміра калики перехожіе:

Подходятъ уже они подъ Кіевъ градъ,
Сверхъ тое рѣки Череги,
На его потѣшныхъ на островахъ,
У великаго князя Владиміра,
А и вышли они изъ раменья,
Встрѣчу имъ то Владиміръ князь,

---

[1]) П. С. Р. Л., т. II, 56.
[2]) П. С. Р. Л., т. II, 187.
[3]) П. С. Р. Л., т. I, 140.

Ѣздитъ онъ за охотою,
Стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ малыхъ уточекъ,
Лисицъ, зайцевъ всѣхъ поганиваетъ....
(К. Д., 227, 228).

Въ параллель съ этимъ описаніемъ Поученіе Мономаха и лѣтописи довольно подробно повѣствуютъ объ охотничьихъ похожденіяхъ нашихъ князей и ихъ страсти къ этой потѣхѣ. У Владиміра, по былинамъ, были свои займища (К. Д., 156), вѣроятно заповѣдныя, подобныя ловищамъ Ольги и тому лѣсу, въ которомъ Олегъ Святославичь повстрѣчалъ Люта, сына Свѣнельдова [1]). Дружинники въ былинахъ охотятся то по своей волѣ, то по приказу князя, который велитъ имъ настрѣлять птицъ для его княженецкаго стола (К. Д., 206).

Игра въ шахматы вальящаты довольно употребительна; дружинники играютъ въ нее преимущественно съ невѣрными царями, къ которымъ ихъ посылаетъ князь (К., II, 124).

Общее понятіе о семейной жизни въ былинахъ выражается словами: семью сводить, дѣтей наживать. (Р., I, 333). Семья состоитъ изъ мужа, жены и дѣтей; иногда при супругахъ живетъ кто нибудь изъ родни, такъ напр. при Владимірѣ его племянница Запава. Любопытно названіе племянницы ближнею (Р., I, 260), вполнѣ соотвѣтствующее названіямъ родственниковъ «ближьній, ближикъ» въ древнихъ памятникахъ [2]). При женатомъ сынѣ живетъ его вдовая мать. Родители для дѣтей — государь батюшка (Р.,

---

[1]) П. С. Р. Л., т. I, 25 и 31; ср. Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. 1847 г. № 5. Изслѣдованіе *Бѣляева* о Несторовой лѣтописи, стр. 32, 33.

[2]) См. Изв. Акад. Наукъ по II Отд., т. III, ст. 283.

I, 57), свѣтъ государыня матушка (К., II, 21). По родителямъ почетъ ихъ дѣтямъ: поэтому при встрѣчѣ съ незнакомцемъ, должно спросить у него отчину, родину, дѣдину (Р., I, 183). Дѣти относятся къ родителямъ съ глубокимъ уваженіемъ: сынъ, отъѣзжая изъ дому, проситъ родительскаго благословенія; старшее поколѣніе въ отношеніи къ младшему всегда сохраняетъ свое право быть наставникомъ: мать руководитъ своимъ сыномъ даже и взрослымъ; мать Добрыни блюдетъ за его нравственностью и не велитъ даже ходить въ ту улицу, гдѣ живетъ развратница Марина (К., II, 44); мать Соловья Будиміровича не позволяетъ ему жениться, пока онъ не расторгуется (К. Д., 6). Владиміръ слѣдующими словами отвѣчаетъ на желаніе Ермака ѣхать противъ враговъ:

«Любимый мой племничекъ,
«Младый ты Ермакъ Тимофеевичь!
«Ты малешенекъ-глупешенекъ,
«Отъ роду тебѣ вѣку двѣнадцать лѣтъ,
«Устрашишься ты, ужахнешься
«Силы войска татарскаго;
«Не дамъ тебѣ прощеньица-благословеньица
«Изъ города Кіева повыѣхать».

(Р., I, 116).

Родители вступаются за честь своихъ дѣтей; такъ оскорбленіе этой чести служитъ предлогомъ ссоры вдовы Блудовой и вдовы Чесовой.

Браки совершаются или по непосредственному соглашенію сочетающихся, или посредствомъ сватовства жениха у родителей невѣсты. Примѣромъ перваго можетъ быть женитьба Михайла Потока на Марьѣ Лебеди Бѣлой, Добрыни на Настасьѣ Никулишнѣ, Дуная на Настасьѣ Королевишнѣ. Примѣромъ второго служитъ сватовство гроз-

наго посла Василія за Запаву: Василій обращается съ просьбой къ ея отцу (по инымъ пересказамъ — къ дядѣ) Владиміру, и отецъ, прежде, чѣмъ дать отвѣтъ, думаетъ о томъ съ самой Запавой (Р., I, 247). Такъ и по Повѣсти временныхъ лѣтъ, когда Владиміръ сватается за Рогнѣду у ея отца, Рогволодъ отдаетъ дочери на рѣшеніе—выходить ли ей за мужъ за этого князя [1]). Въ былинахъ Запава выражаетъ свое согласіе слѣдующими словами:

«Родитель ты мой, дядюшка!
«А воля твоя то есть!»

(Р., II, 96, 97).

Иногда предложеніе дѣлается женихомъ не лично, но черезъ сватовъ; такъ князь посылаетъ Дуная своимъ сватомъ за Афросинью Королевшину. Точно такъ и въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, Владиміръ посылаетъ отроковъ своими сватами за Рогнѣду [2]). По былинамъ, Владиміръ самъ берется быть сватомъ Алеши передъ Настасьей Никулишной (Р., I, 132). Употребляются названія свата [3]), свахи, тысяцкаго и дружки (Р., I, 138, К., II, 8). Невѣста послѣ сватовства дѣлаетъ подарки свату, свахѣ и жениху (К., II, 15). Упоминается и обручный перстень (напр. Р., I, 169), и приданое въ смыслѣ имущества, передаваемаго отцемъ невѣсты жениху вмѣстѣ съ нею (П. и обр., 315); но древнее слово вѣно, имѣющее и это значеніе, и значеніе выкупа, не употребляется. Женихъ называется княземъ (Р., I, 167), невѣста — княжною порученою (Р., I, 168), молодая — княгинею.

Женитьба всегда предполагается въ молодые годы (К., I,

---

[1]) П. С. Р. Л., т. I, 32.

[2]) П. С. Р. Л. I, 32.

[3]) Это слово см. въ Ипат. лѣт., напр. подъ 1187 г., П. С. Р. т. II, 136, въ Словѣ о плъку Игоревѣ и проч.

21), согласно древнему обычаю, который видѣнъ изъ раннихъ браковъ нашихъ князей [1]).

Мужъ и жена называютъ другъ друга семья, семеюшка (Р., I, 134, 244). Кромѣ того жена даетъ мужу такія названія:

Мила ты моя ладушка [2]),
Крѣпкая сдержавушка, стѣна городовая!
(Р., I, 145).

Общее понятіе о женѣ выражается въ слѣдующихъ словахъ Дуная, который проситъ за князя Опраксу Королевичну:

Она ростомъ высока,
Станомъ она становитая,
И лицомъ она красовитая,
Походка у ней часта и рѣчь баска,
Будетъ тебѣ князю, съ кѣмъ жить да быть,
Дума думати, долгіе вѣки коротати,
И всѣмъ князьямъ, всѣмъ боярамъ,
Всѣмъ могучимъ богатырямъ
И всему красному городу Кіеву.
(Р., I, 179).

Отношенія мужа къ женѣ, власть надъ нею — чисто нравственная: отъѣзжая въ долгій путь, Добрыня поручаетъ Настасью своей матери (П. и обр., 87) или же самъ даетъ такой наказъ:

Жди меня, Настасья, шесть лѣтъ;
А если бо не дождешься въ шесть лѣтъ,
То жди меня въ двѣнадцать лѣтъ;
Коли пройдетъ шесть лѣтъ,

---

[1]) См. *Погодина*, Изслѣд., т. VII, 455.

[2]) Слово *лада* встрѣчается и въ Словѣ о полку Игоревѣ, см. Р. Д., т. III, 318.

Хоть за князя поди, хоть за боярина,
Не ходи только за брата названаго,
За молода Алешу Поповича.

(К. Д., 197).

Мужъ, оскорбленный женою, казнитъ ее смертью. Вообще, смыслъ этихъ супружескихъ отношеній напоминаетъ слова Мономаха въ его Поученіи дѣтямъ: «жену же свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти» [1]), или одну изъ притчъ, приводимыхъ Даниломъ Заточеникомъ: «не мужъ въ мужехъ, коимъ своя жена обладаетъ» [2]).

Общее понятіе о женитьбѣ былины выражаютъ такъ:

Всякъ то на семъ свѣтѣ женится,
А не всякому женитьба издавается.

(Р., II, 20).

Нравственное различіе въ отношеніяхъ мужа къ женѣ и къ родителямъ выражается тѣмъ, что на пиру

Умный-разумный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
Старымъ батюшкомъ да старой матушкой,
Безумный дуракъ хвастаетъ молодой женой.

(Р., II, 93).

Отношенія Владиміра къ Запавѣ, а также отношенія Дюка и Добрыни къ ихъ матерямъ указываютъ на самостоятельное положеніе женскихъ лицъ въ семьѣ. Это видно и изъ того, что жена представляется какъ полная хозяйка въ домѣ. Такъ княгиня Опраксія, наравнѣ съ Владиміромъ, принимаетъ гостей на пирахъ, подчуетъ ихъ (Р., I, 144), содержитъ особую дружину (К. Д., 138): такъ и по сагѣ Олафа Тригвасона, у жены Владиміра были свои придворные стражи, которыхъ она содержала на свой счетъ, со-

---

[1]) П. С. Р. Л., т. I, 102.

[2]) Изв. II Отд. Ак. Н., т. X, 270.

перничая съ мужемъ въ ихъ количествѣ [1]); по разсказу Константина Порфиророднаго, почетная стража сопровождала Ольгу въ Царьградъ [2]). У холостаго богатыря, каковъ Дюкъ Степановичь, мать держитъ все домашнее хозяйство; такъ и Ольга, по смерти Игоря и даже послѣ Святославова совершеннолѣтія, не будучи самоправною княгиней, имѣла власть правительницы. Въ былинахъ даже у женатаго Добрыни домашнее хозяйство на рукахъ старой матери, а не молодой жены. Жены дружинниковъ вмѣстѣ съ мужьями бываютъ на княжескихъ пирахъ и сами устроиваютъ пиры, на которыхъ собираются, однѣ женщины.

Высшая власть государственная имѣетъ своего представителя въ лицѣ великаго князя. Былины знаютъ одного великаго князя стольно - кіевскаго — Владиміра (иногда Всеславича), котораго называютъ сударемъ, государемъ, батюшкой, ласковымъ, краснымъ солнышкомъ. Ему подчинены князья подколѣнные (Р., I, 58, 109), дружина и весь остальной народъ. Значеніе князей подколѣнныхъ, а также дань или другой какой нибудь образъ подчиненія не указаны; упоминается только дань князю отъ народовъ иноплеменныхъ; князь посылаетъ своихъ дружинниковъ чтобы выхаживать ее, т. е. собирать; такъ Илья беретъ дань съ Литвы (Р., I, 73) и съ Золотой Орды (тамъ же, 228), Добрыня со Шведовъ (тамъ же). Подобно тому и изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, подъ 1071 годомъ, видно, что воевода Янъ, сынъ Вышатинъ, собиралъ дань на князя въ Бѣлозерскомъ краѣ [3]). Самое названіе даней въ былинахъ

---

[1]) Antiquités Russes, t. I, 279.

[2]) Изв. Визант. истр. собр. *Стриттеромъ*, т. III, 53.

[3]) П. С. Р. Л., т. I, 85.

данями—*выходами* и собиранія ихъ *выхаживаніемъ* поясняетъ употребленіе словъ *выходъ* и *ходить* грамотами и лѣтописями въ томъ же смыслѣ [1]).

Въ нѣкоторыхъ былинахъ упоминается о томъ, что самъ великій князь долженъ платить дань въ Орду; такъ напр., по его порученію, Василій Казиміровичь и Добрыня Никитичь отвозятъ къ Батыю

дани пошлины,
Всѣ выходы княженецкіе.
(П. и обр., 113).

Князь — домосѣдъ; самъ онъ не ходитъ на войну, но посылаетъ своихъ богатырей дружинниковъ съ княженецкую ратью (напр. П. и обр., 257). Изображеніе князя домосѣдомъ, непринимающимъ личнаго участія въ войнахъ, можетъ показаться противурѣчіемъ историческимъ показаніямъ; но должно замѣтить, что былины вообще умалчиваютъ о междоусобіяхъ между князьями, а по лѣтописямъ, именно удѣльныя распри и были главными причинами княжескихъ переѣздовъ и войнъ.

Князь совѣщается, думаетъ со своей дружиною:

Какъ во славномъ было городѣ Кіевѣ,
У ласкова князя Владиміра
Собиралися князья и бояре
И сильные могучіе богатыри,
Собиралися думушку думати.
(П. и обр., 145).

---

[1]) Примѣры изъ лѣтописей см. у *Погодина*, Изслѣд., т. VII, 24, 25. Слово *выходъ* въ значеніи дани встрѣчается и въ грамотахъ, напр. догов. гр. в. кн. Дмитр. Ив. съ в. к. Тверскимъ Михаиломъ Яросл. 1375 г.: «ни выходомъ не надобѣ тобѣ ко Тфери Кашину тянути»; см. еще догов. гр. в. кн. Василія Дм. съ кн. Владиміромъ Андр. 1389 г.

Тоже свидѣтельствуютъ и лѣтописи. По былинамъ, на такихъ думахъ рѣшаются походы, женитьба князя (К., III, 70), отдача за мужъ княжеской племянницы (Р., II, 97). Передъ дружиной князь принимаетъ иноплеменныхъ пословъ, и ей передаетъ ярлыки, ими привезенные (К., IV, 40). Когда князь обращается къ дружинѣ съ рѣчью, то

Всѣ другъ за друга хоронятся:
Большой князь хоронится за средняго,
А середній хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго и отвѣта нѣтъ.

(К., III, 53).

Сидятъ, бороды свои уставивъ, и ничего не отвѣчаютъ.

Поэтому дружина вообще съ опаскою противорѣчитъ князю; иногда однако дружинники обращаются къ нему съ очень рѣзкими словами и даже сгоряча называютъ его дурнемъ (напр. Р., I, 52). Если въ свою очередь дружинникъ провинится передъ княземъ, послѣдній приказываетъ его казнить: Илью сажаютъ въ погребъ глубокій (П. и обр., 83), Мишатычку Путятина бросаютъ въ котелъ смолы (П. и обр., 86). Вообще князь — судья своей дружины. Тѣмъ не менѣе князь дорожитъ своей дружиной, и конечно она дала ему прозванье ласковаго. Съ нею дѣлитъ князь свои увеселенія: угощаетъ ее постоянными пирами въ своей гридницѣ столовой, съ нею охотится, любуется состязаніями дружинниковъ въ борьбѣ, конскомъ ристаніи и проч.

Князь изъ разныхъ мѣстъ, отовсюду набираетъ себѣ дружину: въ дружинѣ Владиміра есть и Муромецъ, и Ростовецъ, и Рязанецъ, и Галичанинъ, и наконецъ иностранцы. Такъ и по свидѣтельству Повѣсти временныхъ лѣтъ, отовсюду собирали дружину Святославъ Игоревичъ и Владиміръ Святославичъ [1]); въ дружинѣ послѣдняго и дружинѣ Ярослава были Варяги, въ дружинахъ князей позднѣйшихъ

[1]) П. С. Р. Л., т. I, 27, 33, 34.

Половцы, Ляхи, Торки [1]). Въ сагѣ объ Олафѣ Тригвасонѣ встрѣчаемъ извѣстіе, что если къ Владиміру являлся новый пришелецъ, то и онъ, и княгиня старались привлечь его въ свою дружину [2]); по былинамъ, когда новый витязь приходитъ къ князю—обыкновенно во время пира—князь встрѣчаетъ его ласковою рѣчью:

Гой еси удача, добрый молодецъ?
Отколь пріѣхалъ, отколь тебѣ Богъ принесъ?
Еще какъ тебя, молодца, именемъ зовутъ?
А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
По изотчеству можно пожаловати.
(К. Д., 205).

Узнавши имя, отчество и происхожденіе новопріѣзжаго, князь говоритъ:

По отчеству садись въ большее мѣсто, въ передній уголокъ,
Въ другое мѣсто богатырское
Въ дубову скамью противъ меня,
Въ третье мѣсто, куда самъ захошь....
(К. Д., 187).

Князь самъ зоветъ къ себѣ на службу Чурилу Пленковича:

Гой еси, Чурила Пленковичь!
Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить,
Подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить,
Князю служить.
(К. Д., 163).

Князь заманиваетъ къ себѣ дружинниковъ подарками:

На пріѣздѣ васъ жалую по добру коню,
По добру коню, по латынскому, по богатырскому.
(П. и обр., 118).

---

[1]) См. *Погодина*, Изслѣдованія, т. VII, 124 и 125.

[2]) Antiquités Russes, t. I, 279.

Такіе подарки князя не прекращаются и во время службы:

Стану я васъ дарити, жаловать,
Кого буду дарить чистымъ серебромъ,
Кого буду дарить краснымъ золотомъ,
Кого жаловать скатнымъ жемчугомъ?
(П. и обр., 306).

Эти подарки служатъ посуломъ или наградой за подвиги дружины: Владиміръ, посылая Дуная сватомъ къ Опраксіи, говоритъ ему:

Ой же ты, Дунай да сынъ Ивановичь!
Бери-тко ты, Дунай, да что тѣ надобно,
Города тѣ нать-ли съ пригородами,
Или села ли тѣ нать да съ приселками,
Али мнова тобѣ надоть золота казна.
(П. и обр., 374).

Такъ и въ Повѣсти временныхъ лѣтъ говорится подъ 980 годомъ, что Владиміръ роздалъ города Варягамъ, пришедшимъ въ его дружину [1]), а подъ 1036 лѣтописецъ замѣчаетъ, что Мстиславъ Владиміровичь «любяше дружину повелику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья не браняше» [2]). Такія показанія нерѣдко встрѣчаемъ и о другихъ князьяхъ.

Богатый и ласковый князь славится своимъ счастьемъ (Р., I., 120). Добрая молва о немъ и въ чужой землѣ: когда кіевскій князь присылаетъ Дуная къ королю Ляховинскому сватомъ за его дочь, король говоритъ:

«За Владиміра можно дѣвка отдавать,
«Хорошій женихъ—во славѣ, во почести».
(К., III, 55).

Изъ словъ Мономаха мы видѣли, что хорошій князь долженъ дорожить своей извѣстностью.

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 34.
[2]) П. О. Р. Л. т. I, 65.

Вообще былины съ сочувствіемъ изображаютъ князя, но тѣмъ не менѣе вполнѣ обнаруживаютъ его дурныя свойства: онъ пугается появленія враговъ подъ Кіевомъ (К. Д., 50), за веселой чашей не слушаетъ челобитья своихъ людей (К. Д., 157), зарится на чужую жену и хочетъ отнять ее у мужа по праву сильнаго (П. и обр., 83). Указанія на эти княжескіе пороки не рѣдко встрѣчаются и въ лѣтописяхъ; такъ напр. въ 1135 году, послѣ побѣды Суздальцевъ и Ростовцевъ надъ Новгородцами на Ждановой горѣ, послѣдніе возвратились въ свой городъ и князь ихъ Всеволодъ Мстиславичь «умысли бѣжати въ Нѣмцы». Но Новгородцы задержали его, посадили подъ стражу, «а се вины его творяху: почто не блюде черныхъ людей, почто восхотѣ сѣсти въ Переславли, почто восхотѣ ити на Суждальцы и Ростовцы, и пошедъ, почто не крѣпко бися, и почто напередъ всѣхъ побежалъ, и почто возлюби играти и утешатися, а людей не управляше, и почто ястребовъ и собакъ собра, а людей не судяше, и не управляше,» и проч. [1]). Эти обвиненія противъ Всеволода тѣмъ особенно замѣчательны, что въ нихъ выражаются чисто народныя требованія отъ князя. Но самымъ большимъ порокомъ князя былины считаютъ то, что онъ пренебрегаетъ укоромъ правдиваго дружинника и напротивъ того слушаетъ клевету и навѣты боярскіе, жертвою которыхъ выставляются лучшіе изъ приближенныхъ князя (П. и обр., 82, 306, К. Д., 124 и проч.) Эта слабость къ наушничеству издревле служила предметомъ обвиненій для князей. Такъ напримѣръ митрополитъ Никифоръ укорялъ ею Мономаха: «мнить же

---

[1]) Никоновская лѣтопись, П. С. Р. Л., т. IX, 159. Сравн. П. С. Р. Л., т. III, Новгородская первая лѣтопись, стр. 7.

ми ся, яко не мога самъ вся творити ѡчима своима ѡт слоужащихъ ѡроудіемъ твоимъ и приносящимъ ти въспоминаніа, тѡ ѡт тѣхъ нѣкако приходить ти пакѡсть доушевнаа, и ѡтвръстоу соущоу слоухоу, тѣмъ единѣмъ стрѣла входить ти: тогѡ ради Солѡмонъ повелѣваеть намъ глаголя: блюдѣте, да не смерть внидеть ѡконци вашими»[1]). Подобно тому и въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, подъ 1093 годомъ, говорится, что Всеволодъ Ярославичь «нача любити смыслъ уныхъ, съвѣтъ створя съ ними; си же начаша заводити и негодовати дружины своея первыя, и людемъ не доходити княже правды, начаша тіуни грабити, люди продавати, сему не вѣдущю въ болѣзняхъ своихъ»[2]). Наконецъ на наушничество князю указываютъ и слѣдующія слова Данила Заточеника, представляющія общую характеристику князя и его приближенныхъ: «князь не самъ впадаетъ въ вещь (злоую), но доумцы вводятъ. Съ добрымъ бо доумцею доумая князь высокого стола додоумаетъ, а съ лихими доумцами доумаетъ. и малаго лишенъ будетъ»[3]).

Лица, ближайшія къ князю и составляющія его дружину наборную, хоробрую, суть князья и бояре, богатыри и поляницы; князья и бояре иногда получаютъ общее названіе князей-бояръ (К. Д., 54, К., III, 28), которое встрѣчается еще въ договорахъ съ Греками; впрочемъ въ былинахъ всѣ эти названія употребляются смѣшанно; видно только, что подъ ними разумѣются люди одного слоя общества, преимущественно военные; по лѣтописямъ, эти члены княжеской дружины называются также *боярами* или въ болѣе общемъ смыслѣ *мужами*. Того различія, которое замѣчается

---

[1]) Р. Д., т. I, стр. 71 и 72.

[2]) П. С. Р. Л., т. I, 93.

[3]) Изв. II Отд. Ак. Н., т. X, 270.

*

въ лѣтописяхъ между дружиною старшею и младшею, въ былинахъ не видно; тѣмъ не менѣе при нѣкоторыхъ дружинникахъ, очевидно принадлежащихъ къ разряду старшихъ, упоминаются товарищи младшіе; такъ напр. при Дунаѣ Василій паробокъ Заморскій; вотъ какъ былина опредѣляетъ его обязанности:

Ему Васильюшку коней сѣдлать,
Ему Васильюшку разсѣдлывать,
Плети подавать, плети принимать.
(Р., I, 188).

Названіе паробка и по своему значенію можетъ быть сближено съ названіями *отрока* и *дѣтскаго*, которыми называются младшіе дружинники въ древнихъ памятникахъ. Упоминанія послѣднихъ объ отрокахъ указываютъ, что они составляли ближайшую прислугу княжескую; таковы же обязанности и Василія паробка только не въ отношеніи къ князю, а къ его послу, дружиннику богатырю [1]).

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины о Дюкѣ Степановичѣ онъ называется боярскимъ или княженецкимъ сыномъ (Р., I, 283 II, 137); въ одной былинѣ у Кир. IV, 8, упоминается Гришка боярскій сынъ. Названіе *дѣтей боярскихъ* входитъ въ употребленіе въ XIV вѣкѣ (*Соловьева* Исторія Россіи, т. IV, 219), означая одинъ изъ младшихъ отдѣловъ княжеской дружины и самымъ смысломъ своимъ указывая на свое происхожденіе. Но уже подъ 1149 годомъ оно встрѣчается въ Ипатьевской лѣтописи « пасаше Болеславъ сыны боярскы мечемъ многи » (П. С. Р. Л., т. II, 6). Погодинъ (Изслѣдованія, т. VII, 91) полагаетъ, что здѣсь должно разумѣть именно сыновей бояръ, а не дѣтей боярскихъ, какъ сословіе. Тотъ же смыслъ можно придать и прозвищу Дюка, такъ какъ въ иныхъ пересказахъ онъ прямо называется молодымъ бояриномъ. Изрѣдка въ былинахъ Владимірова цикла встрѣчается названія *дворянинъ* (напр. Памятники стар. литер. изд. подъ редакціею Костомарова, стр. 311), придаваемое тоже членамъ княжеской дружины; оно же является подъ

По былинамъ, дружина постоянно набирается, пополняется, и доступъ въ нее открытъ для всякаго, отличившагося какимъ нибудь подвигомъ, будь онъ и не изъ бояръ. Изъ разсказа Повѣсти временныхъ лѣтъ о Янѣ Усмошвецѣ и его отцѣ видимъ тоже самое: они были возвышены въ великіе мужи изъ низкаго званія за свои личныя заслуги [1]).

Мы видѣли уже, что, по былинамъ, дружинники—и думцы князя, и постоянные его товарищи; что они получаютъ отъ князя земли, города съ пригородками, села съ приселками, золотую казну (Р., I, 197), одежду (К. Д., 97, Р., I, 202), коней (К., III, 10). Упомянуты были и лѣтописныя свидѣтельства, подтверждающія эти показанія. По былинамъ, такія выдачи случаются преимущественно въ то время, когда князь даетъ дружиннику какую нибудь службу или порученіе.

Кромѣ военныхъ обязанностей, дружинники исполняютъ еще слѣдующія: они собираютъ дань, дѣлаютъ для князя закупки (К., II, 93), охотятся для князя, служатъ у него при дворѣ, наконецъ пословничаютъ, т. е. ѣздятъ послами въ чужія земли, и это считается дѣломъ очень почетнымъ. Изъ должностей придворныхъ (и въ то же время отчасти хозяйственныхъ) упоминаются слѣдующія: позовщикъ (Р., I, 266, К. Д., 163, 164), приворотникъ (Р., I, 172), чашникъ (Р., I, 180) кравчій (К., II, 7), стольникъ (Р., 180), постельникъ (Р., I, 266), ключникъ, конюхъ (Р., I, 180),

---

1175 годомъ въ Лаврентьевской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. I, 157); Ср. *дворъ* въ собирательномъ смыслѣ въ Новгород. I-й лѣт. подъ 1192 годомъ (П. С. Р. Л., т. III, 20).

[1]) П. С. Р. Л., т. I, 53.

курятникъ (Р., I, 265). Значеніе ихъ по большей части объясняется изъ самыхъ названій; подъ позовщикомъ разумѣется дружинникъ, котораго князь посылаетъ

Князей и бояръ звать въ гости къ себѣ,
А зватаго приказалъ брать со всякаго по десяти рублевъ.

(К. Д., 163).

Нѣкоторыя изъ этихъ должностей извѣстны и по лѣтописямъ XI — XIV вѣковъ [1]).

У дружинниковъ княжескихъ въ свою очередь есть свои дружины; такія дружины упоминаются у Добрыни (К. Д., 346), у Ивана Годиновича (К. Д., 161) и проч. Такъ и по Повѣсти временныхъ лѣтъ, была своя дружина (отроки) у Свѣнельда [2]). Въ сопровожденіи этихъ людей дружинники охотятся (К. Д., 139), гуляютъ (К. Д., 346) и пр. Къ числу ихъ вѣроятно принадлежитъ и домашняя прислуга дружинниковъ (упоминаемая напр. у Р., I, 133 и слѣд.).

Внутренніе интересы дружины не забыты былинами: содержимые и обогащаемые княземъ дружинники на его пирахъ хвалятся и имъ самимъ, и тѣми богатствами, которыми онъ ихъ одаряетъ. По богатству опредѣляется и та степень почета, которой достоинъ дружинникъ. Поэтому Чурила Пленковичь, завидуя богатству Дюка, старается унизить его передъ княземъ и называетъ его холопиной дво-

---

[1]) *Стольникъ* упоминается подъ 1194 г. въ Лавр. лѣт. (П. С. Р. Л., т. I, 194), *ключникъ* подъ 1154 г. въ Ипат. лѣт. (П. С. Р. Л., т. II, 75); *конюхъ* въ Пов. вр. л. подъ 1097 г. (П. С. Р. Л., т. I, 111 и слѣд.); должности постельника вѣроятно долженъ соотвѣтствовать *подкладникъ* — названіе, которое встрѣчается въ этомъ смыслѣ подъ 1168 г. въ Ипат. лѣт. (П. С. Р. Л., т. II, 95).

[2]) П. С. Р. Л., т. I, 23.

рянскою (Р., I, 284). Подобно тому, когда мать Хотена Блудовича сватаетъ сына за дочь вдовы Чесовой, послѣдняя отвѣчаетъ ей:

А сынище то твой уродище:
Онъ ходитъ по городу—уродуетъ,
Ищетъ-то упалаго зернышка,
А чѣмъ бы ему голова пропитать.
(Р. I, 256).

И слово Данила Заточеника подтверждаетъ, что въ его время было уже въ обычаѣ жениться «оу богата (тестя) чести дѣля великіе» [1]).

Значительнѣйшій послѣ дружины классъ народа составляютъ купцы или гости богатые; они выставляются сословіемъ очень почтеннымъ: они на ряду съ дружиной пируютъ у князя; изъ ихъ семей дружинники, напр. Иванъ Гадиновичь, берутъ себѣ женъ. Такое значеніе торговаго сословія вполнѣ подтверждается многими свидѣтельствами древности, изъ которыхъ видно, что гости вмѣстѣ съ дружиной составляли два главные преобладающіе класса древне-русскаго общества. Остальные классы народа суть люди духовнаго званія, попы и поповичи, и простолюдины въ городахъ и селахъ, являющіеся подъ названіями черныхъ мужиковъ и крестьянъ (К., III, 10, 11). Этотъ классъ очевидно соотвѣтствуетъ *смердамъ* древнихъ лѣтописей [2]). Наконецъ упоминаются и рабы, подъ названіемъ *холопей*

---

[1]) Изв. II Отд. Акад. Наукъ, т. X. X, 270.

[2]) Впрочемъ уже въ XII вѣкѣ появляется названіе черныхъ людей (см. *Соловьева* Исторія Россіи, т. III, 2). Названіе крестьянъ для сельскаго населенія появляется въ концѣ XIV вѣка, см. уставную грамоту митрополита Кипріяна, Константиновскому монастырю, 1391 г. (Акты Археогр. Эксп., т. I, № 11).

(напр. холопина дворянская у Р., I, 284): станишники разбойники, которыхъ напугалъ Илья, говорятъ ему:

«Возьми ты насъ въ холопство вѣковѣчное,
«Дадимъ рукописанье служить до вѣку.
(К. Д., 420).

Названіе и общественное положеніе холопей извѣстно уже изъ Русской Правды. Кромѣ того въ одной былинѣ о Чурилѣ Пленковичѣ (Р., I, 269 и слѣд.) встрѣчается названіе *дѣвка целяднича*. Челядью рабы называются вообще въ древнихъ памятникахъ.

Былины, изображая военные обычаи Руси, ставятъ значительное различіе между княжеской дружиной и войскомъ, которое называютъ, согласно древнему употребленію, *полкомъ* (Р., I, 259) или *ратью* сильною княженецкою (П. и обр., 258). Во главѣ его предполагается кто нибудь изъ дружинниковъ (П. и обр., 258). Такъ и по лѣтописямъ различаются дружина и вои, и воеводою послѣднихъ выставляется кто нибудь изъ принадлежащихъ къ дружинѣ князя.

О составѣ, вооруженіи и военныхъ дѣйствіяхъ рати былины умалчиваютъ, но зато онѣ съ подробностью повѣствуютъ о военныхъ обычаяхъ дружины. Какъ въ былинахъ описывается составъ и наборъ ея—говорено было выше. Главная боевая сила ея—сильные могучіе богатыри и паленицы удалыя. Подъ этимъ названіемъ былины разумѣютъ лучшихъ представителей княжеской дружины, обладающихъ чрезвычайною силою физическою и различными воинскими доблестями, какъ-то: безстрашіемъ, храбростью, смѣлостью, стойкостью. Они не только сражаются въ главѣ прочихъ воиновъ, но еще выѣзжаютъ на враговъ по одиночкѣ, или по двое, по трое; кромѣ того, соединяясь небольшими отря-

дами, они стоятъ на заставахъ и охраняютъ Кіевъ отъ вражескаго нашествія. Такое значеніе богатырей въ военномъ быту древней Руси не лишено историческихъ основаній: въ древности былъ обычай рѣшать битву единоборствомъ, и естественно, что для этого выбирался сильнѣйшій и храбрѣйшій воинъ, таковъ и былъ Янъ Усмошвецъ, поборовшій печенѣжскаго великана: въ древнѣйшей лѣтописи онъ служитъ представителемъ того рода военныхъ людей, которыхъ былины называютъ богатырями, хотя и не носитъ этого названія; въ лѣтописяхъ позднѣйшихъ, слова которыхъ приведены нами выше, онъ называется богатыремъ такъ же, какъ и нѣкоторыя другія лица; изъ числа ихъ особенно замѣчателенъ Демьянъ Куденевичь, о которомъ встрѣчаемъ въ Никоновской лѣтописи подъ 1148 годомъ разсказъ довольно подробный и имѣющій всѣ признаки достовѣрности; изъ этого разсказа видно, что Демьянъ, жившій въ Переяславлѣ южномъ, у князя Мстислава Изяславича, подобно богатырямъ былинъ, выѣзжалъ противъ враждебныхъ войскъ одинъ или въ сопровожденіи нѣсколькихъ отроковъ и успѣшно съ ними бился. О подвигахъ отдѣльныхъ лицъ, храбрецовъ, въ разныхъ битвахъ также есть лѣтописныя упоминанія [1]). Все это даетъ поводъ думать, что богатыри, какъ особый разрядъ военныхъ людей, могли существовать въ дѣйствительности; ихъ то лица, конечно идеализированныя, и вошли въ былины. Оставляя въ сторонѣ идеальную сторону въ лицѣ богатырей, возвращаемся къ обозрѣнію военныхъ обычаевъ Руси, на сколько они выразились въ дѣятельности богатырей дружинниковъ.

Богатыри носятъ на себѣ доспѣхи крѣпкіе, въ составъ которыхъ входятъ шеломъ и броня, называемая кольчугою

[1]) Напр. о шести храбрыхъ въ Невской битвѣ 1241 года, см. П. С. Р. Л., т. I, 206.

или латами кольчужными, панцыремъ, куякомъ. Оружіе ихъ: чингалища булатныя, мечи, сабли вострыя, копья, палицы желѣзныя, рогатины, тугой лукъ, хранимый въ налушнѣ, и каленыя стрѣлы въ колчанѣ. Употребленіе въ древности этихъ частей военной одежды и оружія общеизвѣстно; впрочемъ должно замѣтить, что названія разныхъ родовъ брони панцырями и куяками не засвидѣтельствовано древнѣйшими памятниками; о броняхъ кольчужныхъ упоминаетъ уже Левъ Дьяконъ, въ X вѣкѣ[1]); о палицахъ говорится въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1114 годомъ[2]), о рогатинахъ въ Лаврентьевской подъ 1149 годомъ[3]).

Богатыри всегда ѣздятъ на коняхъ: собираясь въ путь, богатырь

Идетъ на конюшенку стоялую,
Беретъ онъ своего добраго коня,
Сѣдлалъ бурка въ сѣдло черкасское,
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатую клалъ ради крѣпости,
Чтобы добрый конь съ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ добра коня не вырутилъ.
Подпруги были шелковыя,
Пряжки у сѣдла красна золота,
Шпенки у подпруговъ все булатные:
Тутъ шелкъ не рвется и булатъ не трется,
Красно золото не ржавнетъ,
Молодецъ на конѣ сидитъ — не стариетъ.
(Р., I, 122).

Въ дополненіе къ этому описанію конской сбруи должно присоединить стремена булатныя и потники. Въ томъ же

---

[1]) *Погодина*, Изслѣдованія, т. III, 240.

[2]) П. С. Р. Л., т. II, 5.

[3]) П. С. Р. Л., т. I, 140, о рогатинѣ см. *Висковатова*, Историч. опис. вооруж. росс. войскъ, т. I, 66.

видѣ конская сбруя изображена на рисункахъ сказаній о св. Борисѣ и Глѣбѣ и представляется по лѣтописямъ; только въ послѣднихъ потники называются *подкладомъ* [1]). Чтобы погонять коня богатырь употребляетъ плеточку шелковую, которою

Онъ бьетъ бурка промежду ноги,
Промежду ноги между заднія.

(Р., I, 126).

Когда нужно стрѣлять, богатырь вынимаетъ

Изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Калену стрѣлу въ правую,
Накладываетъ на тетивочку шелковую,
Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей,
Заскрипѣли полосы булатныя,
И завыли рога у туга лука....

(К. Д., 217).

Богатыри ѣздятъ въ поле чистое, какъ на прогулку или на охоту; это называется поѣздкой богатырскою. Иногда богатыря сопровождаетъ его дружина (К., II, 50), или товарищъ въ родѣ оруженосца, какъ Екимъ Ивановичь при Алешѣ (К. Д., 180 и слѣд.) и Дунаѣ (К., III, 72).

Во время такихъ поѣздокъ богатыри иногда располагаются на отдыхъ:

Становились витязи на распутіи,
Разбивали бѣлъ-полотнянъ шатеръ,
Отпускали коней по шелковой травѣ-муравѣ,

---

[1]) См. напр. П. С. Р. Л., т. I, стр. 27.

Зелену траву пощипываютъ,
Золотой уздечкой побрякиваютъ,
А въ шатрѣ полотняномъ витязи
Опочивъ держатъ.

(К., III, 109).

Шатры издревле извѣстны въ военномъ обиходѣ Русскихъ: о нихъ упоминаетъ Повѣсть временныхъ лѣтъ, описывая походные обычаи Святослава, при чемъ рѣдкостью считаетъ неупотребленіе имъ шатровъ [1]).

На восходѣ краснаго солнца богатырь умывается студеной водой или росою, утирается тонкимъ полотенцомъ, молится чудну образу и потомъ ѣдетъ дальше въ путь (К., II., 71, IV, 109). Если во время дороги богатырю приходится переправляться черезъ топкое мѣсто или рѣку, онъ моститъ мостъ; такъ про Илью Муромца говорится:

Скоро спущался онъ съ добра коня,
Рукой онъ коня повелъ,
А другой началъ мосты мостить,
Тыи мосточки калиновы.

(Р., I, 47).

По лѣтописямъ извѣстно, что тоже приходилось дѣлать и цѣлымъ войскамъ: такъ напр., собираясь въ походъ противъ Ярослава, Владиміръ сказалъ своимъ людямъ: «требите путь и мостите мостъ» [2]).

При встрѣчѣ съ врагомъ въ полѣ чистомъ первая обязанность богатыря распросить его

о дѣдинѣ, отчинѣ,
И чей такой добрый молодецъ? —
Царь ли царевичь,

---

[1]) П. С. Р. Л., т. 21, 7.
[2]) П. С. Р. Л., т. I, 54.

Король ли королевичь,
Или русскій могучій богатырь?
Если русскій могучій богатырь,—то побрататься,
А невѣрный—поразвѣдаться.

(К., I, 8).

Въ виду противника, какъ бы вызывая его на бой, богатырь

Мечетъ острое копье подъ вышину небесную,
На конѣ подъѣзжаетъ и подхватываетъ,
Легко копьемъ поворачиваетъ...

(К., IV, 13).

Такъ и Левъ Діаконъ повѣствуетъ, что во время одной схватки Русскихъ съ Греками вождь русскій «выѣхалъ на средину мѣста, раздѣлявшаго оба (враждебные) отряда и, махая длиннымъ копьемъ, началъ вызывать Грековъ на единоборство»[1]). Передъ борьбой богатырь творитъ молитву (К., II, 78). Самая борьба происходитъ слѣдующимъ образомъ: сперва враги съѣзжаются на коняхъ и бьются палицами желѣзными, потомъ колятся копьями мурзамецкими, потомъ ударяются саблями острыми широкими. Если ни одинъ противникъ не уступаетъ, то оба сходятъ съ коней, хватаются за руки и бьются рукопашкою, пока одинъ не сронитъ другого на земь; тогда побѣдитель садится побѣжденному на грудь, и если противники при первой встрѣчѣ не сказались одинъ другому, кто они такіе, то теперь побѣдитель спрашиваетъ побѣжденнаго:

«Коего, молодецъ, города, которой земли,
«Какъ молодца именемъ зовутъ,
«Какъ молодца по отцѣ чествуютъ?»

Наконецъ торжествующій поретъ противнику груди бѣ-

---

[1]) *А. Черткова* Описаніе войны великаго князя Святослава Игоревича противъ Болгаръ и Грековъ въ 967—974 годахъ, стр. 45.

лыя, чтобы вынуть ретивое сердце, да и съ печенью, рубить ему буйную голову, втыкаетъ ее на копье булатное (К., I, 51), а тѣло его разрываетъ на полы (см. былины о борьбѣ Ильи Муромца съ сыномъ).

Подобные случаи единоборства, съ одинаковыми пріемами, встрѣчаются и въ началѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ; такъ и о борьбѣ Мстислава Тьмутороканскаго съ Редедею Касожскимъ говорится: «И ястася бороти крѣпко, и надолзѣ борющемася има, нача изнемогати Мьстиславъ, бѣ бо великъ и силенъ Редедя; и рече Мьстиславъ: «о пречистая Богородица! помози ми: аще бо удолѣю сему, сзижю церковь во имя твое». И се рекъ удари имъ о землю и вонзе ножь, зарѣза Редедю» [1]).

Для борьбы съ женщиной у богатыря особый пріемъ (К. Д., 365).

Когда богатырю одному приходится имѣть дѣло съ цѣлой толпой враговъ, то будучи на конѣ, онъ однихъ колетъ, а другихъ топчетъ конемъ (Р., I, 46), а пѣшій,—онъ хватаетъ одного изъ враговъ за ноги и помахиваетъ имъ, какъ палицей.

Служба богатырей на крѣпкой заставѣ богатырской имѣетъ то назначеніе, что охраняетъ Кіевъ отъ неожиданнаго нападенія какой нибудь невѣрной силы. На заставѣ бываетъ обыкновенно двѣнадцать богатырей (Р., II, 48), и одинъ изъ нихъ атаманъ, другой податаманье, а третій есаулъ (К., I, 48).

Что по край было синя моря
На богатырской на заставѣ
Стояли тутъ пять богатырей...
Не пропускали они ни коннаго,
Ни коннаго и ни пѣшаго,

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, 63.

Ни царскаго, ни боярскаго;
Ни звѣря рыскучаго,
Ни птицы летучей.
Младъ ясенъ соколъ летитъ —
Перо выронитъ;
Добрый молодецъ бѣжитъ —
Головой вершитъ.
(П. и обр., 161).

Слово застава, «еже есть сторожевой полкъ», встрѣчается въ Никоновской лѣтопити подъ 1367 годомъ [1]), но употребленіе сторожевыхъ пограничныхъ ставокъ извѣстно было гораздо ранѣе; такъ по сагѣ объ Олафѣ Тригвасонѣ видимъ, что этотъ Норманнъ служилъ у Владиміра начальникомъ войска, посылаемаго для защиты границъ [2]). И въ Повѣсти временныхъ лѣтъ не разъ упоминаются *сторожи* въ томъ же смыслѣ.

Данныя былинъ относительно промышленности и торговли не многочисленны.

Изъ разныхъ видовъ промышленности точное указаніе имѣемъ только на тканье полотенъ (К., III, 13) да на ремесло древодѣловъ: упоминается о постройкѣ деревяныхъ зданій (К. Д., 6); въ описаніи вооруженія Дюка Степановича говорится, что знаменитыя стрѣлы, купленныя ему матерью, были строганы въ Новѣгородѣ (К. Д., 23, 24). Изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ (подъ 1016 годомъ) извѣстно, что уже въ началѣ XI вѣка Новгородцы славились какъ плотники. О прочихъ видахъ промышленности можно заключить только по упоминанію различныхъ предметовъ домашняго обихода, одежды, мѣховъ (печерскихъ, бурнастыхъ лисицъ, черныхъ соболей, куницъ, сѣдыхъ бобровъ)

[1]) Ник. лѣт., т. IV, 21.
[2]) Antiquités russes, t. I, 278.

и пр., хотя впрочемъ здѣсь съ осторожностью должно отличать предметы домашняго производства и привозные.

Нѣкоторые факты въ былинахъ касаются торговли иностранной. Сообразно географическимъ представленіямъ былинъ предметы ея торговли могутъ быть распредѣлены по мѣстамъ своего происхожденія: былины называютъ шелкъ шемаханскимъ (напр. Р., I, 237), булатъ иверьянскимъ (Р., I, 246), стремена и сѣдла черкасскими (напр. Р., I, 48), золото и мѣдь аравитскими или яровицкими (К., I, 91, Р., II, 143), пшено и ковры сорочинскими (К., III, 6, 24), платье, коней и сѣдла латинскими (Р., I, 266, К., II, 7), копья — мурзамецкими, свинецъ чебурацкимъ (К. Д., 184). Къ числу иностранныхъ же товаровъ должно отнести и сафьянную обувь (Р., II, 88), и атласъ, и рытый бархатъ (Р., I, 296), и аксамиты (Р., II, 17)9, и сукна, и бѣло-хрущатую камку, узоръ который описанъ въ слѣдующихъ словахъ:

Хитрости Царяграда,
Мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья сына Будиміровича,

т. е. купца, привезшаго эту камку (К. Д., 4).

Такимъ образомъ былины свидѣтельствуютъ о привозѣ на Русь товаровъ кавказскихъ, арабскихъ, греческихъ и западно-европейскихъ. Эти свѣдѣнія подтверждаются и историческими свидѣтельствами X — XIV вѣковъ: выдѣлка оружія и конской сбруи издревле занимала кавказское племя Кубечей [1]), и произведенія ихъ уже въ IX вѣкѣ могли быть получаемы на Руси черезъ посредство казарскихъ и арабскихъ купцевъ; благодаря послѣднимъ проникали на

---

[1]) Мухамеданская нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи, *П. Савельева*, стр. LVIII и LIX.

Русь и произведенія арабскія; въ арабскихъ извѣстіяхъ есть указанія на то, какъ Русскіе X вѣка дорожили различнаго рода узорочьемъ арабской работы [1]). Отъ X-го же вѣка у насъ есть извѣстіе и о торговлѣ съ западомъ въ словахъ Святослава, которыя именно упоминаютъ о доставкѣ на Русь коней изъ Чехіи и Венгріи [2]); извѣстія XII и XIII вѣковъ подтверждаютъ существованіе этихъ торговыхъ сношеній [3]). Къ числу предметовъ, привозимыхъ съ запада, должно отнести и сукна, такъ какъ уже въ грамотѣ, данной новгородскимъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ церкви Іоанна Предтечи въ 1136 году упоминается «ипьское сукно» (drap d'Ipres) [4]). Сафьяны могли быть привозимы на Русь изъ волжской Болгаріи, которая славилась ихъ изготовленіемъ [5]). Торговыя сношенія Руси съ Царьградомъ достаточно извѣстны, и потому мы о нихъ не распространяемся; къ числу предметовъ, вывозимыхъ изъ Греціи, должно отнести и аксамиты, упоминаемые въ былинахъ безъ указанія на мѣста изготовленія; объ аксамитахъ говорится въ Ипатьевской лѣтописи уже въ XII вѣкѣ [6]).

Иностранные купцы и привозимые ими товары вообще называются въ былинахъ заморскими; единственный торговый путь къ Кіеву, который знаютъ былины, — водный, Днѣпръ и море синее или Окіянъ-море; поэтому и купцы

---

[1]) Тамъ же, стр. LXXXIX.

[2]) П. С. Р. Л., т. I, 28.

[3]) Такъ напр. Ипат. лѣт. подъ 1174 годомъ говоритъ о латинскихъ купцахъ въ Кіевѣ (П. С. Р. Л., т. II, 111), Слово о плъку Игоревѣ упоминаетъ о латинскихъ шлемахъ на Русскихъ и проч.

[4]) Р. Д., т. I, 78.

[5]) Ист. Г. Р., III, стр. 212, (изд. См.).

[6]) П. С. Р. Л., т. I, 114.

часто называются гостями-корабельщиками. Размѣры торговли представляются очень значительными: къ Кіеву пріѣзжаетъ цѣлая эскадра торговая въ тридцать одинъ корабль (былины о Соловьѣ Будиміровичѣ). Подобно тому, и изъ разсказа Ипатьевской лѣтописи, подъ 1170 годомъ, о походѣ князей на защиту греческихъ купцовъ можно заключить о значительности торговыхъ каравановъ. Пріѣзжающіе въ Кіевъ купцы платятъ товарную пошлину со всѣхъ кораблей, со всего живота, и кромѣ того подносятъ подарки князю и княгинѣ (К. Д., 4). О подобныхъ дарахъ было уже упомянуто выше. Торговыя пошлины въ XII вѣкѣ извѣстны изъ грамоты князя Всеволода Новгородской церкви Іоанна Предтечи.

Упоминаются особыя мѣста въ городѣ, предназначенныя для торговли,—гостиные дворы и базары.

Судоходству въ былинахъ дано незначительное мѣсто; онѣ совсѣмъ не упоминаютъ о походахъ по морямъ и рѣкамъ; суда служатъ въ былинахъ только для торговыхъ сношеній.

Изъ разничнаго рода судовъ упоминаются русскіе насады (К., III, 1), извѣстные и изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ [1]), и корабли заморскаго гостя Соловья Будиміровича и парусные, и гребные: его знаменитый Соколъ - корабль описывается такъ:

У того было Сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибивано
По черному соболю якутскому,
И якутскому, вѣдь сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;

[1]) П. С. Р. Л., т. I, 59.

Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копья мурзамецкія;
И два горностая повѣшаны,
И два горностая, два зимніе;
У того было Сокола у корабля
Вмѣсто гривы прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшано
На томъ было Соколѣ-кораблѣ
Два медвѣдя бѣлые заморскіе;
Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному....
На томъ Соколѣ кораблѣ
Сдѣланъ муравленъ чердакъ,
Въ чердакѣ была бесѣда — дорогъ рыбій зубъ,
Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ.
(К. Д., 2, 3, ср. у Р., I и II).

На корабляхъ упоминаются мачты, паруса крупчатые и якори булатные, весла, шесты мѣрные; при корабляхъ сходни.

Умственное образованіе и грамотность не чужды лицамъ, дѣйствующимъ въ былинахъ Владимірова цикла; самъ князь получаетъ ярлыки скорописчатые отъ иностранныхъ государей. Обученіе грамотѣ и письму, по былинамъ, полагается въ семилѣтнемъ возрастѣ (К. Д., 345). Человѣкъ поученый грамотѣ пользуется уваженіемъ (К. Д., 181). Умѣнье русской грамоты и четья-пѣтья церковнаго считается однимъ изъ главныхъ достоинствъ женщины (П. и обр., 83). Впрочемъ, общій характеръ образованія дѣйствующихъ лицъ не книжный: свѣдѣнія, которыя они высказываютъ, они не извлекли изъ чтенія, но накопили собственнымъ наблюденіемъ. По понятіямъ былинъ, далекія странствованія доставляютъ познанія, а за ними и почетъ человѣку. Поэтому почетная обязанность быть княжескимъ

сватомъ налагается на Дуная, какъ на человѣка бывалаго, который много земель знаетъ (Р., I, 187, 188), служилъ въ семи ордахъ, семи королямъ (К. Д., 96). Поэтому же князь почестливо встрѣчаетъ гостя изъ дальнихъ странъ, Соловья Будиміровича. Таковъ былъ вообще обычай хорошихъ князей въ древности; это видно и изъ слѣдующихъ словъ Мономоха: «и болѣ же чтите гость, откуду же къ вамъ придеть, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, — брашномъ и питьемъ; ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ» [1]).

Многія географическія свѣденія, которыя въ былинахъ высказаны, являются какъ бы результатомъ странствованій, совершенныхъ разными дѣйствующими лицами былинъ; другой источникъ этихъ свѣденій суть военныя столкновенія Русскихъ съ сосѣдними народами. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ эти географическія свѣденія характеризуютъ то время, когда сложены былины.

Вообще всѣ чужія страны представляются въ былинахъ отдаленными и вмѣстѣ съ тѣмъ по большей части враждебными Руси; такое представленіе вполнѣ соотвѣтствуетъ историческимъ фактамъ русской древности; даже бранныя прозвища, которыя даются былинами почти всѣмъ сосѣднимъ народамъ (см. выше), находятъ себѣ въ соотвѣтствіе въ лѣтописяхъ, гдѣ Половцы, Татары и пр. постоянно называются погаными, хотящими «прольяти кровь хрестьянскую» [2]). Въ былинахъ врагамъ Руси и ея богатырей придаются даже чудовищные, страшные размѣры. Таковъ напр. татарскій царь Уланище:

Вить ушища-то у царишша—будто блюдишша.

---

[1]) П. С. Р. Л., т. I, 102.
[2]) П. С. Р. Л., т. I, 133.

А глазишша-то у царишша—будто чаши пивныя,
А носишшо-то у царишша—будто палица боевая.
(К., III, 49).

Точности въ географическихъ понятіяхъ былинъ, особенности послѣ столь продолжительнаго храненія въ народной памяти, искать не слѣдуетъ: онѣ смѣшиваютъ Литву съ Татарами (напр. Р., I, 180, II, 26), называютъ ордыскаго государя королемъ (К. Д., 161) и т. п., но тѣмъ не менѣе въ общемъ представленіи былинъ можно отмѣтить тѣ характерныя черты, которыми они различаютъ западъ съ востокомъ и югомъ. Западные государи обыкновенно называются королями (короли Политовскій, Ляховинскій); у нихъ есть дворъ и придворныя должности, въ которыхъ служивали даже княжескіе дружинники, напр. Дунай. Западныя страны вообще враждебны Руси, но тѣмъ не менѣе былины иногда называютъ Литву небраннымъ прозвищемъ «хороброю» и даже выводятъ съ запада невѣсту для князя.

Напротивъ того, представленія о восточныхъ странахъ исключительно мрачныя. Онѣ называются обыкновенно ордами или царствами, а государи ихъ царями. Ордынскаго царя окружаютъ бурзы-мурзы Татаровья, которыхъ онъ созываетъ на совѣтъ (напр. К., IV, 39). Наружность такого мурзы описана слѣдующими словами:

Старъ-горбатъ, напередъ покляпъ,
Синь кафтанъ, голубой карманъ.
(К., IV., 39).

Посолъ ордынскаго царя къ князю отличается грубостью:

А и будетъ Татаринъ въ Кіевѣ,
Середи двора княженецкаго,
Скакалъ Татаринъ съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ,

Бѣжитъ во гридню во свѣтлую,
А Спасову образу не молится,
Владиміру князю не кланяется,
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ;
Бросалъ ярлыки на круглой столъ
Передъ великаго князя Владиміра.

(К. Д , 243, 244).

Войско татарское, идущее на Кіевъ, безконечно огромно:

Сбиралось съ нимъ (татарскимъ царемъ) силы на сто верстъ,
Во всѣ тѣ четыре стороны.

(К. Д., 242, ср. у К., IV и Р., I и II).

Татарскаго царя сопровождаютъ его сынъ, зять и какой-то дьячекъ-выдумщикъ (напр. Р., I, 175), каждый съ большимъ войскомъ. Подступая къ Кіеву, ордынскій царь требуетъ выдачи лучшихъ богатырей; въ слѣдующемъ обращеніи его къ князю изображается жестокій способъ веденія войны Татарами:

«Дашь не дашь, за боемъ возьму,
«Сильныхъ богатырей подъ мечь склоню,
«Князя со княгинею во полонъ возьму,
«Божьи церкви на дымъ спущу,
«Чудны иконы поплавь рѣки,
«Добрыхъ молодцевъ полоню станицами,
«Красныхъ дѣвушекъ плѣницами,
«Добрыхъ коней табунами».

(К., IV, 41).

Страны южныя, земля Греческая, Царьградъ, Іерусалимъ, изображаются въ былинахъ хоть и смутно, но въ благопріятномъ свѣтѣ. Это страны единовѣрныя Руси: въ нихъ, какъ на Руси, четье-пѣтье церковное и звонъ колокольный (К., IV, 22); въ Царьградѣ (Р., I, 91) или Іерусалимѣ (К., IV, 22) царствуетъ Константинъ Боголюбовичь, и

Илья Муромецъ защищаетъ его отъ враговъ, какъ Владиміра. Черезъ Царьградъ проходятъ русскіе калики перехожіе въ Іерусалимъ, ко Гробу Господню, на Ердань рѣку (К. Д., 227); таковъ былъ обыкновенный путь русскихъ паломниковъ.

Такъ какъ былины Владимірова цикла преимущественно служатъ изображеніемъ дружиннаго быта, то война и миръ и составляютъ два главныя понятія, къ которымъ примыкаютъ всѣ нравственныя идеи, выраженныя въ этихъ произведеніяхъ русскаго эпоса.

Для лицъ, дѣйствующихъ въ былинахъ, существуетъ два повода къ раздорамъ и войнѣ: одинъ, это — месть за оскорбленіе и насиліе надъ ихъ личностью или родиной, другой — состраданіе къ слабому и угнетенному. Герои былинъ не ищутъ ни чьего суда кромѣ Божьяго, и потому всѣ свои домашнія ссоры, всякую встрѣчу съ иноплеменниками рѣшаютъ кровавой расправой, — твердые въ своей надеждѣ

На Спаса, на Пречистую
На матушку на Божію Богородицу.
(К., III, 85).

Въ этомъ отношеніи ихъ бои напоминаютъ наши древніе судебные поединки. Даже если дружинники и не ссорятся, но только бьются о закладъ, и то проигрышь стоитъ жизни побѣжденному, если его не помилуетъ побѣдитель (см. Р., I, 305). Вооруженное заступничество за угнетеннаго считается дѣломъ богоугоднымъ (К., IV, 16). Вся дѣятельность Ильи Муромца посвящена ему.

Не смотря на склонность рѣшать дѣло кровавой расправой, героямъ былинъ не чужда пощада и замиреніе на извѣстныхъ условіяхъ. Такъ напр. Добрыня, побѣдивши

Змѣя Горыныча, положилъ съ нимъ заповѣдь великую, по которой Змѣй обѣщалъ не тревожить землю Русскую своими посѣщеніями (К., II, 25).

Понятіе о вѣчномъ мирѣ, взаимномъ содѣйствіи и дружбѣ былины выражаютъ въ обычаѣ брататься. Такъ про Илью Муромца и Добрыню говорится:

Они были братьица крестовые,
У нихъ крестамы побраталось,
Кладена была заповѣдь великая,
Подписи были подписаны,
Слухать большему брату меньшаго.
(Р., I, 95, 96).

На подобный обычай при замиреніи указываетъ и «Повѣсти временныхъ лѣтъ» подъ 968 годомъ: «Рече князь Печенѣжьскій къ Прѣтичю: «буди ми другъ», онъ же рече: «тако сотворю». И подаста руку межю собою, и въдасть Печенѣжьскій князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы; онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечь» [1]).

По былинамъ, братство названое равняется родному, и нарушеніе его считается величайшимъ преступленіемъ. Поэтому Данило Денисьевичь, видя, что противъ него идутъ родной его братъ Никита и названый Добрыня, съ ужасомъ восклицаетъ:

«Ишшо гдѣ это слыхано, гдѣ видано,
«Братъ на брата съ боемъ идетъ».
(П. и обр., 85)

Какъ чувства братской привязанности распространяются на лицъ неродственныхъ, чужихъ, но одного возраста, въ побратимствѣ,—такъ любовь и уваженіе къ родному отцу и матери переносится на всѣхъ людей старыхъ: отсюда

[1]) П. С. Р. Л., т. I, 28.

обычай былинъ называть стариковъ и старухъ батюшкой, матушкой (напр. Р., I, 95), обычай не разъ выраженный и лѣтописями, какъ напр: «Домантъ же рече Псковичемъ: «Братья мужи Псковичи, кто старъ, то отецъ, а кто младъ, той братъ», и пр. [1]).

Самое широкое проявленіе любви къ ближнему былины представляютъ въ обычаѣ гостепріимства, примѣромъ котораго могутъ служить самые пиры Владиміра, сопровождаемые различнаго рода подарками гостямъ.

Религія лицъ, дѣйствующихъ въ былинахъ, христіанская, но рядомъ съ истинно-христіанскими вѣрованіями и обрядами у нихъ много суевѣрій и обычаевъ, связанныхъ съ древними вѣрованіями языческими. Они вѣрятъ въ колдовство, наговоры, оборотничество, вѣщую силу нѣкоторыхъ птицъ, дѣйствія зелья спящаго и питья забыдущаго; вообще они даютъ мѣсто чуду среди явленій дѣйствительности. Что именно за чудесное ихъ окружаетъ, — будетъ сказано ниже; здѣсь же достаточно отмѣтить вѣру въ него, какъ черту времени, подтверждаемую и другими памятниками древности [2]). Упоминаются наговоры на полетъ стрѣлы (К., III, 18, Р., I, 63) или копья (К., IV, 13, 14), на оборотничество (К., II, 43, Р., I, 223, II, 66), на листочки лазоревые (Р., II, 11); упоминается суевѣрный обрядъ привораживанія посредствомъ сожиганія слѣдовъ (К. Д., 63, ср. К,. II, 44, такъ же Р., I, 73) и обрядъ вѣнчанія подъ деревомъ: такъ, про Дуная и Настасью Королевшину говорится:

---

[1]) Псковская лѣтопись, изд. Погодина, 16.

[2]) Вѣрованіе въ оборотничество очевидно изъ Слова о П. Иг., вѣрованіе въ вѣщихъ птицъ указано въ одномъ изъ словъ Кирилла Туровскаго, см. Пам. Слов. XII в., 19.

Тутъ они обручалися,
Кругъ ракитова куста вѣнчалися.
(К. Д., 96)

Этотъ обрядъ упоминается и въ пословицѣ: «вѣнчали вкругъ ели, а черти пѣли» [1]); близокъ къ нему обычай, упоминаемый въ одномъ сборникѣ XVII вѣка, какъ остатокъ языческой старины: вернувшись изъ церкви, молодые и ихъ гости «кругъ стола всѣмъ поѣздомъ ходятъ» [2]).

Дѣйствующія лица былинъ очень набожны; они обильно раздаютъ милостыню спасеную; молитвой или крестомъ сопровождается каждое ихъ дѣйствіе: они крестятся и молятся, входя въ палату бѣлокаменную, садясь за ѣду (К., IV, 45), передъ боемъ съ врагомъ или изнемогая подъ его натискомъ; отъѣзжая въ путь, богатырь оставляетъ свою жену на Спаса со Пречистою (К., II, 11); богатыри дружинники строятъ часовни, церкви; но самое значительное проявленіе ихъ набожности—то, что богатырь, чтобы спасти душу грѣшную, идетъ въ монастырь (П. и обр., 274), или же отправляется въ Св. Землю. Постриженіе, по былинамъ, обычно въ старомъ возрастѣ (тамъ же, ср. Р., I, 79).

Что касается до странствованій въ Святую Землю, то былины изображаютъ цѣлый классъ древне-русскаго общества, образовавшійся въ слѣдствіе нихъ. Такія хожденія равно сдѣлались обычными на Руси: уже въ XI вѣкѣ упоминаетъ о нихъ житіе преп. Ѳеодосія Печерскаго; а въ XII вѣкѣ до такой степени укоренился обычай давать обѣдъ на странствованія въ Св. Землю, что духовные стали такимъ странствованіемъ препятствовать. Люди, ходившіе въ Св. Землю, назывались странниками, паломниками, кали-

---

[1]) *Буслаева* Истор. очерки, т. I, 83.

[2]) Тамъ же, стр 47 и 48.

ками перехожими [1]). Подъ двумя послѣдними названіями упоминаются они и въ былинахъ Владимірова цикла.

Калики изображаются въ былинахъ старыми, какъ напр. сильный Иванище (К., IV, 18, Р., I, 89) и Данило Игнатьевичь (К., IV, 22) или молодыми, какъ герой былины о сорока каликахъ со каликою. Они дородные, сильные люди. Они носятъ особую одежду, о которой мы уже говорили; въ рукахъ у нихъ клюка, костыль, посохъ или шелепуга.

Калики отправляются по одному, по двое, по трое или толпами въ двѣнадцать и даже сорокъ человѣкъ; въ такомъ случаѣ они составляютъ товарищество, кругъ, съ атаманомъ во главѣ:

Становились они во единый кругъ,
Они думали думушку крѣпкую,
Выбирали большаго атамана,
Молода Касьяна сына Михайловича.
А и молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Кладетъ онъ заповѣдь великую
На всѣхъ на добрыхъ молодцевъ:
А идтить намъ дорога неближняя,
Идти будетъ къ городу Іерусалиму,
Святой святыни помолитися,
Во Іерданъ рѣкѣ искупатися,
Нетлѣнной ризой утеретися,
Идти селами и деревнями,
Городами тѣми съ пригородками;
А въ томъ вѣдь заповѣдь положена:
Кто украдетъ или кто солжетъ,
Али кто пустится на женскій блудъ,

---

[1]) Вообще должно замѣтить, что древніе русскіе калики и по своему внѣшнему виду, и по своимъ обычаямъ похожи на западныхъ странниковъ въ Св. Землю, какъ это доказано въ статьѣ *Срезневскаго* о русскихъ каликахъ, помѣщенной въ Уч. Зап. Ак. Н. 1863 г., т. I, кн. II:

Не скажетъ большему атаману,
Атаманъ про то дѣло провѣдаетъ,
Едина оставить во чистомъ полѣ
И окопать по плечи во сыру землю.
И въ томъ то вѣдь заповѣдь положена,
Бѣлыя рученьки неприложены:
Атаманъ Касьянъ сынъ Михайловичь,
Податаманье братъ его родной,
Молодой Михайло Михайловичь.
(К. Д., 226, 227).

Другіе пересказы этой же былины, выставляя тѣ же преступленія возможными для каликъ, дополняютъ постановленіе о казни преступника слѣдующими словами:

Копать ему ямище глубокое,
Зарывать его во сыру землю,
Въ сыру землю по бѣлымъ грудямъ,
Чистъ-рѣчистъ языкъ вынять теменемъ,
Очи ясныя—косящами,
Ретиво сердце промежду плечей:
Казнена дородна-добра молодца,
Во чистомъ полѣ оставити.
(К., III, 82, ср. Р., I, II).

Это постановленіе о казни напоминаетъ казнь епископа Ростовскаго Ѳеодора въ 1169 году, совершенную по повелѣнію митрополита Константина: «митрополитъ же Костянтинъ повѣлѣ ему языкъ урѣзати, яко злодѣю и еретику, и руку правую утяти, и очи ему выняти, зане хулу измолви на Святую Богородицю» [1]).

Юридическій бытъ Руси выраженъ въ былинахъ не самыми законоположеніями, но только приложеніемъ ихъ въ

---

[1]) П. С. Р. Л., т. I, 152. Ср. казнь Дудика, оклеветавшаго Луку Жидяту, во второй Новгор. л., под. 6566 г., П. С. Р. Л., т. II, 122.

жизни; а что былины предполагаютъ существующими извѣстныя постановленія — видно изъ обычая «полагать заповѣдь» при заключеніи какихъ нибудь условій. Что такія постановленія предполагаются писанными и скрѣпленными подписью главныхъ установителей — видно изъ заповѣди каликъ перехожихъ, изъ заповѣди о побратимствѣ, а также изъ условія Михайла Потока съ его женою; когда они вѣнчались, она потребовала слѣдующаго условія:

«Только съ тѣмъ обвѣнчаемся,—
«Сдѣлаемъ записи крѣпкія,
«И положимъ ихъ за престолъ Господень,
«—Который изъ насъ впереди помретъ,
«А другому живому въ гробъ легчи.»
(Р., II, 61, 62).

Это условіе, равно какъ и условіе побратимства, касается дѣлъ частныхъ; напротивъ того заповѣдь каликъ утверждается общей думой всѣхъ участвующихъ. Заключеніе условій сопровождается присягой (К. Д., 221).

Изъ юридическихъ обычаевъ замѣчательно поручительство при закладахъ; при этомъ тоже совершается писменный актъ (К. Д., 56). Объ уничтоженіи этого акта говорится:

Просты поруки крѣпкія, записи всѣ изодранныя.
(К. Д., 60).

Кромѣ вышеупомянутаго церковнаго наказанія въ былинахъ упомянуты слѣдующія казни: ссылка, заключеніе въ погребъ на цѣпь желѣзную, погруженіе въ котелъ смолы, разстрѣляніе (К., IV, 45), отсѣченіе головы (тамъ же), повѣшаніе (П. и обр., 82). Исполненіе казни принадлежитъ палачамъ. Эти показанія о казняхъ подтверждаются Русской правдой и древними лѣтописями.

III.

РАЗСМОТРѢНІЕ БЫЛИНЪ ВЪ ОТНОШЕНІИ ЛИТЕРАТУРНОМЪ.

Былины Владимірова цикла выражаютъ собою то именно время изъ прошедшаго Руси, когда Русскіе Славяне впервые проявили стремленіе къ прочному государственному строю жизни и, подъ охраной его, впервые стали горячо отстаивать свою самостоятельность передъ натискомъ иноплеменниковъ; чтобы защитить и сохранить эту независимость потребовалась крѣпкая воинская сила, тѣсно связанная съ высшею властью государственною,—и таковою явилась дружина, окружающая князя. Дѣятельность дружины, выраженная въ подвигахъ ея представителей богатырей, и есть предметъ былинъ.

Охранительно-боевое значеніе богатырской дружины прямо указывается эпосомъ, ее воспѣвающимъ: по его словамъ, богатыри съѣзжаются въ Кіевъ, чтобы

Заложиться за Князя Владиміра,
Послужить ему вѣрой-правдою,
Постоять за вѣру хрисьянскую.

(П. и обр., 115, К. Д., 205).

Эпосъ съ сочувствіемъ повѣствуетъ о богатырскихъ подвигахъ, совершенныхъ въ сознаніи этого долга, и самыхъ подвижниковъ, стоятелей и оберегателей Руси, изображаетъ не иначе какъ страшною грозою для ея враговъ: то влагаетъ онъ въ уста одному изъ сильнѣйшихъ богатырей слѣдующую ироническую похвальбу передъ побѣжденнымъ врагомъ:

«Вы поѣдьте по своимъ мѣстамъ,
«Вы чините вездѣ такову славу,
«Что святая Русь не пуста стоитъ,
«На святой Руси есть сильны, могучи богатыри.»
(П. и обр, 116, 117)

то яркимъ и поразительнымъ сближеніемъ опредѣляетъ значеніе богатырей:

Передъ Кіевомъ три заставы крѣпкія:
Первая застава—сѣры волки,
Другая застава—змѣи лютыя,
Третья застава—стоитъ двѣнадцать богатырей.
(Р., II, 135)

Народное творчество не только вполнѣ сочувствуетъ богатырямъ, но даже пристрастно къ нимъ: по его преставленію, совершать подвиги есть непремѣнное дѣло дружины, но никогда не выпадаетъ на долю князя; въ отсутствіе богатырей дружинниковъ князь представляется въ былинахъ безсильнымъ, робкимъ, трусливымъ.

Изъ боевой дѣятельности дружины объясняется и преобладающій военный характеръ былинъ Владимірова циккла; но какъ жизнь дружины не ограничивалась однимъ военнымъ промысломъ, то и былины заимствуютъ иногда свое содержаніе изъ промысла торговаго и быта семейнаго.

Какъ дружина примыкала къ князю, такъ и въ былинахъ

приключенія отдѣльныхъ богатырей дружинниковъ всегда стоятъ въ связи съ однимъ главнымъ лицемъ великаго князя Владиміра Краснаго Солнышка, всегда совершаются въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ и въ одну и туже эпоху. Это то и составляетъ круговую циклическую связь былинъ, насъ занимающихъ. Такое явленіе въ нашихъ былинахъ соотвѣтствуетъ нѣсколькимъ подобнымъ фактамъ въ поэзіи другихъ народовъ. Такъ, въ эпосѣ кельтскомъ сказанія объ отдѣльныхъ герояхъ, связываются съ эпохой и лицомъ короля Артура, въ эпосѣ сѣверно-французскомъ подобныя же сказанія соединяются около времени и лица Карла Великаго. И какъ здѣсь, такъ и въ нашихъ былинахъ срединныя лица Карла, Артура, Владиміра, будучи постоянными участниками дѣйствія, сами никогда не являются героями поэтическихъ произведеній; такими героями служатъ приближенные этихъ государей — въ нашихъ былинахъ богатыри, и лица срединныя только даютъ направленіе для ихъ дѣятельности или же распутываютъ нить ихъ приключеній; такъ Владиміръ посылаетъ богатырей на подвиги, награждаетъ побѣдителей, казнитъ виновныхъ и пр. Такіе поступки вполнѣ соотвѣтствуютъ его княжескому положенію.

Однако участіе Владиміра въ событіяхъ, изображенныхъ въ былинахъ его цикла, на столько значительно и постоянно, что не возможно предположить вымыселъ большей части былинныхъ сказаній помимо или раньше созданія срединнаго лица. Напротивъ того, должно думать, что созданіе поэтическаго лица Владиміра Краснаго Солнышка и круговое расположеніе около него богатырей родомъ изъ разныхъ городовъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ фактамъ въ развитіи всей этой групы русскихъ народныхъ сказаній. Существованіе въ первые вѣка Руси такихъ князей, какъ

Владиміръ Святославичь и Владиміръ Мономахъ, и любовь народа къ этимъ первымъ нарядникамъ и собирателямъ земли Русской, первымъ носителямъ идеи объ ея единствѣ, должны были рано вдохновить народное творчество и вызвать его на созданіе того идеально-типическаго лица князя, около котораго групируется весь циклъ Владиміровъ.

Избирая себѣ героевъ изъ богатырей дружинниковъ, окружающихъ Владиміра, былины никогда не описываютъ ихъ жизни въ біографической послѣдовательности; онѣ знаютъ одно или нѣсколько событій изъ жизни богатыря и повѣствуютъ о нихъ эпизодически; поэтому былинамъ рѣдко удается представить всестороннее изображеніе характера отдѣльной личности, но за то онѣ очень опредѣленно воспроизводятъ общія, типическія свойства богатырей дружинниковъ.

По большей части это — люди со свѣжими, неутомленными силами, въ лучшей, дѣятельнѣйшей порѣ жизни; почти всѣхъ ихъ эпосъ выставляетъ молодыми, и потому прозвище *молодого* почти неразлучно съ лицомъ богатыря.

Такъ какъ война есть важнѣйшее дѣло богатырей, то совокупность воинскихъ доблестей и есть главная особенность, первое отличіе богатыря. А какъ войны, въ которыхъ участвуютъ дружинники богатыри, имѣютъ важное народное значеніе, то и въ былинахъ воинской дѣятельности дружинниковъ богатырей приданъ высокій характеръ патріотическій и даже религіозный. Народное творчество, всевозможными средствами стараясь выразить свое сочувствіе къ этимъ лицамъ, старается, такъ сказать, поднять ихъ надъ дѣйствительностью и идеализировать; поэтому оно придаетъ всевозможныя совершенства ихъ природѣ. Такъ, до очевидно гиперболическаго представленія доводитъ оно тѣ физическія свойства, которыя оказываются

вполнѣ соотвѣтствующими быту эпохи и дѣятельности дружины, если мы ихъ примемъ въ размѣрахъ обыкновенныхъ.

Какъ воителямъ, дружинникамъ богатырямъ нужна сила и ловкость, и народное творчество одараетъ ихъ силою чрезвычайною, почти чародѣйскою: Илья Муромецъ однимъ ударомъ стрѣлы разбиваетъ дубъ въ черенья ножевыя и кидаетъ враговъ подъ небеса.

Выше лѣса стоячаго,
Чуть пониже облака ходячаго.

Добрыня съ Иваномъ Дубровичемъ побиваютъ цѣлую орду Татарскую:

Пошли къ Добрынюшкѣ Татаровья,
Сталъ Добрынюшка Татаровей отпихивать,
Сталъ онъ Татаръ оттолкивать :
По двое ихъ, по трое стало по двору кататися.
Пошло къ Добрынюшкѣ цѣлыми десяткамы.
Добрынюшка видитъ,—есть дѣло не малое,
Схватилъ онъ Татарина за ноги,
Сталъ онъ Татариномъ поколачивать:
Какъ отворились-то ворота на широкъ дворъ,
Пошло оттуда силушки чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ черна ворона.
Воскричалъ тутъ Добрыня громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ кричалъ онъ во всю голову:
«Ай же, братьица мои крестовые,
«Поспѣвайте ко мнѣ, братьица, на выручку!»
Молодой Иванушка Дубровичь
Онъ скорешенько бѣжалъ на широкій дворъ:
Во тоя въ великой во горячности
Схватилъ онъ въ руку желѣзну ось
И сталъ онъ Татаровой покалачивать.
Вышли оны на темну орду,
Силушки стали бить, какъ трава косить,

Бились молодцы цѣлы суточки
И не ѣдаючись оны, не пиваючись.
Прошло поры—времячки двадцать четыре часику,
Силушки видь въ нихъ не уменшилось,
Сердце богатырско не утихнуло,
А въ орды стало силы мало ставиться.

(Р., I, 160, 161.)

Богатырь Данило Игнатьевичь носитъ клюку въ сорокъ пудъ вѣсу, Алеша

Въ тридцать пудъ шеленугу подорожную,
Въ пятдесятъ пудъ налиту свинцу Чебурацкаго

(К. Д., 184).

Въ соотвѣтствіе съ силой богатырей и походка ихъ изображается особенно тяжелою:

Идетъ Михайло Потокъ сынъ Ивановичь,
Идетъ молодецъ по новымъ сѣнямъ,
Идетъ онъ—будто подпирается,
Ступененки, мостинки подгибаются.

(Р., I, 100).

и голосъ оглушительно громкимъ:

А скрычалъ Дунай-то гласомъ громкіемъ:
Отъ того палата да и зашаталася.

и сонъ чрезвычайно продолжительнымъ:

Богатырскій сонъ на двѣнадсять дёнъ

(К., I, 2).

Онъ (Илья) спитъ, старый, храпитъ,
Какъ телега ордынская гремитъ.

(Р., I, 80).

и наконецъ способность пить огромными пріемами, — чарами въ полтора, полсема, полпята, полтретья ведра. Представляя богатырей пьющими такъ много, былины

*

однако влагаютъ въ ихъ уста такого рода насмѣшки надъ прожорливыми великанами:

«Гой еси, ласковой осударь, Владиміръ князь!
«Что у тебя за болванъ сидитъ,
«Что за дуракъ неотесаной?
«Нечестно хлѣба съ солью ѣстъ,
«По цѣлой коврижѣ за щеку мечетъ
«И цѣлу лебедушку вдругъ проглотилъ;
«У моего, сударя, батюшки,
«Ѳедора попа Ростовскаго,
«Была коровища старая,
«Насилу по двору таскалася,
«Забилася на поварню къ поварамъ,
«Выпила чанъ браги пресныя,
«Отъ того она лопнула...»

(К. Д., 190).

Это можетъ служитъ однимъ изъ доказательствъ, что былины постоянно соблюдаютъ противуположность между богатырями, обыкновенными людьми, и великанами, чудовищами.

Чрезвычайнымъ особенностямъ личной природы богатырей соотвѣтствуетъ и скорость бѣга ихъ коней, и роскошь всей обстановки ихъ жизни.

Но самое сильное проявленіе идеализаціи богатырей дружинниковъ народнымъ творчествомъ заключается въ томъ, что оно окружаетъ ихъ существами сверхестественными и даже иногда въ собственную жизнь богатырей вводитъ событія чудесныя.

Этотъ элементъ чудеснаго въ нашихъ былинахъ не есть случайный вымыселъ отдѣльныхъ пѣвцевъ, зависящій отъ личнаго произвола ихъ фантазіи; онъ порожденъ тою особенностью общенароднаго міросозерцанія, по которой многое, что совершается съ дѣйствительномъ

мірѣ — во внѣшней ли природѣ, какъ ея явленіе, или въ человѣкѣ, какъ явленіе его духа, — народъ, за недостаткомъ точныхъ понятій и по естественному стремленію, воображаетъ и объясняетъ себѣ въ видѣ миѳа или представленія сверхестественнаго, при чемъ однако къ сему послѣднему относится съ полной вѣрой, какъ явленію самой осязательной дѣйствительности. Такое суевѣрное вымышленіе чудеснаго возможно въ разныя эпохи народной жизни и вообще стоитъ въ обратномъ отношеніи къ развитію въ народѣ научной образованности. Въ былинахъ, какъ произведеніяхъ словесности устной, постоянно пересказываемыхъ разными лицами, представленіе чудеснаго особенно подвержено постояннымъ измѣненіемъ и колебаніямъ: существуя въ одномъ пересказѣ одного эпизода, чудесное представленіе видоизмѣняется или совсѣмъ исчезаетъ въ другомъ—повидимому потому, что пѣвецъ этого второго пересказа не допускаетъ его дѣйствительной возможности, въ которую вѣритъ пѣвецъ перваго. Такъ напр., по пересказу Кирши Данилова, стр. 353 и слѣд., Соловей разбойникъ представляется полуптицей, получеловѣкомъ, который свиститъ по соловьиному, шипитъ по змѣиному, зрявкаетъ по звѣриному, а по пересказу Кир., I, 25 и слѣд., Соловей—простой разбойникъ изъ мужиковъ; по пересказу Кирши Данилова, жена Потока—оборотень лебедь бѣлая, а по нѣкоторымъ пересказамъ Рыбникова, она только чаровница; по пересказамъ П. и обр., 167 и 377, сама рѣка Дунай произошла изъ крови богатыря этого имени, а по пересказу К. Д., 101, Дунай Ивановичь, кинувшись въ рѣку, только далъ ей свое имя.

Судя по большинству пересказовъ, можно вообще замѣтить, что въ настоящее время въ былинахъ Владимірова цикла преобладаетъ положительное стремленіе сглажи-

вать чудесное, облекая его въ обстановку дѣйствительнаго быта. Такое стремленіе доказываетъ, что уже самъ народъ въ своемъ воззрѣніи перестаетъ давать вѣру этому чудесному. Въ такомъ случаѣ понятно, что и пѣвцы, пересказывая былины, допускаютъ произволъ въ его передачѣ и вымыслѣ. И дѣйствительно, нѣкоторые эпизоды чудеснаго необходимо должны быть объясняемы не какъ предметъ обще-народной вѣры, но какъ фантастическій вымыселъ отдѣльныхъ пѣвцевъ. Таковы эпизодъ о томъ, что блестящія пуговицы Ильи Муромца напугали разбойниковъ (К., I, 23), слова былины о томъ, что у стремени Сокольника прикована Змѣя Горынская (К., IV, 13; иначе должно предположить цѣлое преданіе о побѣдѣ Сокольника надъ этой Змѣей) и пр.

Будучи по большей части предметомъ обще-народной вѣры, чудесныя представленія былинъ не составляютъ исключительной принадлежности этихъ произведеній нашего эпоса, но повторяются и въ сказкахъ народныхъ, и въ повѣріяхъ, необлеченныхъ въ поэтическую форму. Но между тѣмъ какъ въ сказкахъ они составляютъ главную завязку сюжета, въ былинахъ они только дополняютъ содержаніе, взятое изъ дѣйствительнаго быта: выше уже сказано, что назначеніе ихъ въ былинахъ придать болѣе идеальный характеръ богатырямъ. Поэтому или существа и явленія сверхестественныя представляются въ былинахъ враждебными богатырямъ, и послѣдніе надъ ними торжествуютъ, или чудесное благопріятно богатырямъ, содѣйствуетъ успѣху ихъ подвига и составляетъ ихъ апоѳеозу.

Къ числу существъ сверхестественныхъ и болѣе или менѣе враждебныхъ богатырямъ принадлежатъ:

1) *Великаны и великанши*, съ которыми богатыри вступаютъ въ борьбу, какъ съ насильниками Кіева и Руси во-

обще, почему эти великаны нерѣдко и смѣшиваются съ историческими врагами земли Русской.

Соловей-разбойникъ, съ которымъ борется Илья Муромецъ,—великанъ получеловѣкъ, полуптица; по пересказу К., IV, 3, онъ описывается такимъ образомъ:

По прямоѣзжей дорогѣ,
Промежь Кіева и Мурома,
Залегало чудище поганое,
Алатырецъ некрещеный,
Соловей разбойникъ.
Чинилъ онъ обиды всему міру крещеному:
Никого не пропускалъ
Мимо своей окаянной залоги;
А сидѣло это чудище на девяти дубахъ,
Что вершинами въ небо ввиваются,
Засвиститъ чудище въ полсвиста —
Замретъ листъ въ зеленомъ лѣсу;
Засвиститъ чудище полнымъ свистомъ —
Оглушитъ всякаго человѣка крещенаго.
(К., IV, 2, 3).

А свистъ его, по пересказу Кирши Дан., вотъ какой:

Засвисталъ Соловей по соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по змѣиному,
А въ третьи зрявкаетъ по звѣриному.
Подъ Ильей конь окарачился,
И падалъ вѣдь на кукорачь.
(стр. 353).

У Соловья жена хитрая и мудрая, а сыновья его — оборотни; видя отца привязаннымъ къ стремени булатному, они

Хочутъ обернуться черными воронами,
Съ тѣми носы желѣзными,
Они хочутъ расклевать добра молодца,
т. е. Илью (К. Дан., 355).

Илья стрѣляетъ въ Соловья —

И попалъ Соловью да въ правой глазъ,
Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба
Комомъ къ сырой земли.

(К. Дан., 354).

(Сравн. описанія Соловья, какъ существа сверх-естественнаго у К., I, 28, 31, 33, 36 и слѣд., Р., I, 47 и слѣд. 55 и слѣд., II, 6 и 329 и слѣд.)

Въ *Идолищѣ* или *Одолищѣ*, также *Идолѣ богатырѣ*, тоже врагѣ Ильи, и *Тугаринѣ*, противникѣ Алеши Поповича, больше человѣческаго, чѣмъ въ Соловьѣ; это богатыри исполины, какъ въ лѣтописи Редедя Косожскій, съ которымъ боролся воспѣтый Баяномъ Мстиславъ Владиміровичъ.

Въ пересказѣ Кир. IV, 22, 23, Одолище описывается слѣдующимъ образомъ:

Не здорово живетъ царь Константинъ Боголюбовичъ:
Не стало въ Ерусалимѣ четья-лѣтья церковнаго,
Не стало звона колокольнаго,
Разселилось Одолище поганое,
Поганое Одолище проклятое.
Въ долину Одолище пяти сажень,
Промежду плечами у Одолища коса сажень,
Головища его какъ пивной котелъ,
Глаза у него какъ чаши питейныя,
Носище какъ палка древокольная.

(К., IV, 22, 23).

Хлѣба онъ ѣстъ по три пуда въ одинъ пріемъ, вина духомъ пьетъ по ведру за разъ (К., IV, 28). Сидитъ онъ у князя Владиміра въ новомъ теремѣ, у княгини держитъ руки въ пазухѣ (К., IV, 19) (Ср. описаніе Идолища у Р., I 87, 88, 92, 277 и 278, II, 165 и 166).

Почти въ тѣхъ же словахъ, въ былинѣ объ Алешѣ Поповичѣ, описывается Тугаринъ Змѣевичь:

Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ сажень,
Промежь плечей косая сажень,
Промежь глазъ калена стрѣла,
Конь подъ нимъ какъ лютый звѣрь,
Изъ хайлища пламень пышетъ,
Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ.

(К. Д., 183).

и далѣе:

Несутъ Тугарина Змѣевича
На той доскѣ красна золота
Двѣнадцать могучихъ богатырей,
Сажали въ мѣсто большее...
А Тугаринъ нечестно хлѣба ѣстъ,
По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ,
Тѣ ковриги монастырскія,
И нечестно Тугаринъ питья пьетъ,
По цѣлой чашѣ отхлестываетъ,
Котора чаша въ полтретья ведра.

(К. Д., 187).

Грудь у него черная; зареветъ онъ—дрогнетъ дуброва, самъ Алеша едва живъ идетъ. Во время боя Тугаринъ хочетъ огнемъ спалить, а сидя на конѣ, летаетъ по поднебесью на бумажныхъ крыльяхъ.

(К. Д., 184 и 192).

Самая борьба Алеши съ Тугаринымъ происходитъ также, какъ и борьба богатырей съ другими, простыми людьми; побѣда остается на сторонѣ Алеши.

Рядомъ съ великанами нашъ былинный эпосъ знаетъ и великаншъ. По одной изъ былинъ о битвѣ съ Мамаемъ, послѣ побитія его войска, на широкое поле Куликово появляется *Бабище Мамашина:*

Головища у бабы съ дощанище,
А глазищи-то съ пивны корцы.

Она бьется съ Ермакомъ, который и одолѣваетъ ее, но только при помощи Ильи Муромца (П. и обр., 152).

Другая былина (К. Д., 365) изображаетъ въ подобныхъ же чертахъ Бабу Горынинку и побѣду надъ ней Добрыни, тоже при помощи Ильи (Ср. тоже у Р., I, 65). При этомъ былина Кирши прибавляетъ, что у Горынинки былъ глубокой погребецъ, въ которомъ богатыри нашли много злата, серебра и цвѣтного русскаго платья.

Жена Добрыни (Кир., II, 29 и Р., I, 128) тоже великанша: она изображается, какъ воинственная паленица, женщина великая, ѣздящая на вѣщемъ конѣ (см. ниже), которой были нечувствительны три тяжелые удара Добрыни; она посадила было его въ свой глубокъ карманъ, но потомъ вздумала выйдти за него замужъ, потому что онъ ей понравился.

2) *Вѣщія женщины;* таковы:

Жена Михаила Потока или Потыка, красавица Авдотья или Марья, которая представляется въ былинахъ одаренною свойствами чудесными. Какъ дѣвица, она оборотень, лебедь бѣлая:

Она черезъ перо была вся золота,
А головушка у ней увивана краснымъ золотомъ
И скатнымъ жемчугомъ усажена.
(К. Д., 217, ср. Р., I, 206, 207).

Какъ замужняя женщина, она чаровница: по одному пересказу, она ищетъ мудрости надъ мужемъ и обмираетъ (К. Д., 222), по другимъ — обращаетъ его въ камень и поитъ его зельемъ спящимъ или питьемъ забудущимъ (Р., I, 212, 222, 225, 234, II, 75, 79, 83, 86); съ этими свойствами сверхестественными, которымъ былины не сочувствуютъ и за которыя называютъ ее лукавою (Р., I, 214), еретницею (К. Д., 224), роду невѣрнаго и некрещенаго

(Р., I, 208), соединяются и нравственные пороки: она обманываетъ мужа, измѣняетъ ему и вредитъ разными способами, за что Потыкъ наконецъ ее убиваетъ.

Прелестница Марина Игнатьевна; она имѣетъ способность оборачиваться, она любовница Змѣя Горыныча, она знаетъ разные колдовства и заговоры, посредствомъ которыхъ можетъ оборачивать другихъ. Былины также называютъ ее еретницею, стратницею и пр. и повѣствуютъ о козняхъ ея противъ Добрыни, изъ которыхъ однакожь онъ выходитъ торжествующимъ.

3) *Огненные Змѣи,* побѣждаемые богатырями.

Змѣй Горынычь или Горынчище, по пересказу К., II, 23 и Р., I, 123, описывается слѣдующими словами:

Вѣтра нѣтъ, тучу наднесло,
Тучи нѣтъ, а только дожжь дожжитъ,
Дожжя — то нѣтъ, искры сыпятся,
Летитъ змиище Горынчище,
О двинадцати змия хоботахъ,
Хочетъ змия его съ конемъ сожечь,
Сама говоритъ таково слово:
«Теперича Добрыня въ моихъ рукахъ,
«Захочу Добрыню теперь потоплю,
«Захочу—Добрыню въ хобота возьму,
«Въ хобота возьму, на Русь снесу,
«Захочу—Добрыню съѣмъ-сожру».

Змѣй водится съ развратною Мариной (Кир., II, 41, 45 48, 53); Добрыня выгналъ его изъ ея палатъ, и Змѣй убѣжалъ, хвостъ поджавъ (К., II, 56). Змѣй живетъ на водѣ, и Добрыня убилъ его именно на берегу рѣки, изъ которой онъ выплылъ; Змѣй похитилъ было сестру Владиміра Марью Дивовну (К., VI, 52) или его племянницу Запаву Путятишну (К., II, 26 и слѣд., Р., I, 124 и слѣд.), но Добры-

ня освободилъ ее и, по пересказу К. Д., въ бѣлокаменныхъ пещерахъ Змѣя нашелъ много злата, серебра.

Какъ извѣстно, преданье о похищеньи женщинъ Огненнымъ Змѣемъ, борьбѣ съ нимъ богатыря и освобожденіи похищенной — одинъ изъ самыхъ распространенныхъ мотивовъ народнаго эпоса у многихъ народовъ; этотъ мотивъ существуетъ на Руси и въ сказкахъ, и въ духовныхъ стихахъ, и даже въ житіяхъ святыхъ [1]).

Въ двухъ олонецкихъ пересказахъ одной былины о Добрынѣ (Р., II, 13, 14) упоминается сверхестественное существо *Невѣжа:*

Невѣжа то середи дня летаетъ чернымъ ворономъ,
По ночамъ ходитъ Змѣемъ Тугариновымъ,
А по зорямъ то ходитъ добрымъ молодцемъ.
(Р., II, 16).

Какъ Змѣй Горынычь, Невѣжа застаетъ Добрыню во Пучай рѣкѣ, но Добрыня его

Разсѣкъ-разрубилъ на мелки части,
И огня то расклалъ, на огнѣ его сожегъ.
(Р., II, 17).

Змѣя подземельная, упоминаемая въ былинахъ о Михайлѣ Потокѣ, тоже погибаетъ отъ него или ему подчиняется.

Къ числу проявленій чудеснаго, обращенныхъ на пользу богатырей, принадлежатъ *вѣщіе кони*, которые отличаются чрезвычайно скорымъ бѣгомъ, чуткостью и тѣмъ, что могутъ говорить человѣческимъ голосомъ. Такихъ коней былины знаютъ у Добрыни (К., II, 23, 33, Р., I., 133, Р., II, 27, 34), Ивана Гостинаго сына (К., III, 26), Михайла

---

[1]) См. напр. Сказки *Аѳанасьева* вып. I, 71, 97 и слѣд., *Кирѣевскаго* Дух. стихи, 2 и слѣд., *Буслаева* Очерки, т. I, статья о муромской легендѣ о Петрѣ и Февроніи.

Потыка (Р., I, 215), Дюка Степановича (Р., I, 298, II, 182). Такіе же кони у великана Тугарина (К. II, 72) и великанши жены Добрыниной (К. II, 29 и Р. I, 129). Вѣщіе кони извѣстны изъ сказокъ (см. напр. Ск. *Аѳанасьева*, I, 74, II, 74, 87). Должно замѣтить, что описаніе чудесныхъ поскоковъ вѣщаго коня принадлежитъ къ числу тѣхъ эпическихъ описаній, которыя постоянно повторяются въ былинахъ; оно примѣняется ко всякимъ конямъ, хотя бы и не чудеснымъ.

Кромѣ того, чудесное, благопріятное богатырямъ, проявляется еще въ слѣдующихъ случаяхъ:

Различныя знаменія природы, сопровождаютъ рожденіе богатыря Добрыни (П. и обр., 360, К., II, 1, 2, 9).

Чудесное пойло придаетъ богатырю силу; такимъ пойломъ калики отпоили Илью Муромца (К., I, 1, IV, Р., I, 34, II, 2, 3). Подобно тому и въ сказкѣ «Норка звѣрь», только испивъ такой «сильной» воды, царевичь могъ поднять мечь кладенецъ и убить Норку (см. Р. сказки *Аѳанасьева*, вып. I, 31).

Посредствомъ *живой и мертвой воды* Хотенъ воскрешаетъ своихъ шурьевъ (П. и обр., 381), Алеша Добрыню (К., IV, 112), а Михайло Потыкъ свою жену (Р., I, 219, II, 62). Потоку приноситъ такую воду змѣя, а Хотену и Алешѣ вѣщій воронъ, какъ и въ сказкахъ (см. Р. ск. *Афан.*, вып. I, стр. 125). По пересказу К. Д., Михайло Потокъ свою жену, которая обмерла, пробуждаетъ тѣмъ, что мажетъ тѣло ея *головою змѣиною* (К. Д., 224). Змѣиныя головы, зашитыя въ наузахъ, какъ охрана отъ болѣзней, упоминаются и въ одномъ заговорѣ, приводимомъ г. Терещенкомъ: «въ моихъ узлахъ сила могуча, сила могуча змѣйная сокрыта, отъ змѣя двунадесятьголоваго, того змѣя страш-

наго. Въ моихъ узлахъ зашиты злою мачихою змѣиныя головы» [1]).

Съ чудомъ соединяется и *смерть богатырей*: отъ крови Дуная, лишившаго себя жизни, потекла рѣка, прозванная въ память его Дунаемъ (П. и обр., 167, 377, Р., I, 185 и 186, 194, 197, II, 51). По пересказамъ Рыбникова, отъ крови жены Дунаевой Настасьи Королевшины тоже потекла рѣка.

Воскрешеніе казненнаго атамана каликъ Ѳомы Ивановича (К., III, 84 и слѣд.) составляетъ полную его апоѳеозу: его спутники, подозрѣвая его въ нарушеніи каличьей заповѣди, копали ему очи ясныя,

И тянули языкъ съ теменемъ,
И копали въ сыру землю по бѣлымъ грудямъ.

Когда же онъ оправдался, то

За правду его великую —
Послалъ Господь двухъ ангеловъ,
И вложили душеньку въ бѣлы груди,
И приставили очи ясныя къ бѣлу лицу.
И пошелъ атаманъ Ѳома сударь Ивановичь
по чисту полю....

Это воскресеніе при участи ангеловъ представляется вымысломъ обратнымъ въ отношеніи къ извѣстному разсказу духовнаго стиха объ исходѣ души изъ тѣла и пріемѣ ея ангелами (см. Р. Дух. стихи, собр. *П. В. Кирѣевскимъ*, стр. 40).

По пересказу той же былины у К. Данилова, атаманъ каличій, несправедливо обвиненный въ воровствѣ, шесть

---

[1]) Бытъ Русскаго народа, т. VI, 16.

мѣсяцевъ просидѣлъ въ землѣ, зарытый по поясъ, а когда, на обратномъ пути, калики нашли его, то атаманъ

Выскакивалъ изъ сырой земли,
Какъ ясенъ соколъ изъ тепла гнѣзда.
(стр. 237).

Чудесная кончина Ильи Муромца тоже какъ бы составляетъ его апоѳеозу: по одному пересказу, онъ каменѣетъ въ то время, какъ началъ строить церкву Пещерскую (П. и обр., 356, ср. К., IV, 52). Такое представленіе прямо соотвѣтствуетъ храненію мощей преподобнаго Ильи Муромца въ Кіевскихъ пещерахъ. Самый мотивъ окаменѣнія стоитъ въ связи съ очень распространеннымъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи повѣрьемъ о томъ, что камни или скалы, существующіе въ этихъ мѣстахъ, суть окаменѣлые люди [1]).

Былина «съ какихъ поръ перевелись витязи на святой Руси» (К., IV) распространяетъ преданіе объ окаменѣніи Ильи Муромца и на другихъ богатырей, при чемъ даетъ ему смыслъ нѣсколько иной: окаменѣніе постигаетъ богатырей какъ казнь за гордую самонадѣянность, которая побудила ихъ вступить въ бой уже не съ простыми людьми, а съ воителями нездѣшними [2]). Этотъ

---

[1]) См. смоленское преданіе «о дѣвицахъ, каво игры творили», записанное въ Цвѣтникѣ XVII вѣка и напечатанное въ приложеніяхъ къ рѣчи *Буслова* «о народной поэзіи въ древней русской литературѣ», также тульское преданіе «о Башѣ и Банихѣ», сообщенное въ Русскихъ народныхъ праздникахъ, Снѣгирева, ч. IV, стр. 69.

[2]) Замѣтимъ кстати, что образъ этихъ нездѣшнихъ воителей ангеловъ не разъ является въ нашей старинной литературѣ: см. Ник. л., т. II, стр. 42 и 43, разсказъ о битвѣ Русскихъ съ Половцами на р. Сальницѣ въ 1112 году, сказаніе о Невскомъ побоищѣ въ Ник. лѣтоп. подъ 1241 г. (т. III, стр. 13), и въ Лавр. л., подъ 1263 г., П. С. Р.

видъ преданія важенъ въ томъ отношеніи, что указываетъ на человѣческій характеръ богатырей: по смыслу его, они погибаютъ именно потому, что хотѣли стать выше своей человѣческой природы.

Обозрѣніе эпизодовъ чудеснаго въ былинахъ вообще приводитъ къ тому заключенію, что эти явленія чудеснаго присоединяются къ бытовому дѣйствительному содержанію былинъ всегда прямо и непосредственно, какъ самостоятельный, по воззрѣнію народа, фактъ жизни; чудесныя явленія былинъ никогда не исходятъ изъ лица самихъ богатырей, какъ высшихъ существъ, могущихъ распоряжаться судьбою людей по своему произволу; а такимъ образомъ и въ соприкосновеніи съ чудомъ богатыри остаются простыми людьми.

Сохраняя эту человѣческую природу богатырямъ, былины очевидно придаютъ главное значеніе нравственнымъ ихъ свойствамъ; и дѣйствительно—нравственный характеръ нѣкоторыхъ изъ богатырей очерченъ народнымъ творчествомъ довольно подробно и болѣе или менѣе сочувственно, такъ что эти лица являются какъ-бы идеальными типами, въ которыхъ народъ олицетворилъ свои нравственныя идеи.

Л., т. I, стр. 206), также одну изъ редакцій сказанія о св. Меркуріи Смоленскомъ въ Ист. Оч. *Буслаева*, т. II, стр. 174 и 175); сравн., также Лавр. л., подъ 1110 годомъ, по поводу знаменья въ Печерскомъ монастырѣ: «ангелъ приставленъ къ которой убо земли, да соблюдають куюжьдо землю, аще суть и погани; аще Божій гнѣвъ будеть на кую любо землю, повелѣвая ангелу тому на кую любо землю бранью ити, то оной землѣ ангелъ не воспротивится повелѣнью Божью. Яко и се бяше и на ны навелъ Богъ, грѣхъ ради нашихъ, иноплеменники поганыя, и побѣжахуть ны повелѣньемъ Божьимъ: они бо бяху водими ангеломъ, по повелѣнью Божью» (П. С. Р. Л., т. I, стр. 122).

Соберемъ главныя черты, которыми былины характеризуютъ эти лица въ нравственномъ отношеніи; а такъ какъ и общественныя ихъ отличія тѣсно связаны съ нравственными, то нельзя обойдти и сихъ послѣднихъ.

Главное лицо между богатырями дружинниками, окружающими Владиміра, есть *Илья Муромецъ*—знамени тѣйшій представитель русскаго богатырства, побѣдитель Соловья разбойника и Идолища, заступникъ князя Владиміра передъ татарскимъ нашествіемъ.

Илья Муромецъ — сынъ крестьянина; онъ дорожитъ своими родовыми связями съ сельскимъ населеніемъ и созданное ими общественное положеніе не хочетъ мѣнять на иное, даже болѣе значительное: такъ Смолягинцы (по другимъ пересказамъ, Черниговцы), которыхъ онъ освободилъ отъ татарской осады, зовутъ его къ себѣ воеводою, но онъ отказывается:

«Не дай Господи дѣлати съ барина холопа,
«Съ барина холопа, съ холопа дворянина,
«Дворянина съ холопа, изъ попа палача,
«А также изъ богатыря воеводу».
(Р., II, 328).

Уже съ запасомъ знаменитыхъ подвиговъ приходитъ онъ ко Владиміру: онъ заявляетъ о своей побѣдѣ надъ Соловьемъ разбойникомъ, и непостижимо, невѣроятно кажется Владиміру это торжество надъ страшнымъ великаномъ, долговременнымъ врагомъ людей кіевскихъ; сила, никѣмъ невиданная доселѣ, необходима была для такого дѣла, и именно *силою—ухваткою*, какъ отличительною чертою, былины характеризуютъ Илью (К., III, 55, Р., I, 120, 195, II, 21). Только ей одной покоряется Соловей разбойникъ: онъ не слушаетъ приказовъ князя Владиміра и говоритъ ему въ отвѣтъ:

«Не твоя слуга, не тебѣ служу, не тея и слушаю:
«Я служу и слушаю Илью Муромца».
(П. и обр., 119, ср. у Р., I и II).

Чуя приближеніе этой могучей силы, другой противникъ Ильи, Збутъ королевичъ, отвязываетъ своего пса отъ стремени, отпускаетъ съ руки яснаго сокола, приговаривая имъ:

«А теперь мнѣ не до тебя пришло».
(К. Д., 362).

Въ сознаніи своей неодолимой силы Илья даже невсегда употребляетъ ее въ дѣло, но только заявляетъ о ней врагамъ: въ чистомъ полѣ напали на него разбойники; Илья не защищается:

Что снимаетъ ли старый свой тугій крѣпкій лукъ,
Онъ пускаетъ ли калену стрѣлу во сырой толстый дубъ,
Раскололъ онъ этотъ дубъ на четыре грани.
Вотъ и тутъ ли разбойнички испугалися,
По чистому полю разбѣжалися.
(К., I, 16).

Вмѣстѣ съ этой неодолимой силой плоти нашего богатыря отличаетъ его *таланъ-участь* (Р., I, 130), его судьба, которую онъ самъ себѣ создаетъ, руководимый своими нравственными свойствами и инстинктами.

Какъ въ бою противъ трехъ богатырей онъ

стоитъ — не шатнется,
На буйной головѣ колпакъ не тряхнется,
(К., IV, 47),

такъ же стоекъ онъ и въ людскихъ отношеніяхъ: среди пестрой дружины княжеской онъ вѣрный представитель крестьянства: на врага въ чистомъ полѣ онъ смотритъ не изъ трубочки серебряной, какъ Добрыня, а по просту изъ кулака молодецкаго (К., I, 50); богатство ему не къ разу-

му (К., I, 32); онъ не принимаетъ на себя никакихъ обязанностей, кромѣ долга богатырскаго, ради котораго онъ пришелъ въ Кіевъ,

къ князю Владиміру
На поможеніе и сбереженіе.
(К., I, 25, ср. Р., I и II).

Эти слова свидѣтельствуютъ — съ какой довѣрчивостью смотритъ Илья на самого князя; порою это чувство переходитъ въ нѣжную отеческую заботливость: Владиміръ проситъ Илью заставить Соловья свиснуть громкимъ голосомъ, Илья исполняетъ просьбу только съ слѣдующею предосторожностью:

«Ужь ты батюшка нашъ Владиміръ князь!
«Не во гнѣвъ бы теѣ, батюшка, показалосе:
«Я возьму тея, батюшку, подъ пазушку,
«А княгиню ту подъ другую».
(П. и обр., 119, ср. К., I, 30).

Тоже благодушіе видно и въ обращеніи Ильи съ его товарищами богатырями. Онъ одинъ старикъ между ними, но не раздражительно, а степенно, съ благоразуміемъ, приличнымъ человѣку опытному и бывалому, относится онъ къ людямъ иного, юнѣйшаго поколѣнія: то помогаетъ ослабѣвающему въ битвѣ Добрынѣ, то учитъ Дюка богатырской поѣздкѣ (Р., II, 164), то, стоя на заставѣ, разсуждаетъ о нравѣ товарищей и сообразно съ нимъ, опредѣляетъ кому идти противъ приближающагося врага. Однажды Алеша Поповичь раздосадовался на Илью; но и тутъ Муромецъ не вышелъ изъ себя или, лучше сказать, великодушно сдержалъ свой гнѣвъ: Алеша кинулъ въ него ножемъ,

*

Ымалъ на полету Илья булатный ножъ,
Взоткнулъ его въ дубовой столъ.
(П. и обр., 120).

Илья благодушенъ даже съ врагами. Мы видѣли выше, какъ онъ только пугнулъ своей силой разбойниковъ, на него напавшихъ. Только врагамъ иноплеменнымъ онъ не знаетъ пощады: при осадѣ Чернигова

Побивалъ онъ всѣхъ Татаръ черныхъ
Съ перваго до послѣдняго.
(К., I, 26).

Съ благодушіемъ въ нравѣ его соединяется и скромность: побѣдивши врага, котораго не могъ одолѣть никто другой изъ богатырей, Илья ограничивается слѣдующею похвальбою:

«Ѣздилъ во полѣ тридцать лѣтъ, —
«Экаго чуда не наѣзживалъ».
(К., I, 52).

Благодушіе и скромность не мѣшаютъ однако Ильѣ сохранять полную независимость своего характера. Эту независимость онъ обнаруживаетъ преимущественно въ своихъ отношеніяхъ къ княжескимъ дружинникамъ. Простой крестьянинъ, Илья не подчиняется образу ихъ дѣйствій и поступковъ; такъ, при наступленіи Мамая на Кіевъ, Владиміръ совѣтуется съ дружиною о томъ, какъ съ нимъ воевать. Трусливые князья и бояре говорятъ,

Что дѣлать надо стѣну бѣлокаменну,
Да засыпать желтымъ пескомъ,

а Илья подаетъ совѣтъ

Послать къ Мамаю скора гонца,
Попросить сроку на три мѣсяца,
Чтобы силамъ намъ поисправиться,
А могучимъ богатырямъ посъѣхаться.
(П. и обр., 145).

Когда прочіе дружинники хотятъ подслужиться князю чужой женою, а мужа ея погубить, одинъ Илья возвышаетъ голосъ:

«Ужь ты батюшка, Володиміръ князь!
«Изведешь ты ясново сокола:
«Не пымать тебѣ бѣлой лебеди!»
(П. и обр., 83).

Врагъ наушничества, Илья самъ дѣлается жертвою боярской клеветы: однажды бояре подмолвились князю:

«Гой еси, батюшко, Владиміръ князь!
«Всѣмъ то намъ твои дары по любви пришли,
«Одному то удалому молодцу
«Дары тѣ не по любви пришли,
«Что поимени то Ильѣ Муромцу».
(П. и обр., 306).

И князь велитъ Илью посадить въ глубокъ погребъ.

Такимъ образомъ, уступая навѣтамъ боярскимъ, Владиміръ нарушаетъ дружественныя отношенія къ Муромцу. Естественно рождаясь отъ того пристрастія къ наушничеству, которымъ характеризуется русскій князь издревле, эта враждебность отношеній рѣзкими чертами обозначена въ нѣкоторыхъ былинахъ,—вѣроятно подъ вліяніемъ позднѣйшихъ отношеній центральной власти и близкихъ слугъ ея къ сельскому населенію.

Съ своей стороны, и Муромецъ начинаетъ подозрительно смотрѣть на князя, къ которому такъ довѣрчиво относился сначала: однажды Илья приходитъ на пиръ Владиміровъ, не узнанъ княземъ и посаженъ имъ не съ боярами, а съ дѣтьми боярскими:

«Не умѣлъ ты гостя по пріѣздѣ учевствовать,
«На отъѣздѣ гостя не учевствуешь,
«Самъ ты сидѣлъ со воронами,
«А меня садилъ съ воронятами»
(К., IV, 49, ср. Р., II, 334).

отвѣчаетъ онъ Владиміру. По другой былинѣ, Владиміръ забылъ позвать Илью къ себѣ на пиръ:

Тутъ Ильюшенькѣ стало зарко:
Скоро онъ тянулъ тугій лукъ,
Кладываетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ онъ тутъ по Божьимъ церквамъ,
По Божьимъ церквамъ, да по чуднымъ крестамъ,
По тынмъ маковкамъ золоченымъ.

(Р., I, 95).

Нѣкоторыя былины только и знаютъ, что враждебныя отношенія между Владиміромъ и Ильей даже при первомъ его появленіи (К., I, 77 и слѣд. Р., I, 323); другія вмѣстѣ съ ссорой знаютъ и примиреніе Ильи съ княземъ (П. и обр., 81 и слѣд., 305 и слѣд.). Вообще многія былины придаютъ Ильѣ прозвище стараго казака и атамана, вѣроятно подъ вліяніемъ позднихъ непріязненныхъ отношеній, между высшимъ классомъ и крестьянствомъ; какъ извѣстно, эти отношенія содѣйствовали распространенію казацкихъ вольницъ на русскихъ украйнахъ. Представляемый казакомъ, Илья Муромецъ въ одной казацкой пѣснѣ становится даже современникомъ и товарищемъ Стеньки Разина [1]).

---

[1]) См. *Сахарова* Ск. Р. Н., I, 245. Такое измѣненіе общественнаго характера героевъ народнаго эпоса замѣтно и въ поэзіи другихъ народовъ; такъ напр. въ древнѣйшихъ поэтическихъ памятникахъ средневѣковой Испаніи Сидъ представляется какъ непокорный вассалъ Альфонса VI, наказанный его гнѣвомъ, нарушитель договоровъ, наемный слуга арабскихъ князей, а въ позднѣйшихъ романсахъ онъ выведенъ какъ томный любовникъ Химены и представитель самыхъ утонченныхъ понятій о рыцарской чести и вѣрности (указаніе *Дози,* въ его Recherches sur l'histoire politique et littéraire de l'Espagne pendant le Moyen Age, t. I, Leyde, которое мы приводимъ со словъ *Грановскаго* (Соч., т. II, 227), потому что подлинника не имѣли подъ руками).

Въ ладу или не въ ладу съ княземъ, Илья всегда подчиняетъ свои подвиги, свою дѣятельность началу нравственному и религіозному: отправляясь изъ дому въ Кіевъ, онъ ставитъ часовню со своимъ именемъ (П. и обр., 116) или же служитъ обѣдни запрестольныя, кладетъ завѣты великіе, ставитъ свѣчу дорогую и сулитъ другую, еще дороже, за поправленіе во пути во дороженкѣ (К., I, 77). Его подвиги — не безцѣльный размахъ силы, но защита слабымъ и угнетеннымъ: когда Идолище обнасильничалъ Кіевъ, Илья спѣшитъ освободить стольный городъ; встрѣчая въ полѣ дѣвушку, бѣжавшую отъ соблазнителя Алеши, онъ ей выговариваетъ:

«Охъ ты гой еси, душа ли красна дѣвица!
«Охъ ты что мнѣ да но не сказалася?
«Я бы съ Олешей перевѣдался,
«Я бы снялъ съ Олеши буйну голову.»
(К., I, 5, ср. 92 и 93).

Тѣснимый врагомъ Сокольничкомъ, Илья взмолился Богу:

«Сколько я стоялъ за вѣру христіанскую,
«Еще болѣ я стоялъ за церковь Божію;
«Сколько я стоялъ за благочестивыхъ вдовъ,
«За тѣхъ благочестивыхъ вдовъ, за безмужнихъ женъ,
«Благочестивыя жены, безмужнія вдовы,
«Онѣ были богомольныя,
«День и ночь онѣ Богу молятся».
(К., IV, 16, ср. П. и обр., 358).

Конечно цѣною этихъ подвиговъ заслужилъ онъ милость свыше: по крайней мѣрѣ былины вводятъ въ его судьбу непосредственное участіе силъ неземныхъ:

Написано было у святыхъ отцевъ,
Удумано было у Апостоловъ:
Не быть Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому.
(К., I, 51, ср. Р., I, 58).

Этотъ то завѣтъ и осуществился въ томъ, что Илья окаменѣлъ въ Кіевскихъ пещерахъ.

Это религіозное освященіе личности Ильи Муромца объясняется тѣмъ, что въ лицѣ его народное творчество съ большою полнотою воплотило лучшія нравственныя понятія и стремленія Русскаго народа и потому естественно не могло не связать ихъ съ народными вѣрованіями и религіозными убѣжденіями.

Добрыня по происхожденію княжичь. Между тѣмъ какъ Илья Муромецъ является въ дружинѣ Владиміровой какъ представитель крестьянства, во всей простотѣ сельскаго быта, Добрыня — представитель высшаго слоя общества, даже не бояринъ, но родственникъ самого Владиміра, какъ бы князь безъ удѣла. Иныя былины и называютъ его княземъ (П. и обр., 360 и слѣд., ср. К., II, 4 и слѣд.), но тѣмъ не менѣе вообще онѣ представляютъ его не какъ лицо вполнѣ независимое, а какъ члена Владиміровой дружины, на ряду съ прочими дружинниками.

Лицо изъ высшаго сословія общества, богачь (К. Д., 345), Добрыня служитъ представителемъ высшей степени образованности, возможной въ его время (П. и обр., 114):

А и будетъ Добрыня семи годовъ,
Присадила его матушка грамотѣ учиться:
А грамота Добрынѣ въ наукъ пошла;
Присадила его матушка перомъ писать.
(К. Д., 345).

Оттого онъ и слыветъ за человѣка «грамотой востраго» (Р., II, 174, 334).

Кромѣ того онъ мастеръ пѣть и играть на гусляхъ или гудкѣ, такъ что переодѣтый въ платье скоморошеское — онъ не былъ узнанъ ни матерью, ни княземъ Владиміромъ; онъ и стрѣлецъ превосходный (К., II, 88), и плавать гораздъ

(К., II, 25, Р., I, 123), и игрокъ умильный въ тавлеи-шахматы:

Съ измалехонька Добрынюшка тѣшился,
Съ малыми ребятами игрывалъ.
(К. II,, 85).

Онъ и борецъ отличный:

Съ измалехонька Добрынюшка тѣшился,
Съ малыми ребятушками барывался.
(К., II, 86, ср. К., III, 56).

Онъ знаетъ всѣ тонкости людского обращенія: онъ человѣкъ почестливый, учтивый (П. и обр., 357). Входитъ ли въ палаты княжескія, онъ

Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Солнышку Владиміру во особину.
(К., II, 34, Р., I, 133).

Наѣдетъ ли врага въ полѣ, онъ

знаетъ, какъ съ богатыремъ съѣхаться,
Знаетъ, какъ богатырю честь отдать.
(К., IV, 13).

И у врага онъ

Будетъ спрашивать про имя, по вотчину.
(П. и обр., 357).

Владиміра онъ упрекаетъ, что князь не умѣлъ гостя на пріѣздѣ учествовать,—не учествуетъ и на отъѣздѣ (К., IV, 48). О немъ молва, что за нарушеніе учтивости, за поступки неумильные онъ способенъ даже отрубить буйну голову (К., II, 35, Р., I, 134).

Онъ на рѣчахъ разуменъ (Р., II, 174, 334, ср. П. и обр., 114):

У него ли рѣчи привѣтливы,

У него ли рѣчи умильныя,
Онъ прельститъ и уговоритъ.
(Р., I, 195).

Совокупность всѣхъ этихъ свойствъ, отличающихъ Добрыню, былины называютъ вѣжествомъ (К., II, 31, ср. Р. I и II). Это вѣжество «прирожденое», стало быть наслѣдованное Добрыней отъ предковъ, свойственное его княженецкому роду. Его вѣжество и происхожденіе дали направленіе его дѣятельности, и вотъ какія службы справлялъ Добрыня при Владимірѣ:

Три года у князя стольничалъ,
Да три года у князя харешничалъ,
Да три года у князя въ приворотничкахъ былъ.
(К., Д., 61, К., II, 41, ср. 48)

Наконецъ бывалъ онъ, и не разъ, во послахъ (К., II, 84, III, 54, П. и обр., 114).

Впрочемъ ловокъ Добрыня и въ бою: онъ убилъ Змѣя Горыныча, перебилъ много Татаровей,

Съѣздилъ въ дальны орды немирныя,
Вырубилъ Чудь бѣлоглазую,
Прекротилъ Сорочину долгополую
И тѣхъ Черкесъ Пятигорскіихъ,
А и тѣхъ Калмыковъ со Татарами,
Чукши всѣ и Алюторы.
(К. Д., 201).

Въ бою онъ легко увлекается:

Молодецкое сердечушко разгорчивое и неунывчивое.
(К., II, 41).

и далеко не такъ стоекъ, какъ Илья: когда богатырь нахвальщина напущалъ на него своего коня,—

Подъ Добрыней конь на колѣнца палъ;
Добрыня Никитичь младъ
Господу Богу взмолится,

И Мати Пресвятой Богородицѣ:
«Унеси, Господи, отъ нахвальщика.»
Подъ Добрыней конь поспрявился,—
Уѣхалъ на заставу богатырскую.

(К., I, 49).

Былины коротко знаютъ нравъ Добрыни въ частной жизни: человѣкъ тихій и смирный (Р., I, 195), онъ исполненъ уваженія къ своей матери: напутствуемый ея благословеніемъ, ѣдетъ онъ на богатырскіе подвиги; ея надзору поручаетъ онъ свою молодую жену, отъѣзжая на далекую службу. Знаютъ былины и его гульбу по Кіеву, и его сношенія съ еретницей Мариной,—вѣроятно въ ранней молодости, но тѣмъ не менѣе выставляютъ его нѣжнымъ и попечительнымъ мужемъ, который милостиво принимаетъ жену, принужденную склониться на бракъ съ Алешей вовремя Добрынина отсутствія.

Не одинъ Добрыня служитъ въ былинахъ представителемъ высшаго зажиточнаго и образованнѣйшаго класса: таковы, бояринъ Ставръ Годиновичь и княжескій ловчанинъ Данило Денисьевичь, оба извѣстные въ былинахъ по своимъ вѣрнымъ женамъ; таковы и молодые бояре Дюкъ Степановичь, Чурила Пленковичь, Хотенъ Блудовичь. Не такъ славны они своими подвигами, какъ богатствами или житьемъ-бытьемъ—черта, напоминающая о той роскошной и богатой жизни, которою славился Кіевъ XI, XII вѣковъ даже на западѣ. «Боярскіе роды хвастливые», замѣчаетъ одна былина (К., IV, 8), и дѣйствительно эти бояре, и старые и молодые, не прочь похвалиться своимъ житьемъ-бытьемъ.

Хвастовство и чванство особенно отличаютъ молодого богача *Дюка Степановича,* боярскаго или княженецкаго сына. Онъ только на время пріѣзжаетъ къ князю Владимі-

ру изъ далекихъ странъ, изъ Волынца Красна Галичья или даже, по нѣкоторымъ пересказамъ, изъ Индѣи богатой, но въ свое непродолжительное пребываніе въ Кіевѣ онъ успѣваетъ перещеголять всѣхъ блескомъ своихъ одеждъ и, благодаря своимъ превосходнымъ конямъ, выиграть огромный закладъ у Чурилы (по другимъ пересказамъ, у Алеши Поповича); на пиру у Владиміра Дюкъ чванливо брезгуетъ княжескимъ угощеніемъ, противуполагая ему свое роскошное житье-бытье: это возбуждаетъ любопытство Владиміра, и онъ посылаетъ къ Дюку оцѣнщиковъ, но тѣ, видя неисчислимыя богатства, пишутъ князю такой отвѣтъ:

«Ты славный Владиміръ стольно-Кіевскій!
«Продай-ко свой стольно-Кіевъ градъ
«На эти бумаги на гербовыя,
«Да на чернила, перья продай още Черниговъ градъ,
«Тогда можешь Дюково имѣнье описывать».
(Р., I, 295).

Имѣнье-богатство Дюка вошло даже въ пословицу между богатырями.

Личность *Чурилы Пленковича* очерчена въ былинахъ многими яркими подробностями. Чурила чрезвычайно богатъ и красивъ собою: у него

Волосики—золота дуга—серебряная,
Шея у Чурилы быдто бѣлый снѣгъ,
А личико быдто маковъ цвѣтъ,
Очи быдто у ясна сокола,
Брови быдто у черна соболя.
(Р., I, 264).

Встанетъ Чурила ранехынько,
Умывается Цыпленковичь бѣлехынько;
Надѣватъ сапожки — зеленъ сафьянъ,
Пятки гладки, носки плоски,

Кругъ пяты—хоть пщемъ прокати,
Подъ пяту воробей проскачи.
(П. и Обр., стр. 120 и 121).

Ѣздитъ ли онъ со своей дружиною,

Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ,
Чтобъ не запекло солнце бѣла его лица.
(К., Д., 162).

Владиміръ охотно беретъ такого красавца къ себѣ въ придворную службу, и Кіевлянъ поражаетъ красота Чурилы, особенно его «походкащапливая,» не разъ прославляемая былинами:

Онъ добро по городу погуливалъ:
Подъ нимъ травка муравка не топчется,
Лазоревый цвитокъ не ломится,
Зеленъ сафьянъ на немъ не тряхнется.
Что съ вечера порона порошила,
Съ полуночи выпалъ бѣлый снѣгъ,
Выпалъ бѣлый снѣгъ во весь бѣлый свѣтъ.
По той то порошѣ два слѣдочка лежатъ,
Малымъ то малы коротешеньки.
Стары старики собиралися,
Они тѣмъ слѣдкамъ дивовалися:
«Чьи эти слѣдки малешеньки,
«Малымъ то малы коротешеньки?
«Это молода Чурилы, сына Пленковича».
(П. и обр., 259 и 260).

Заглядѣлись на Чурилу всѣ люди тѣ:
Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещатъ,
Гдѣ молодушки глядятъ—лишь оконенки звенятъ,
Гдѣ стары глядятъ, манатьи на себѣ берутъ.
(П. и обр., 121).

На пиру заглядѣлась на Чурилу и княгиня Апраксѣевна.

Порѣзала княгиня руку бѣлую,
Со стыду со сраму подъ столъ руку свѣсила

(П и обр. 120).

У князя Чурила справляетъ должности стольника, позовщика и постельника.

Своими нравственными свойствами щеголь Чурила выражаетъ всю испорченность исключительно придворной жизни: онъ изнѣженъ ея роскошью, онъ самоувѣренъ и спѣшитъ заклеймить насмѣшкою чужія достоинства, которымъ самъ завидуетъ; такъ, онъ передъ Владиміромъ оговариваетъ Дюка въ самохвальствѣ и гордости, завидуя его богатству (К. Д., 27). Наконецъ, избалованный своей красотою, онъ страстный искатель любовныхъ приключеній: онъ соблазняетъ жену стараго Бермяты.

Алеша Поповичъ, подобно Ильѣ Муромцу и Добрынѣ Никитичу,—одно изъ главныхъ лицъ среди всего круга былинныхъ героевъ. Эти три богатыря—братья названые между собою; когда они съ другими богатырями стоятъ на заставѣ богатырской, то занимаютъ главныя должности: Илья Муромецъ атамана, Добрыня подъатаманья, Алеша есаула (К., I, 48); когда Батый подступаетъ къ Кіеву, то требуетъ выдачи ихъ троихъ, какъ перваго условія (К., IV, 41). Но между тѣмъ какъ былины въ Ильѣ и Добрынѣ изображаютъ два вполнѣ сочувственныя народу лица, Алешу онѣ противуполагаютъ этимъ богатырямъ, какъ воплощеніе нѣсколькихъ свойствъ порочныхъ; эти пороки былины представляютъ отчасти какъ особенности его личнаго характера, отчасти же признаютъ отличительными чертами того сословія, къ которому принадлежитъ Алеша по происхожденію; вотъ какъ эпосъ выражаетъ эту мысль о сословной наслѣдственности Алешиныхъ пороковъ: однажды богатыри, стоя на заставѣ, разсуждаютъ — кого бы послать противъ наѣзжающаго врага: положились было на Алешу Поповича, но Илья Муромецъ молвилъ:

«Не ладно, ребятушки, положили:

«Алешинька рода поповскаго;
«Поповскіе глаза завидущіе,
«Поповскія руки загребущія;
«Увидитъ Алеша на нахвальщинѣ
«Много злата, серебра,
«Злату Алеша позавидуетъ;
«Погинетъ Алеша понапрасному».
(К., I, 48, ср. Р., II, 144 [1]).

Уже отъ XII, XIII и XIV вѣковъ сохранились въ нашей литературѣ обличенія противъ пороковъ церковнослужителей, и именно противъ корыстолюбія и мздоимства направлены были упреки митрополита Кипріяна [2]) и протестъ новгородскихъ и псковскихъ стригольниковъ. Нельзя не видѣть связи этихъ заявленій съ сатирическими намеками нашего эпоса, нашедшими себѣ еще большее подтвержденіе во времена позднѣйшія.

По скудости извѣстій трудно сказать, — какое отношеніе имѣетъ характеръ былиннаго Алеши къ тому дѣйствительно историческому лицу, о которомъ говорятъ лѣтописи подъ именемъ Александра Поповича; весьма однако вѣроятно, что не столько личныя черты этого лица, сколько родовое его прозвище опредѣлили былинную характеристику Алеши.

Алеша Поповичь младъ родомъ изъ славнаго Ростова, красна города, сынъ Ѳедора, стараго попа соборнаго (К. Д., 187, 191).

На службѣ у Владиміра Поповичь является то дружинникомъ богатыремъ, который съ товарищами стоитъ на за-

---

[1]) Ср. цѣлые разсказы, въ которыхъ попъ характиризуется въ такомъ смыслѣ въ Русскихъ народныхъ легендахъ, изд. *А. Аѳонасьевымъ*, стр. 15 слѣд. и 19 слѣд.

[2]) Ист. Р. сл., *Шевырева*, III, 179.

ставѣ подъ Кіевомъ, то придворнымъ, прислужникомъ князя и княгини.

По личнымъ своимъ качествамъ Алеша особенно отличается смѣлостью; «смѣлый» постоянное его прозвище (напр. Пам. и обр., 316, К., II, 32, Р., I, 132 и пр.); самъ онъ считаетъ себя всѣхъ богатырей поудалѣе, и своего коня порыскучѣе (К., I, 8); онъ даже «зарывчатъ» (Р., I, 76); поэтому съ нимъ случается, что онъ «изорветъ силу» до встрѣчи съ противникомъ (Р., I, 76); увлекшись побѣдой надъ земными врагами, Алеша вызываетъ на бой даже силу нездѣшнюю:

«Мы и съ тою силою, витязи, справимся!»

но эта чудная сила одолѣваетъ. Вмѣстѣ съ этими свойствами Алеша горделивъ спѣсивъ (К., IV, 13) бранчивъ, задоренъ и грубъ:

У Алеши вѣжество нерожденое.

(К. Д., 233).

Въ бою онъ не то, что силенъ и храбръ, какъ Илья, но вертокъ (К. Д., 190), и хитеръ: хитростью онъ подманиваетъ къ себѣ Тугарина, чтобы удобнѣе его поразить (К. Д., 184); хитростью дѣлаетъ онъ и другія дѣла житейскія. Онъ насмѣшникъ женскій, пересмѣшникъ (П. и обр., 361 К., I, 5, 12, Р., I и II): онъ смѣется надъ княгинею Апраксѣевной, что ей нравится Тугаринъ (К. Д., 194); отъ его преслѣдованія бѣжала съ новыхъ сѣней красна дѣвица, дочь гостиная (К., I, 3), онъ опуталъ было своими кознями и жену Добрыни, а сестру братьевъ Збродовичей и совсѣмъ было опозорилъ (К., II, 67). Наконецъ, Алеша слыветъ и судейскимъ перелестничкомъ (К., II, 6). Былины не разсказываютъ его похожденій прямо по этой части, но знаютъ однако нѣчто подобное, повѣствуя о томъ, какъ онъ плутовски уговариваетъ каличьяго

атамана погостить у княгини Апраксѣевны, подкладываетъ атаману Владимірову чарочку и потомъ, обвинивши каликъ въ воровствѣ, является къ нимъ на обыскъ (К. Д., былина о 40 каликахъ съ каликою).

Василій пьяница—беззаботный гуляка, то и дѣло, что гуляетъ по кружеламъ; богатыремъ онъ проявляется случайно: однажды Батый напалъ на Кіевъ,

Не случилося во Кіевѣ богатырей,
Одна объявилась голь кабацкая,
По прозваньицу Василій сынъ Игнатьевичь.
(Р., II, 38, ср. П. и обр., 89).

Но прежде, чѣмъ идти въ бой, Василій потребовалъ, чтобы Владиміръ далъ ему опохмѣлиться. Онъ выпилъ три огромныя чары и потомъ, выйдя противъ Татаръ, разбилъ ихъ и убилъ предводителей. По одному пересказу (П. и обр., 88 и слѣд.), Василій и совсѣмъ не хотѣлъ идти въ бой, еслибы его не уговорилъ самъ князь, прійдя въ кружело, гдѣ Василій лежалъ на печи—нагъ, ни ниточки.

Нельзя въ этомъ лицѣ искать какого нибудь цѣльнаго общественнаго или нравственнаго типа: былины даютъ слишкомъ мало для такой характеристики; но въ проявленіяхъ Василія не безъ основанія можно видѣть то отчаянное настроеніе, которое иногда обнаруживали простые классы нашего народа въ эпоху общественныхъ бѣдствій; въ одномъ историческомъ сказаніи, внесенномъ въ лѣтопись, есть даже цѣлый эпизодъ, напоминающій подвигъ Пьяницы: только по сказанію, въ XIV вѣкѣ и въ Москвѣ происходитъ то, что былины относятъ ко временамъ Батыева нашествія на Кіевъ. Въ 1381 году, во время осады Москвы Тохтамышемъ, почти все населеніе, застигнутое въ расплохъ и лишенное возможности защищаться, предалось пьянству; не многіе дѣйствовали со стѣнъ противъ непрія-

теля и между прочимъ, «нѣкто гражанинъ Москвитинъ суконникъ, именемъ Адамъ, со Фроловскихъ воротъ пусти срелу изъ самострела и уби нѣкоего отъ князей ордынскихъ, сына нарочита и славна суща, і печаль велику сотвори Тахтамышу царю і всѣмъ княземъ его» [1]). Былины идеализируютъ дѣйствительное событіе, помѣщаютъ его въ любимую героическую эпоху и въ частной удачѣ отдѣльнаго лица видятъ пробужденіе побѣдоносной энергіи народа [2]).

Не смотря на свою побѣду, Василій выставляется въ былинахъ не совсѣмъ ловкимъ въ бою:

У Васьки полы долгія,
По землѣ ходить Васька—заплетается,
На бою на дракѣ заплетается.

(К., I, 47).

По этому посланный вмѣстѣ съ Добрыней отвозить въ орду дани выходы, Василій не беретъ на себя богатырскихъ упражненій, на которыя вызываетъ Батый и предоставляетъ ихъ своему спутнику; Василій же только бьетъ челомъ и держитъ рѣчи къ царю.

Таковы разнохарактерныя лица, составляющія, по былинамъ, богатырскую дружину князя Владиміра и являющіяся въ ней представителями различныхъ классовъ народа. Въ дополненіе къ этимъ мужскимъ лицамъ должно упомянуть и о нѣсколькихъ лицахъ женскихъ. Женскія лица не многочисленны и взяты изъ одного только класса народа: онѣ принадлежатъ или къ княжеской семьѣ, или къ семьямъ дружинниковъ; поэтому въ женскихъ лицахъ не указаны слѣды общественныхъ различій, столь очевидныя въ лицахъ богатырей дружинниковъ. Въ своихъ женскихъ

---

[1]) Р. Л. по Ник. сп., т. IV, 135.

[2]) Это сближеніе указано *Шевыревымъ*, Ист. Р. Сл., т. III, 292.

лицахъ былины изображаютъ преимущественно общія черты женской природы, при чемъ подчиняютъ ихъ строгой нравственной оцѣнкѣ. Чаще всего женщина изображается какъ жена: по понятію былинъ, супружеская привязанность есть основа семейнаго счастія и пробный камень женскихъ характеровъ. Подобно знаменитому слову Данила Заточеника, былины очень опредѣленно различаютъ нравственные типы жены злой и доброй.

Подъ типъ жены злой подходятъ и чудесныя существа, каковы жена Потока и Марина, и жена Ивана Годиновича, и Катерина прекрасная, жена Бермяты, любовница Чурилы. Но наиболѣе полно выразился этотъ типъ въ лицѣ молодой жены Владиміра, княгини *Афросиньи, Опраксы* или *Апраксѣевны.*

Былины знаютъ ее еще въ дѣвичествѣ; она честна рода дочь, королевшина, дочь грознаго короля Золотой орды, Етмануйла Етмануйловича или, по другимъ пересказамъ, дочь короля Ляховинскаго. Богатырь Дунай, проча ее въ невѣсты Владиміру, описываетъ ее слѣдующими словами:

Сидитъ Афросинья въ высокомъ терему,
За тридесять замками булатными,
А и буйные вѣтры не вихнутъ на ее,
А красное солнце не печетъ лицо,
А то-то, сударь, дѣвушка станомъ статна,
Станомъ статна и умомъ сверстна,
Бѣлое лицо какъ бы бѣлой снѣгъ,
А ягодицы какъ маковъ цвѣтъ.
Черныя брови какъ бы соболи,
Ясныя очи какъ у сокола.
(К. Д., 87, К., III, 54, 61)

Къ тому же она и

Въ грамоту дѣвица поученая.
(К., III, 55).

Слава ея красоты такъ велика, что и послѣ брака царь Калинъ подымаетъ изъ за нея войну съ Владиміромъ,

Хочетъ отъ жива мужа жену отнять.
(Р., I, 98, 102, 114 и слѣд.).

Какъ супруга Владиміра, она полная хозяйка въ его домѣ: на пирахъ она рядомъ съ княземъ принимаетъ богатырей, напр. Илья Муромца, Ивана Годиновича, Дюка Степановича, Соловья Будиміровича, и беретъ отъ нихъ подарки. Съ нею князь ѣздитъ въ гости къ Чурилѣ въ Кіевецъ (К. Д., 160, Р., I, 283); она принимаетъ участіе въ дѣлахъ богатырей, сватаетъ Алешу Поповича, (П. и обр., 87), старается успокоить гнѣвъ Дуная на его жену (К. Д., 99).

Что она умомъ сверстна, — это обнаруживается тѣмъ, что княгиня прежде всѣхъ подмѣчаетъ примѣты женскія въ женѣ Ставра, переодѣтой мужчиною, вопреки убѣжденію князя, который сердито прибраниваетъ жену, но потомъ самъ въ томъ убѣждается (К. Д., 127 и слѣд.); она же была сдогадлива, три года поила-кормила Илью Муромца, котораго Владиміръ велѣлъ бросить на смерть въ погреба глубокіе, и потомъ, когда обстала Кіевъ сила невѣрная, она присовѣтовала князю справиться: не живъ ли Муромецъ и не поможетъ ли онъ бѣдѣ (К., I, 68, 59)? Но тѣмъ не менѣе умная и красивая княгиня не исполняетъ долга доброй жены: она не вѣрна мужу—то соблазняетъ красиваго атамана каликъ Касьяна Михайловича, то заглядится на Чурилу Пленковича и у души его держитъ (К., IV, 85, Р., I, 266), то водится съ Идолищемъ поганымъ (К., IV, 19), то на пиру сажаетъ подлѣ себя Тугарина Змѣевича и не только не смущается, что онъ ее грубо ласкаетъ и цѣлуетъ въ уста сахарныя, но еще при всѣхъ гостяхъ пѣняетъ Алешѣ Поповичу, убившему Тугарина:

«Деревенщина ты, засельщина,
«Разлучилъ меня съ другомъ милымъ».
(К. Д. 191, 192).

Въ порывѣ страсти она мститъ каликѣ Касьяну, ложно обвинивъ его въ воровствѣ, въ наказаніе за свои грѣхи подвергается страшной болѣзни и, исцѣлившись чудомъ калики, опять таки

Молодому Касьяну покланяется
Безъ стыда, безъ сорому,
А грѣхъ свой на умѣ держитъ.
(К. Д., 240.)

Въ противуположность этому порочному существу былины съ сочувствіемъ изображаютъ два женскихъ лица, въ которыхъ онѣ предполагаютъ воплощеніе женскихъ добродѣтелей. Это *Василиса* и *Настасья Никулишны*. Василиса Никулишна по былинамъ представляется то женою богатыря Данилы, то женою Ставра боярина [1]). Въ обоихъ случаяхъ она сохраняетъ однѣ и тѣ же основныя черты характера, сообщеннаго ей народнымъ творчествомъ, но между тѣмъ какъ въ былинахъ перваго рода трагическое окончаніе ея судьбы придаетъ ея лицу строгость и важность, счастливый исходъ ея приключеній по былинамъ втораго рода изображаетъ ее въ чертахъ по преимуществу мягкихъ и изящныхъ. Вотъ въ какихъ словахъ одинъ изъ приближенныхъ Владиміра характеризуетъ Василису, какъ жену Данилы:

Много я ѣжжалъ по инымъ землямъ,
Много видалъ я королевишонъ,
Много видалъ и изъ ума выталъ:

[1]) Въ пересказѣ Кир., III, стр. 28 и слѣд. Василиса случайно смѣшана съ Настасьею, но по сравненію съ слѣдующимъ пересказомъ видно, что дѣло идетъ о Василисѣ.

Котора лицомъ красна, умомъ не сверстна,
Котора умомъ сверстна, лицомъ не красна,
Не нахаживалъ я такой красавицы,
Не видывалъ я эдакой пригожницы,—
У тово у Данилы у Денисьича,
Ишшо та ли Василиса Никулишна:
И лицомъ она красна, и умомъ сверстна,
И русскую умѣетъ больно грамоту,
И четью-пѣтью горазда церковному;
Ишшо было бы кого звать намъ матушкой,
Величать намъ государынеи!

(П. и орб., 82.)

Словомъ, злой совѣтникъ предлагаетъ князю, тогда еще холостому, взять за себя Василису, а мужа ея если не убить, то удалить безвозвратно. И такъ обстоятельства вызываютъ на испытаніе супружескую преданность Василисы. Данила уѣхалъ, и князь зоветъ къ себѣ его жену. Оскорбленная женщина не спѣшитъ однако выразить свое негодованіе. Напротивъ того она безропотно выслушиваетъ приказъ княжескій, заливается слезами и потомъ ѣдетъ, но не въ Кіевъ, а въ чистое поле, къ мужу, чтобы дать ему вѣсть о случившемся. Данила лишаетъ себя жизни. Тогда князь возобновляетъ свои требованія и велитъ Василисѣ наряжаться въ платье подвѣнечное. И тутъ безропотно вдова исполняетъ его волю, только проситъ позволить ей проститься съ милымъ покойнымъ мужемъ, и въ чистомъ полѣ, надъ трупомъ Данилы,

Спорола сеѣ Василисушка груди бѣлыя,
Покрыла сеѣ Василиса очи ясныя.

(П. и обр., 86.)

Подвигомъ неуклонной преданности любимому мужу кончаетъ жизнь эта женщина, одаренная тою покорностью

судьбѣ и тою глубиною сдержаннаго, но строго-неподкупнаго чувства, которыя былина отмѣчаетъ въ ея характерѣ, давая ей прозвище *грозной*.

Почти въ тѣхъ же обстоятельствахъ является Василиса и какъ жена Ставра. Владиміръ посадилъ этого боярина въ темницу, жена узнала о мужниной бѣдѣ и выручаетъ его. Такимъ образомъ, какъ жена Ставра—Василиса отличается предпріимчивостью, между тѣмъ какъ въ былинахъ о Данилѣ она выражаетъ рѣшимость преимущественно страдательную.

«Повывести будетъ Ставра догадками женскими!»
(Р. II, 95, 105.)

говоритъ Василиса, обдумывая свое намѣреніе. И дѣйствительно, не даромъ Ставръ хвалился ею, что она

Всѣхъ то князей—бояръ пріобманетъ,
Самого тебя Владиміра съ ума сведетъ.
(Р., I, 241, 242, 245, II, 94,104, 115.)

Василиса переодѣвается мужчиной, грознымъ посломъ Васильемъ, и конечно съ опасностью жизни ѣдетъ къ князю; тутъ княгиня узнаетъ было въ ней женщину:

«Знаю я примѣты всѣ по женскому:
«Она по двору идетъ—будто уточка плыветъ,
«А по горенкѣ идетъ—частенько ступаетъ,
«А на лавицу садится—коленца жметъ,
«А и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки,—
«Дужины изъ перстовъ не вышли всѣ.»
(К. Д., 128, ср. Р., I и II.)

Но князь, не довѣряя этимъ словамъ, предлагаетъ послу бороться:

Тако посолъ буде женщина,
Не станетъ онъ въ Кіевѣ бороться.
(К. Д., 128).

Василиса выдерживаетъ и это испытаніе, и еще два другихъ; потомъ, подъ предлогомъ развлеченія, она проситъ Владиміра вывести изъ погреба Ставра, какъ мастера пѣть и играть на гусляхъ. Владиміръ исполняетъ это желаніе, и Ставръ освобожденъ. Такъ торжествуетъ смѣтливость Василисы въ дѣлѣ, которое любящая жена не задумалась предпринять со всѣмъ увлеченіемъ самопожертвованія и въ которомъ ея чувство вдохновило ее на цѣлый рядъ энергическихъ подвиговъ, достойныхъ мужчины-богатыря.

Настасью Никулишну былины изображаютъ и дѣвицею, и замужнею женщиною. Дѣвицею она представляется какъ воинственная паленица, полякующая въ чистомъ полѣ, и великанша, предъ величіемъ и силою которой оробѣлъ самъ Добрыня (см. выше). Въ замужествѣ исчезаютъ чудесныя свойства ея природы и воинственность, и былины изображаютъ ее нѣжно любящею женою, покорною и мужу, и его «государынѣ матушкѣ». Подобно Василисѣ, характеристику Настасьи былины ограничиваютъ однимъ только случаемъ разлуки съ мужемъ. Добрыня принужденъ съ нею разстаться надолго, а можетъ быть и навсегда: онъ поручаетъ Настасью заботамъ матери и даетъ женѣ заповѣдь шесть лѣтъ не выходить ни за кого замужъ. Вѣрная Настасья не только исполняетъ долгъ свой, но еще удвоиваетъ срокъ его; на исходѣ двѣнадцатаго года самъ Владиміръ сватаетъ за нее Алешу Поповича, который привозитъ вѣсть о Добрыниной погибели; менѣе рѣшительная и энергическая чѣмъ Василиса Данилова, Настасья не ищетъ себѣ смерти; смущенная, не имѣющая ни въ чемъ опоры, она принуждена согласиться на бракъ, но въ самое время свадебнаго пира возвращается Добрыня:

Втапоры Настасья засовалася,

Хочетъ прямо скочить, обезчестить столы.
(К. Д. 222.)

Добрыня ласково встрѣчаетъ такой порывъ ея чувства и прощаетъ свою нѣжную и многолюбящую супругу.

Былины говорятъ, что на пирахъ Владиміра безумные хвастаютъ молодыми женами, а разумные старыми матерями. Женскія лица былинъ оправдываютъ такое воззрѣніе: въ числѣ женъ богатырей былины выводятъ и хорошихъ, и дурныхъ; напротивъ того матери богатырей всегда изображаются въ величайшимъ сочувствіемъ и даже почетомъ. Это типъ до того опредѣленный, что матери разныхъ богатырей характеризуются одними и тѣми же постоянными чертами, впрочемъ очень немногочисленными.

Мать богатыря, по имени обыкновенно Амелфа Тимофеевна и Афимья Александровна, всегда честная, матерая вдова, набожная, многоразумная; она всегда любима и уважаема сыномъ:

Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Ужь не шелковая трава разстилается,
Ужь какъ сынъ передъ матерью кланяется.
(К., II, 1.)

Сама она исполнена нѣжной къ нему привязанности, которую былины изображаютъ яркими чертами:

Поѣзжалъ Добрыня во чисто поле,
Провожала его родна матушка,
Простилася, воротилася,
Домой пошла, сама заплакала,
Учала по палаты похаживать
Начала голосомъ поваживать,
Жалобнехонько она съ причетью.
(Р., II, 31.)

Вмѣстѣ съ сыномъ скорбитъ она о его невзгодахъ и утѣ-

шаетъ его: мать богатыря—его наставница и воспитательница, и горе тому сыну, который ослушается материнскихъ совѣтовъ; это ослушаніе всегда не къ добру. Вообще мать изображается какъ лицо въ высшей степени почтенное и достойное уваженія.

Этимъ мы заключимъ очеркъ характера отдѣльныхъ лицъ, изображенныхъ въ былинахъ Владимірова цикла. Намъ остается только прибавить нѣсколько словъ о народномъ значеніи произведеній, насъ занимающихъ.

Подвиги и приключенія Владиміровыхъ богатырей дружинниковъ—по большей части вымышленныя, но побужденія, ихъ создающія, и самый образъ дѣйствія былинныхъ героевъ такъ близки къ дѣйствительнымъ явленіямъ тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ русской народной жизни, когда Русь впервые обособилась въ отдѣльное государственное тѣло, что общій смыслъ богатырской дѣятельности, а слѣдовательно и смыслъ эпоса о ней,—уже историческій, и стало быть былины Владимірова цикла имѣютъ для народа значеніе какъ воспоминаніе, конечно вполнѣ достовѣрное на его взглядъ, объ отдаленнѣйшемъ прошедшемъ родной земли, воспоминаніе тѣмъ болѣе драгоцѣнное, что оно представляетъ родную старину въ яркихъ краскахъ и самыми привлекательными чертами. Этимъ объясняется та живучесть и свѣжесть, съ которою отъ глубоко-древней эпохи до нашего времени былины сохранились въ народной памяти.

Значеніе нашихъ былинъ становится еще шире и полнѣе благодаря прочному нравственному смыслу ихъ содержанія. Независимо отъ условій поэтическаго воспроизведенія дорогой народной старины, былины Владимірова цикла поучительны для народа, какъ рядъ разнообразныхъ картинъ житейскихъ явленій и людскихъ отноше-

ній: въ былинахъ народъ съ умиленіемъ видитъ образцы высокихъ доблестей общественныхъ, образцы нѣжной супружеской привязанности, образцы любви къ слабому и угнетенному, кротости, прямодушія, благоразумія, твердости, самопожертвованія,—и рядомъ имѣетъ случай справедливо осудить проявленія хвастовства, гордости, наглости, хитрости, жестокости... И всѣ эти картины и образы тѣмъ выше становятся въ нравственномъ отношеніи, что они представляютъ собою не лирическое заявленіе личнаго мнѣнія, не протестъ отдѣльныхъ лицъ противъ гнетущаго зла и несправедливости, но истинно эпическое высшее начало примиренія добра со зломъ, которое въ своемъ приговорѣ по дѣломъ воздаетъ каждому человѣку и спокойно и безпристрастно, но не равнодушно, не безстрастно изображаетъ дѣла человѣческія.

Весь этотъ историческій и нравственный смыслъ былинъ для народа превосходно выраженъ въ слѣдующей припѣвкѣ, которою пѣвцы въ старину заключали былины:

То старина, то и дѣянье,
Какъ бы синему морю на утишенье,
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перенимавье,
Еще намъ, веселымъ молодцамъ, на потѣшенье,
Сидючи во бесѣдѣ смиренные,
Испиваючи медъ, зелено вино;
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

(К. Д., 283).

АНТИКВАРНАЯ
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. И. КЛОЧКОВА
СПБ АНТЕЙНЫЙ ПЕР. 33

LED 14

11/1/12
4

II-2

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: August 2012

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN COLLECTIONS PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
00025203732